
ЛѢТЪ ПРИ ДВОРѢ
ВИЛЬГЕЛЬМА.
Цѣна 1 руб.

9 лѣтъ при дворѣ Вильгельма II.

Изъ мемуаровъ графини Эппингховенъ

извлечено Н. А. Темировой.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
Въ книжныхъ магазинахъ
Т-ва Н. П. Карбасникова.

ПЕТРОГРАДЪ Гостиный Д/в. 19. | МОСКВА Моховая 24. | ВАРШАВА Нов. Свѣтъ 69.

Теперь, когда весь міръ пораженъ дерзостью и жестокостью германцевъ, невольно спрашиваешь, кто вдохновитель ихъ?

Кто стеръ симпатичныя черты гетевской и шиллеровской Германіи и мирныхъ бюргеровъ одѣлъ въ звѣриныя шкуры дикихъ тевтоновъ?!

Характерный отвѣтъ далъ одинъ плѣнный нѣмецкій солдатъ, назвавшій эту войну—войной прусскихъ офицеровъ.

Прусскіе-же офицеры, въ свою очередь, отражаютъ нравственный обликъ своего императора.

Каковъ этотъ обликъ—лучше всего судить по безпристрастному описанію графини Урсулы Эппингховнъ—придворной дамы, любимицы германской императрицы, которая въ своихъ мемуарахъ, вышедшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, даетъ полную характеристику Вильгельма II, его семьи, а также и берлинскаго двора.

Приводимъ изъ нихъ наиболѣе интересныя выдержки.

I.

Вильгельмъ II появился на свѣтъ Божій безъ всякихъ особыхъ церемоній, какъ сынъ простого бюргера.

Его принимала придворная акушерка фрейлинъ Шталь въ присутствіи двухъ докторовъ.

— Если-бы вы только знали,—говорила она мнѣ,—до какой степени бѣдная принцесса, жена Фридриха, которой въ то время было всего 18 лѣтъ, чувствовала себя слабой и нервной.

Ее не столько волновало рожденіе перваго ребенка, сколько тревожилъ важный политическій вопросъ, что возникалъ съ появленіемъ именно этого перваго ребенка, такъ какъ въ продолженіе 20 лѣтъ не было рожденій въ королевской семьѣ.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, нашъ бѣдный король Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ уже почти безумнымъ,—дѣтей онъ не имѣлъ, а потому его братъ Вильгельмъ I, будущій императоръ Германіи, наслѣдовалъ послѣ него прусскій престолъ.

Вильгельмъ II родился безъ признаковъ жизни, и всѣ думали, что ребенокъ мертвъ.

Я попросила доктора Мартинъ'а помочь мнѣ, и мы съ нимъ употребляли всѣ средства, чтобы вернуть маленькаго принца къ жизни.

Послѣ того, какъ доктора тщетно испробовали все, что въ такихъ случаяхъ полагается, я взяла ребенка и, положивъ его на мою лѣвую руку, стала правой рукой бить его мокрой салфеткой, какъ было заведено въ старину, къ великому ужасу докторовъ и всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ инцидентѣ.

„Къ черту этикетъ,—подумала я, видя, какъ кривятся физіономіи у тѣхъ и у другихъ.— Вѣдь въ сущности какое мнѣ до нихъ дѣло, когда вопросъ идетъ о жизни ребенка?". И вотъ я продолжала хлопать его сначала тихонько, потомъ посильнѣе. И, наконецъ, мои труды увѣнчались успѣхомъ: какъ разъ къ тому времени, когда пушки заканчивали свои 101 выстрѣлъ, извѣщавшіе о рожденіи принца въ королевской семьѣ,—слабый крикъ раздался изъ устъ ребенка,—значитъ, онъ живъ. Благодаря мнѣ, нашъ маленькій принцъ былъ спасенъ".

„Хотя я прекрасно знаю", сказала фрейлинъ Шталь, „что болѣзненность императора приписывается главнымъ образомъ невѣжеству и неумѣнью тѣхъ лицъ, что помогали при его рожденіи, но—добавила она—-неужели вы думаете, что послѣ этого меня стали-бы приглашать во дворецъ, для того чтобы я продолжала уродовать всѣхъ вновь появляющихся на свѣтъ „гогенцоллерновъ"?

Настоящая-же причина болѣзненности императора—это его наслѣдственность.

Всѣмъ извѣстно, что со стороны матери онъ наслѣдовалъ ту страшную нервность, которой страдала принцесса передъ рожденіемъ сына.

Онъ родился очень слабымъ: лѣвая рука была плохо развита, вообще, вся лѣвая сторона тѣла отличалась слабостью; эта слабость осталась и до сихъ поръ.

Всѣ во дворцѣ прекрасно знаютъ, что если походка императора кажется легкой и быстрой, то это потому, что онъ непрестанно слѣдитъ за собой, и если, хотя на одну минуту, онъ забудетъ объ этомъ, то моментально лѣвая нога его подвертывается

Однимъ словомъ, вся лѣвая сторона тѣла причиняетъ ему страданія: болитъ лѣвое ухо. лѣвая половина головы.

Свою злосчастную руку, больше частью, Вильгельмъ близко прижимаетъ къ корпусу,—кисть-же руки, которая не изуродована болѣзнью, но значительно только меньше и слабче правой руки, онъ всегда держитъ на груди или на боку, если ѣдетъ верхомъ.

Пальцы руки не совсѣмъ парализованы,—такъ, напри-

мѣръ, онъ можетъ держать поводья, но управлять лошадью долженъ уже правой рукой.

Безъ преувеличенія можно сказать, что пять придворныхъ лакеевъ, изъ которыхъ двое специально приставлены, чтобы раздѣвать и одѣвать императора, являются несчастными жертвами его недуга.

— Право, мы бы готовы были десять разъ переодѣть его величество,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—вмѣсто обычныхъ трехъ-четырехъ, если-бы не опасались задѣть его больную руку.

Кромѣ того, его величество одѣвается очень быстро, и, когда, напримѣръ, онъ приподнимаетъ правую ногу, чтобы переодѣть панталоны, то мы всегда боимся, чтобы онъ не потерялъ равновѣсія, а потому каждую минуту должны быть на-сторожѣ, чтобы поддержать его.

Несмотря на то, что Вильгельмъ старательно скрываетъ передъ всѣми свою болѣзнь уха, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ побороть своего вѣчнаго страха передъ малѣйшимъ заболѣваніемъ.

Большею частью онъ самъ лѣчитъ свое ухо; впрочемъ, императрица также прекрасно умѣетъ ухаживать за своимъ супругомъ. Часто она прибѣгаетъ къ помощи специальнаго прибора, чтобы съ его помощью промыть больное ухо императора.

Этотъ приборъ прикрѣпленный къ длинной каучуковой трубкѣ, всегда находится повѣшеннымъ у изголовья кровати ихъ величествъ, другой имѣется въ уборной императора, а третій всегда берется съ собой во время путешествія въ каюту яхты „Гогенцоллернъ“ или въ вагонъ императорскаго поѣзда.

До какой степени Вильгельмъ отличается мнительностью (т. е. боязнью заразиться), видно изъ слѣдующаго случая.

18-го Ноября 1888 года во время завтрака императору доложили о смерти наслѣднаго принца Шоенбургъ, послѣдовавшей отъ дифтерита.

— Отъ дифтерита!—воскликнулъ онъ, страшно поблѣднѣвъ,—очевидно, въ этой мѣстности воздухъ насыщенъ заразой,! Немедленно предупредите дежурнаго камергера приготовить мои вещи и сейчасъ же отослать ихъ въ Берлинъ.

— Но, вѣдь, аппартаменты вашего величества въ Берлинѣ еще не отдѣланы,—замѣтилъ фонъ-Либенау.

— Такъ что жъ изъ этого,—возразилъ императоръ,—во всякомъ случаѣ, для меня тамъ найдется уголъ, гдѣ бы я могъ ѣсть и спать! По крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ я буду далекъ отъ заразы!

Черезъ нѣсколько минутъ, увидя императрицу, онъ ей сказалъ безъ дальнѣйшихъ объясненій:

— «Дона»—(такъ называетъ Вильгельмъ свою супругу въ семейномъ кругу)—я уѣзжаю въ Берлинъ, и этотъ домъ больше меня не увидитъ!

Августа-Викторія была поражена не ожиданнымъ извѣстіемъ, но, хорошо зная характеръ своего супруга, не рѣшалась спрашивать о причинахъ его внезапнаго отъѣзда.

Вильгельмъ II сдержалъ свое слово: онъ никогда больше не возвращался въ Мраморный дворецъ.

Можно привести еще нѣсколько случаевъ страшной мнительности императора.

Часто, напримѣръ, онъ отказываетъ въ пріемѣ своемъ министрамъ и другимъ офиціальнымъ лицамъ, узнавъ, что въ ихъ семьѣ есть больные. Иногда изъ за этой же idée fixe императора откладывались дѣла первостепенной государственной важности.

— Я видала не разъ,—прибавляетъ дальше графиня,—какъ императоръ, во время какого-нибудь пріема или бала, вдругъ неожиданно покидалъ своего собесѣдника, оставляя его въ глубочайшемъ недоумѣніи, только потому, что тотъ имѣлъ неосторожность сказать, что у его дѣтей корь или даже просто насморкъ.

Одно упоминаніе о какой бы то ни было болѣзни, хотя бы самой пустячной заставляетъ императора-убѣгать со всѣхъ ногъ.

Такъ, напримѣръ, узнавъ о смерти маленькаго принца Рейссъ, умершаго отъ скарлатины, Вильгельмъ потребовалъ, чтобы императрица отдала дезинфецировать весь свой туалетъ, въ которомъ она присутствовала на крестинахъ маленькаго принца, т. е. когда тотъ былъ еще совершенно здоровъ.

II.

Привожу au hasard газетныя замѣтки о времяпровожденіи императора: 8 ч. 15 м. Докладъ военнаго министра.

10 ч. 15 м. Докладъ канцлера.

12 ч. 30 м. Аудіенція вновь произведеннымъ офицерамъ, завтракъ въ вагонѣ.

2 ч. Отъѣздъ на охоту къ графу Финкенстонъ.

Въ полночь возвращеніе въ Новый дворецъ.

На другой день:

9 ч. Смотръ гвардейскихъ полковъ въ лагерѣ Борнстетеръ.

1 ч. 30 м. Завтракъ въ полку.

6 ч. Обѣдъ съ офицерами гвардейскаго корпуса.

Часъ возвращенія не обозначенъ.

Изъ этого краткаго бюллетеня можно отмѣтить, что въ программѣ дня императора есть перерывъ въ нѣсколько часовъ, который ничѣмъ не заполненъ; т. е. тотъ промежутокъ времени, что длится отъ завтрака до обѣда.

Это объясняется тѣмъ, что его величество нуждается въ продолжительномъ отдыхѣ, каковой, впрочемъ, онъ старается тщательно скрывать отъ своихъ приближенныхъ.

И часто, когда большинство изъ нихъ воображаетъ, что Вильгельмъ II занятъ важными государственными вопросами, онъ на самомъ дѣлѣ отдыхаетъ въ своей уборной, растянувшись на небольшой односпальной кровати.

Проспавъ часа два, онъ затѣмъ беретъ горячую ванну, послѣ которой слѣдуетъ обливаніе изъ холодной морской воды.

Отдохнувъ такимъ образомъ, императоръ идетъ въ билліардную комнату и тамъ, присѣвъ на край билліарда и закуривъ дорогую гаванну, съ наслажденіемъ выслушиваетъ разныя сплетни и толки, задѣвающіе его придворныхъ, а также и нѣкоторыхъ иностранныхъ высокопоставленныхъ лицъ.

Въ это-же самое время императрица находится въ „чайной компатѣ“ гдѣ она обыкновенно проводитъ нѣсколько

часовъ, сидя за вязаньемъ изъ грубой шерсти всевозможныхъ кофточекъ и фуфаекъ, предназначающихся для сиротъ какого-нибудь пріюта, бесѣдуя на религіозныя темы съ барономъ Мирбахъ или со своимъ личнымъ секретаремъ— г. Кнесбекъ, лицомъ, пользующимся ея исключительнымъ довѣріемъ.

Какой контрастъ въ сущности между вкусами обоихъ супруговъ.

Часто изъ полуоткрытой двери билліардной доносится голосъ императора, съ нескрываемой насмѣшкой или злымъ намекомъ отзывающійся о женѣ или дочери одного изъ своихъ близкихъ друзей.

Иногда для того, чтобы заслужить вниманіе Вильгельма,—даже получить приглашеніе на его яхту «Гогенцоллернъ», когда онъ совершаетъ на ней свое обычное плаваніе по Сѣверному морю, достаточно разсказать ему какую-нибудь гривуазную исторію.

Были примѣры, когда нѣкоторыя лица, за свое искусство разсказывать неприличные анекдоты, назначались посланниками.

Императоръ, вообще, любитъ развлеченія; такъ, однажды, наканунѣ новогодняго пріема, когда болѣе 6,000 человѣкъ должны были откланяться ихъ величествамъ,—Вильгельмъ обратился со слѣдующей фразой къ графу Эйленбургъ.

— Дорого бы я далъ, чтобы имѣть возможность не скучать при видѣ такой массы лицъ, проходящихъ мимо меня!.

— Будетъ исполнено, ваше величество!

Этотъ отвѣтъ очень заинтриговалъ императора!

Графъ Эйленбургъ былъ вполнѣ увѣренъ, что среди такого количества лицъ, конечно, найдется хоть одно, чтобы потѣшить императора.

Графъ Эйленбургъ не ошибся.

Въ числѣ представлявшихся дамъ была графиня д'Арнимъ, чья близорукость давно служила мишенью для всевозможныхъ остротъ.

И вотъ вопреки этикету, онъ допустилъ графиню одну приблизиться къ трону.

Несчастная женщина, предоставленная самой себѣ, смѣло прошла мимо ихъ величествъ, не кланяясь.

Всѣ такъ и замерли.

Но императоръ обратилъ все въ шутку и весело воскликнулъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:

— Прощайте, мадамъ!.

Въ этотъ моментъ графиня подошла къ оконной нишѣ, воображая, что это и есть тронъ и стала дѣлать глубокіе реверансы.

Услыхавъ саркастическія слова императора, она поняла свою ошибку.

Волненіе бѣдной женщины было до того велико, что она упала въ обморокъ.

Однимъ изъ самыхъ постоянныхъ развлеченій Вильгельма являются его двѣ небольшія, злыя собаченки—таксы, которая слѣдуютъ за нимъ повсюду, онѣ изгнаны только изъ спальни ихъ величествъ, и то изъ уваженія къ ногамъ императрицы.

Но зато всѣ остальные придворные дамы и кавалеры постоянно рискуютъ быть искусанными этими несносными животными. И если послѣднее случается, то это доставляетъ несказанное удовольствіе ихъ высокопоставленному хозяину. Хотя эти любимцы императора наносятъ значительный ущербъ его бюджету, такъ какъ они портятъ мебель, ковры, разбиваютъ дорогія фарфоровыя бездѣлушки, но тѣмъ не менѣе имъ все дозволено; эти проказы только развлекаютъ императора,—иногда онъ способенъ разсказывать о забавныхъ продѣлкахъ своихъ таксъ по цѣлымъ часамъ.

Кстати приведу одну изъ такихъ милыхъ «забавъ» Вильгельма II.

Однажды во дворцѣ былъ незначенъ завтрокъ gala; и вотъ всѣ приглашенныя дамы и кавалеры въ парадныхъ придворыхъ костюмахъ ждали появленія ихъ величествъ въ колонной залѣ, чтобы потомъ послѣдовать за ними въ столовую.

По этикету двѣ дежурныя фрейлены—графиня Келлеръ и г-жа Герсдорфъ—стояли нѣсколько впереди остальныхъ.

Вдругъ двери раскрылись—всѣ начали немедленно раскланиваться.

Но эта была ложная тревога: изъ раскрытой двери выбѣжали со страшнымъ лаемъ только двѣ ненавистныя собаченки...

— Я не знаю, что бы я отдалъ, только бы имѣть на себѣ сапоги со шпорами!—проговорилъ около меня принцъ Фридрихъ-Леопольдъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ только таксы замѣтили не прикрытыя сапогами икры придворныхъ кавалеровъ, такъ съ угрожающимъ лаемъ набросились на нихъ. Тѣ, защищая себя, стали прятаться за спины дамъ передъ которыми они только что парадировали въ своихъ красивыхъ шелковыхъ чулкахъ.

Но принятыя ими мѣры предосторожности были напрасны, такъ какъ въ этотъ счастливый день любимцы его величества были въ миролюбивомъ настроенiи...

Послѣ нѣсколькихъ прыжковъ они остановились, —одинъ около графини Келлеръ, другой—передъ г-жей фонъ-Герсдорфъ, и повели себя самымъ непристойнымъ образомъ...

Въ эту минуту вошелъ императоръ подъ руку съ императрицей.

Бѣдныя дамы, жертвы неприличной безцеремонности гадкихъ собаченокъ, не успѣвъ ихъ прогнать отъ себя, стали низко присѣдать передъ ихъ величествами.

Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, отвратительныя таксы съ радостнымъ лаемъ не бросились къ своему повелителю...

—Ахъ, скверные мальчишки,—воскликнулъ Вильгельмъ,—въ одно мгновенье сообразивъ, въ чемъ дѣло,—если вы снова начнете, я васъ побью!

И, говоря это, императоръ разразился хохотомъ на всю залу,—онъ надѣялся, что императрица будетъ вторить ему, но та, страшно покраснѣвъ, поспѣшила увести развеселившагося супруга въ столовую.

Что же касается таксъ, то онѣ все время, пока продолжался завтракъ, оставались въ залѣ и занимались тѣмъ, что изорвали въ клочья драгоцѣнный вѣеръ графини Пуклеръ, которая его тамъ позабыла.

— Почему вы не отравите этихъ отвратительныхъ жи-

вотныхъ?—спросилъ однажды баронъ Мирбахъ у графа Эйленбурга, бывшаго тогда церемоніймейстеромъ берлинскаго двора.

— О, я объ этомъ не разъ думалъ и, конечно, доведенный до крайности я такъ бы и поступилъ,—отвѣтилъ его превосходительство,—если бы я былъ вполнѣ увѣренъ, что императоръ не замѣнитъ этихъ маленькихъ, несносныхъ собаченокъ громадными догами, какъ то было у Бисмарка. Тогда это будетъ, пожалуй еще похуже таксъ!

III

Не стану утомлять читателя перечисленіемъ, какъ и когда императоръ „изволитъ" вставать, мѣнять свои мундиры, фехтовать, ѣздить верхомъ, играть въ теннисъ,—однимъ словомъ, какъ и чѣмъ заполняетъ онъ программу дня своей подвижной жизни,—это дѣло хроникеровъ.

Впрочемъ, можно заключить изъ словъ самого Вильгельма, что хотя онъ и очень любитъ, чтобы о немъ появлялись статьи въ газетахъ, а также книги, въ которыхъ онъ фигурируетъ, по тѣмъ не менѣе, императоръ заявлялъ не разъ своимъ приближеннымъ, что въ своей жизни онъ долженъ отдавать отчетъ только самому Богу и что, вообще, вся его жизнь, такъ, какъ онъ ее понимаетъ,—это сплошной *трудъ для блага страны и мира всей Европы.*

Безъ всякаго сомнѣнія, Вильгельмъ вѣритъ въ то, что онъ призванъ въ міръ для свершенія этой великой миссіи!

И вотъ, съ помощью всевозможныхъ книгъ и брошюръ, восхваляющихъ его подвиги, императоръ старается поддержать въ народѣ эту вѣру въ свое великое призваніе.

Все, что бы онъ ни совершалъ, какъ бы онъ ни поступалъ,—все это дѣлается имъ для блага и счастья его подданныхъ!

Оказываетъ ли его величество важныя услуги родинѣ, посвящая всего себя государственному труду, подчасъ даже непосильному, какъ онъ выражается, занимается ли только литературой, напримѣръ, пишетъ романъ, сочиняетъ ли

какой-нибудь музыкальный отрывокъ, или же режиссируетъ великосвѣтскимъ любительскимъ спектаклемъ, — все это подвигъ.

Все это предопредѣлено ему свыше!

Въ сущности Вильгельмъ II принаравливаетъ всѣ жизненныя событія къ культу своей личности—его любовь къ себѣ не знаетъ предѣловъ!

Эта-то самовлюбленность управляетъ всѣми его малѣйшими поступками и желаніями!

И нѣтъ ничего удивительнаго, что при такой болѣзненной самовлюбленности Вильгельмъ II доходитъ даже до соперничества съ Самимъ Господомъ Богомъ.

Такъ напримѣръ:

Императоръ приказалъ раздавать въ одной изъ новыхъ полковыхъ церквей въ Берлинѣ книжки Библіи со слѣдующей надписью:

„Я пойду среди васъ, и я буду вашимъ Богомъ, и вы будете моимъ народомъ!".

А въ Августѣ 1897 года въ Кобленцѣ мы услышали его извѣстную проповѣдь, въ которой его величество уже открыто предъявляетъ свою кандидатуру по управленію царствіемъ Божіимъ.

Недаромъ, одна изъ сестеръ Вильгельма сказала пронего:

— Я думаю, что скоро его величество пригласитъ луну раздѣлить съ нимъ ложе,—по примѣру того римскаго императора, который вообразилъ себя богомъ.

И, мнѣ кажется, въ насмѣшкѣ принцессы есть своя доля правды, потому что Вильгельмъ II въ буквальномъ смыслѣ понялъ слова Діоклетіана, которыя тотъ произнесъ умирая:

— Мнѣ кажется, что я становлюсь богомъ.

Но, не смотря на свои „божественныя" наклонности, императоръ относится очень строго, порой даже безжалостно, къ своимъ сановникамъ и слугамъ, которые имѣютъ несчастіе не угодить ему.

Впрочемъ, и съ лицами болѣе высокопоставленными онъ тоже не считается, если они почему-либо не сумѣютъ ему понравиться.

Какъ примѣръ тому, привожу слѣдующій фактъ:

У императора произошелъ какой-то инцидентъ съ иностраннымъ посланникомъ на чисто личной почвѣ. (Авторъ мемуаровъ не считаетъ возможнымъ дать подробности этого случая, такъ какъ онъ слишкомъ интимнаго характера).

Вильгельмъ былъ такъ этимъ возмущенъ, что внезапно рѣшилъ отмѣнить придворный балъ, несмотря на уже разосланныя приглашенія, только изъ-за того, чтобы не встрѣтить тамъ посланника, навлекшаго на себя его гнѣвъ.

„Знаете-ли вы, почему я отмѣняю этотъ балъ и тѣмъ причиняю массу непріятностей всѣмъ приглашеннымъ?— сказалъ онъ, обращаясь въ графу Эйленбургу.

Только потому, что не хочу, чтобы этотъ X. переступалъ порогъ моего дворца!

Я знаю, онъ намѣренъ былъ быть на балу!

Но теперь онъ не придетъ, такъ какъ я лучше готовъ увидѣть мой дворецъ въ развалинахъ, чѣмъ провести вечеръ въ его присутствіи!

Я не буду имѣть ни одной минуты покоя, пока этотъ человѣкъ не покинетъ Берлинъ!“

Весь Вильгельмъ II сказался въ этихъ фразахъ.

Онъ не поколеблется завѣдомо причинитъ неудовольствіе цѣлой массѣ лицъ, только бы самого себя избавить отъ лишней непріятности. Вотъ его лозунгъ:

„Я одинъ и всѣ для меня“!

IV.

Солдаты, стоящіе на часахъ около Потсдамскаго дворца, хорошо вооружены, и когда они стрѣляютъ, то не знаютъ промаха.

Однажды часовой застрѣлилъ какого-то зазѣвавшагося поселянина, слишкомъ близко подошедшаго къ дворцу.

Узнавъ объ этомъ, императоръ публично поздравилъ солдата, вызвавъ его передъ полкомъ и крѣпко пожавъ ему руку, сказалъ:

„Я горжусь тѣмъ, что въ моихъ войскахъ такіе исправ-

ные и смѣлые солдаты! Такая преданность всегда на хорошемъ счету у меня и будетъ отмѣчена мною по заслугамъ".

Въ придворныхъ кругахъ много было разговоровъ по этому поводу.

А спустя нѣкоторое время послѣ инцидента съ часовымъ, Вильгельмъ II произнесъ свою знаменитую рѣчь, обращенную къ рекрутамъ Потсдама, передъ тѣмъ какъ имъ принять присягу.

Въ газетныхъ отчетахъ эта жестокая рѣчь императора появилась въ смягченномъ видѣ; но мнѣ пришлось познакомиться съ этимъ историческимъ документомъ по черновику, текстъ котораго оказался еще болѣе безпощаднымъ, нежели воспроизведенная газетами рѣчь императора.

Я была страшно поражена и взволнована тѣмъ, что его величество могъ написать такія ужасныя и неосторожныя слова!

По порученію моей августѣйшей хозяйки, я пошла въ кабинетъ императора, чтобы просмотрѣть на его письменномъ столѣ листъ расписанія, гдѣ была распредѣлена программа офиціальной жизни ихъ величествъ за эту недѣлю.

Но какъ разъ противъ нужнаго мнѣ числа я увидала крупный слегка закругленный почеркъ Вильгельма II.

„Новобранцы! Запомните разъ на-всегда, что германская армія должна быть постоянно готовой поражать враговъ, которые могутъ возникнуть среди своего-же народа.

Эти враги еще опаснѣе и ненавистнѣе, чѣмъ чужестранные!

За послѣднее время недовѣріе и недовольство на подобіе гадовъ расползаются по странѣ нашей въ размѣрахъ, еще до сихъ поръ небывалыхъ...

А потому вы каждую минуту можете быть призваны стрѣлять въ собственныя ваши семьи или-же ударомъ сабли должны будете сразить отца, мать, братьевъ и сестеръ!

Этотъ мой приказъ долженъ быть исполненъ съ воодушевленіемъ и безропотно, такъ-же безпрекословно, какъ всякій другой приказъ, который я отдаю вамъ!

А теперь, ступайте къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей“!

Вильгельмъ II пользуется своимъ выдающимся положеніемъ, какъ дубиной, которой онъ оглушаетъ все, что находится вокругъ него.

Онъ не считается ни съ преклоннымъ возрастомъ, ни съ признанными государственными заслугами своихъ сановниковъ.

Въ Декабрѣ 1895 года его величество приказалъ своему престарѣлому канцлеру князю Гогенлоэ (дядя императрицы) быть на Потсдамскомъ вокзалѣ въ 7 ч. утра, чтобы во время завтрака въ вагонѣ выслушать докладъ канцлера о текущихъ дѣлахъ.

Но каково-же было удивленіе императора, когда, вмѣсто князя, онъ увидалъ княгиню Гогенлоэ, ожидавшую его въ салонъ-вагонѣ.

— Развѣ мой канцлеръ боленъ? Право, въ данную минуту мнѣ-бы это было очень непріятно!

— Нѣтъ, благодаря Бога, онъ не боленъ, а только спитъ!— отвѣчала княгиня.

Онъ спитъ, когда его повелитель бодрствуетъ!

— Тише, тише, господинъ племянникъ!

Припомните хорошенько, при какихъ условіяхъ мой мужъ согласился быть канцлеромъ?

Прежде всего, онъ потребовалъ, чтобы отнеслись почтительно къ его годамъ и привычкамъ.

А вѣдь ваша телеграмма приказывала, чтобы онъ, 78-лѣтній старецъ, въ 7 ч. утра, да еще зимой, явился со своимъ докладомъ на какой-то вокзалъ!

Ну, такъ этотъ самый докладъ привезла я,—вотъ и все Надѣюсь я была въ правѣ такъ поступить?!

Послѣ этой тирады императору ничего другого не оставалось, какъ только выразить свое полное одобреніе своей „независимой“ тетушкѣ.

Но, все же, онъ не преминулъ прибавить нарочно громкимъ голосомъ, чообы быть услышаннымъ своими адъютантами:

— Очень извиняюсь, дорогая тетушка, за причиненное безпокойство и страшно сожалѣю, что мой дядя — князь Гогенлоэ нездоровъ! По своемъ возвращеніи въ Потсдамъ надѣюсь васъ еще застать во дворцѣ. Мольтке васъ проводитъ. Дона будетъ рада васъ видѣть!

Но, если Гогенлоэ могутъ такъ поступать, то того же нельзя допустить какимъ-то Микель, Тильманнъ, или же Гоммерштенъ,—всѣ они должны безпрекословно исполнять повеленія императора, иначе имъ грозитъ немедленная отставка.

Зимой эти господа должны быть въ распоряженіи императора съ 7 час., а лѣтомъ имъ назначаютъ явиться съ докладомъ къ половинѣ 6-го или въ 6 часовъ утра.

Въ этомъ случаѣ бѣдный министръ долженъ встать въ 4 часа утра, чтобы быть готовымъ къ аудіенціи, на которой обязанъ присутствовать въ полной парадной формѣ, т. е. въ короткихъ панталонахъ, шелковыхъ чулкахъ, на боку—сабля, а на груди—всѣ ордена и знаки отличія.

Разумѣется, такіе утренніе пріемы не бываютъ каждый день, такъ какъ его величество и самъ часто любитъ поспать подольше.

V.

Иногда въ зимніе мѣсяцы, когда императоръ охотится въ окрестностяхъ Новаго дворца,—вдругъ случается, что онъ почему-либо бросаетъ охоту и возвращается въ Потсдамъ.

Тогда моментально начинаютъ работать телеграфныя проволоки и во всѣ концы Берлина летятъ слѣдующія депеши: его величество *приказываетъ* графу Позадовскому (министръ землядѣлія) или какому-нибудь другому министру, быть въ Новомъ дворцѣ къ такому-то часу; или-же, по телефону раздается многозначительное „befelhe“ (приказываю)—этимъ словомъ обыкновенно начинаются всѣ „телефонные“ разговоры Вильгельма.

И, зачастую, когда ихъ превосходительства—министры—со своими секретарями пріѣзжаютъ въ Вильдпаркъ, то

ожидающій ихъ на вокзалѣ дворцовый кучеръ объявляетъ имъ, что императоръ изволитъ снова вернуться на охоту, и что его величество прибудетъ обратно часа черезъ два или три, а то и позднѣе.

Тогда господа министры возвращаются опять въ Берлинъ, откуда, иногда сейчасъ же по ихъ пріѣздѣ, они бываютъ вызваны императорскимъ «befechle» обратно.

Не даромъ дворцовая поговорка гласитъ:

«Тотъ министръ, каторый дорожитъ своимъ постомъ, долженъ имѣть ухо у телефона, одинъ глазъ — на часахъ, а другой—не спускать сь «agenda» (листъ расписанія программы придворной жизни на недѣлю)».

Обычно императоръ назначаетъ эти утренніе пріемы, когда готовится къ какимъ-нибудь маневрамъ, смотрамъ, или же когда онъ возвращается изъ непродолжительной поѣздки.

А, кстати сказать, его страсть къ путешествіямъ давно уже всѣмъ извѣстна.

Нечего и говорить, что обставляются они со всевозможнымъ комфортомъ и роскошью.

Поѣздъ Вильгельма II это настоящій передвижной дворецъ,—въ немъ помѣщаются: салоны, столовыя, спальни, уборныя, ванны, буфетная, кухни и даже конюшня; но что касается слугъ, то имъ нѣтъ мѣста и они должны спать на полу, или-же дремать, сидя на стульяхъ въ корридорѣ.

Такое отношеніе императора къ прислугѣ само собой доказываетъ, что они, какъ люди, для него не существуютъ.

Онъ обращается къ нимъ только когда отдаетъ приказанія, никогда не называя по имени:

— „Послушайте! Ей, какъ васъ тамъ!"

Никто изъ слугъ никогда не слыхалъ, чтобы съ императорскихъ устъ сорвалось слово самой обыкновенной, общепринятой вѣжливости,—хотя бы такое какъ „пожалуйста" или „здравствуйте".

Зато часто мнѣ приходилось слышать слѣдующія выраженія его величества:

„Слишкомъ много чести, чтобы эту презрѣнную шайку воровъ и плутовъ я еще называлъ по ихъ именамъ"!

Приказанія къ отбытію императора можно ожидать каж-

дую минуту, а потому свита Вильгельма настолько къ этому прiучена, что въ какой-нибудь часъ можетъ быть готовой къ самому продолжительному путешествiю.

Большею частью это распоряженiе дѣлается въ самый послѣднiй моментъ и тогда это внезапное рѣшенiе императора производитъ страшное смятенiе среди сопровождающихъ его величество лицъ, какъ-то: адъютантовъ, секретарей (военныхъ и штатскихъ), докторовъ, буфетчиковъ, лакеевъ, кучеровъ, грумовъ, конюховъ и поваровъ.

Всегда остается въ строжайшемъ секретѣ мѣсто назначенiя поѣздки императора, вь особенности, если онъ имѣетъ цѣлью посѣтить какую-нибудь отдаленную крѣпость, чтобы произвести тамъ военную тревогу.

Въ день отбытiя его величества не малый трудъ выпадаетъ на долю его дежурнаго камердинера, которому вмѣняется въ обязанность приготовить мундиры императора, а такъ какъ Вильгельмъ имѣетъ привычку носить мундиръ старѣйшаго полка того горнизона, который онъ удостаиваетъ своимъ посѣщенiемъ, то можно себѣ вообразить всѣ треволненiя этихъ „приготовленiй“, когда знаешь, сколько нужно употребить времени, хотя бы для того, чтобы собрать, напримѣръ, одинъ только кавалерiйскiй мундиръ, который состоитъ изъ 14 частей.

Кромѣ мундировъ, его величество требуетъ еще запасъ штатскаго платья и нѣсколько охотничьихъ костюмовъ.

Манiя путешествiя до того развита у Вильгельма, что иногда, когда онъ не можетъ найти подходящаго предлога для совершенiя поѣздки якобы для государственной надобности, а также не знаетъ, къ кому поѣхать въ гости въ окрестные замки своихъ друзей, то тогда императоръ дѣлаетъ себѣ „иллюзiю путешествiя“, почуя въ своемъ роскошномъ поѣздѣ, стоящемъ всегда наготовѣ на станцiи Вильдпаркъ, въ пяти минутахъ отъ Новаго дворца.

„Больше ста чиновниковъ и рабочихъ находятся на дежурствѣ всю ночь, пока его величество изволитъ спокойно почивать въ своемъ комфортабельномъ вагонѣ“,—объявилъ мнѣ графъ Эйленбургъ.

— Сто человѣкъ это невозможно,—возразила я.

— Могу васъ увѣрить, именно сто,—продолжалъ графъ свои сообщенія, такъ какъ мнѣ подали списокъ всѣхъ лицъ, назначенныхъ на это ночное дежурство. Да иначе не можетъ быть; вѣдь всѣ товарные поѣзда должны быть задержаны, а пасажирскіе вынуждены уменьшить свою скорость.

«Наконецъ, нужно слѣдить, чтобы не было звонковъ и свистковъ; къ тому же весь желѣзнодорожный штатъ долженъ быть удвоенъ, дабы не произшло какого-нибудь несчастнаго случая.

Чтобы дать полную картину необыкновенной подвижности императора Вильгельма II, я приведу вамъ выдержки изъ моего журнала, начиная съ Августа 1893 года по Августъ 1894 года.

Итакъ, во время этихъ 356 дней императоръ провелъ 199 внѣ своихъ официіальныхъ резиденцій.

Затѣмъ, изъ 166 дней, которые онъ былъ официіально въ Берлинѣ, 67 были отданы охотѣ или какимъ-нибудь другимъ развлеченіямъ въ окрестностяхъ Берлина и Потсдама, а остальные 99 были посвящены пріемамъ и смотрамъ.

Число миль, сдѣланныхъ въ этомъ году императоромъ, по моему счету, ровняется тремъ четвертямъ поверхности земного шара.

Одинъ русскій посланникъ въ Берлинѣ передалъ мнѣ слѣдующее,—продолжалъ свое повѣствованіе графъ.

«Нашъ Императоръ Александръ III часто говорилъ, что въ исторіи онъ зналъ только одного монарха, который бы походилъ на Вильгельма II—это Карлъ XII.

Затѣмъ Его Величество изволилъ добавить:

— Вотъ вы увидите, что Вильгельмъ въ скоромъ времени, по примѣру Карла XII, вмѣсто себя самого пошлетъ свой сапогъ предсѣдательствовать въ государственномъ совѣтѣ».

Вильгельмъ II старается дать тысячу объясненій своей ненормальной подвижности и, судя по его словамъ, если онъ путешествуетъ, то только исключительно по причинамъ высшей политики.

Но настоящій мотивъ всѣхъ этихъ постоянныхъ переѣздовъ заключается въ его болѣзненномъ темпераментѣ,

который влечетъ этого современнаго Агасѳера изъ страны въ страну, изъ города въ городъ черезъ моря и горы.

V.

Бываетъ такой періодъ, какъ Вильгельмъ II не въ состояніи развлечь себя своими поѣздками, экскурсіями, охотами, а между тѣмъ ему необходимо хотя чѣмъ-нибудь заполнить свою болѣзненную жажду дѣятельности.

И вотъ тогда-то онъ начинаетъ мечтать.

Онъ мечтаетъ стать великимъ музыкантомъ, великимъ ораторомъ, великимъ художникомъ, великимъ поэтомъ!

Такъ, напримѣръ, „Гимномъ Эгиру“ онъ думалъ сразу завоевалъ сибѣ извѣстность въ музыкальномъ мірѣ.

Въ Берлинѣ и другихъ городахъ Германской имперіи многіе хотѣли бы знать, кто именно сочинилъ этотъ знаменитый гимнъ?

Я потребую слегка приподнять завѣсу этой тайны.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, откровенно, кто помогъ его величеству сочинить этотъ „Гимнъ Эгиру“?—спросила однажды принцесса Шарлотта Мейнингенская (сестра Вильгельма II) у его адъютанта г. Мольтке.

— Это государственная тайна,—отвѣтилъ офицеръ.— Ваше высочество, конечно, извинитъ меня, что я не могу удовлетворить ея любопытство.

— Не даромъ мой великій братецъ,—продолжала принцесса,—какъ-то сказалъ мнѣ, что когда я захачу, то умѣю быть очень непріятной,—такъ вотъ на основаніи этого г. маіоръ, потрудитесь мнѣ отвѣтить, я вамъ приказываю!

— Повинуюсь, ваше высочество! Императоръ самъ сочинилъ этотъ гимнъ.

— Да, да. Это оффиціальная версія. А меня интересуетъ, какъ именно онъ его сочинилъ?

— За роялемъ, ваше высочество!

— А съ какихъ это поръ его величество играетъ на роялѣ?

— У его величества замѣчательный слухъ. Надѣюсь, это, ваше величество, не станете отрицать? Такъ вотъ,

императоръ наигрывалъ однимъ пальцемъ, а если, ваше высочество, не изволите меня выдать, то я признаюсь, что вашъ покорный слуга имѣлъ честь записывать эту композицію на бумагу.

— Благодарю васъ очень за вашу откровенность,—затѣмъ повернувшись въ сторону своей фрейлины г-жи Раминъ, она прибавила,—пожайлуста, никому ни слова объ этомъ,—не надо, чтобы пашему милому Мольтке досталось за то, что онъ насъ немного позабавилъ!

И снова обратившись къ адъютанту, она добавила съ ироническимъ смѣхомъ, который ей такъ свойственъ:

— А теперь я постараюсь вамъ разсказать, милый маіоръ, какъ на самомъ дѣлѣ все происходило.

Императоръ ударялъ однимъ пальцемъ по клавишамъ, а въ его время нѣкій бѣлокурый гигантъ, приблизительно вашего роста, ставъ позади его величества, началъ наигрывать музыкальный отрывокъ, который уже давно сложился у него въ головѣ.

Этотъ мотивъ понравился его величеству, который для приличія прибавилъ одну-двѣ ноты, и когда это музыкальное сочиненіе начало принимать болѣе совершенную форму, тогда мой великій братъ воскликнулъ:

— Вотъ это дѣйствительно будетъ дивнымъ аккомпаниментомъ для „Сѣверной Легенды“ графа Эйленбурга. Позовите его сюда немедленно!

И когда еще и этотъ трубадуръ присоединился къ вамъ, тогда вы всѣ трое принялись за работу, а затѣмъ произвели на свѣтъ ту ужасную какофонію, которая и называется „Гимномъ Эгиру“.

Вы сказали правду, что именно на вашу долю выпала честь занести эту галиматью на бумагу, тѣмъ болѣе, что вы и есть единственный музыкантъ изъ всего этого „тріо“.

Доканчивать же это великое произведеніе пришлось профессору Беккеру, который оркестровалъ его, за что и былъ награжденъ крестомъ Гогенцоллернъ.

Это творчество гимна „Эгиру“ даетъ полное представленіе о самой манерѣ работать императора.

Безспорно, его величество обладаетъ большимъ вообра-

женіемъ, даже пылкой фантазіей, но привести свои замыслы въ исполненіе предоставляетъ другимъ.

Такимъ образомъ профессоръ Кнакфусъ придумываетъ сюжеты для его картинъ, хотя большинство убѣждено, что профессоръ является только ихъ техническимъ исполнителемъ.

То же относится и къ другому художнику — Карлу Зальцманну.

Этотъ обыкновенно пишетъ „пейзажи“ и „марины“, которые благосклонно подписываются Вильгельмъ II.

Это же самое можно сказать и о знаменитыхъ проповѣдяхъ императора, заблаговременно составленныхъ его придворнымъ капелланомъ Фроммелемъ, которыя съ такимъ жаромъ и энтузіазмомъ произносятся его величествомъ на палубѣ яхты „Гогенцоллернъ“.

Наконецъ, большею частью всѣ рѣчи Вильгельма II заранѣе подготовляются офицерами генеральнаго штаба.

Впрочемъ, можно добавить, что тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ личному творчеству императора, страдаютъ поразительными неточностями и отличаются безнадежной монотонностью.

И въ самомъ дѣлѣ, его величество рѣдко даетъ себѣ трудъ заранѣе набросать конспектъ своей рѣчи. Тотъ черновикъ, о которомъ я упоминала выше, касающійся обращенія къ рекрутамъ Потсдама, является рѣдкимъ исключеніемъ.

Для того, что бы избавить императора отъ лишнихъ упрековъ, что онъ непроизводительно тратитъ свое драгоцѣнное время, заполняя безполезными занятіями (своими искусствами), берлинская пресса часто печатаетъ замѣтки о томъ, что „гогенцоллерны“ всегда были несравненными поэтами, музыкантами, художниками.

Въ особенности же печать превозноситъ художественный талантъ Фридриха, Вильгельма I.

Этотъ прусскій король, что называется, былъ—„малый не промахъ“.

Такъ, напримѣръ, онъ заставлялъ бѣдныхъ художниковъ изготовлять картины всѣхъ размѣровъ на всевозможные

сюжеты, на которыхъ онъ съ большей беззастѣнчивостью и подписывалъ свое имя.

А къ довершенію всего онъ еще продавалъ эти полотна своимъ восторженнымъ почитателямъ, или даже тѣмъ, кто не признавалъ его таланта,—да еще по высокой цѣнѣ.

Большое количество анонимныхъ писемъ, получаемыхъ Вильгельмомъ II, причиняющихъ всегда такое волненіе въ придворныхъ кругахъ, главнымъ образомъ, обвиняютъ императора въ его развязной непринужденности, съ какой онъ обращается съ историческими фактами.

Въ 1894 году, во время праздника Рождества, его величество былъ огорченъ именно такимъ письмомъ, по поводу его рѣчи, произнесенной имъ въ Килѣ.

Въ ней императоръ упомянулъ, что—битва при Верчелла была между германцами и римлянами (1-я неточность)—что римляне въ ней были побѣждены (2-я неточность)—врагомъ болѣе доблестнымъ и храбрымъ (3-я неточность).

Затѣмъ слѣдовалъ подробный перечень еще многихъ другихъ ошибокъ, допущенныхъ въ императорскихъ рѣчахъ.

А въ заключеніе авторъ письма во избѣжаніе подобныхъ неточностей совѣтуетъ Августѣ-Викторіи (супругѣ императора) купить для него энциклопедическій словарь.

VI.

Вильгельмъ II и Августа-Викторія въ своей семейной жизни и привычкахъ нисколько не отличаются отъ обыкновенной германской бюргерской семьи.

Спальня императорской четы помѣщается во второмъ этажѣ новаго дворца.

Съ одной стороны къ ней примыкаетъ будуаръ императрицы, а съ другой—ванныя комнаты и уборныя.

— Это положительно лавка старьевщика,—такъ отзывается о спальнѣ ихъ величествъ герцогиня Шлезвигъ-Гольштинская (мать Августы-Викторіи).—Впрочемъ, и сама императрица того-же мнѣнія. Такъ однажды, вернувшись

съ праздника, даннаго въ честь ихъ величествъ, въ замкѣ Ней-Гліенекэ, принцемъ Фридрихомъ-Леопольдомъ прусскимъ (кстати сказать, самымъ богатымъ изъ всѣхъ Гогенцоллерновъ), моя августѣйшая хозяйка воскликнула, обратившись ко мнѣ, въ то время, когда я разставляла цвѣты въ ея спальнѣ.

— До чего вся эта обстановка кажется мнѣ жалкой и бѣдной!—Въ самомъ дѣлѣ, если-бъ кто-либо могъ судить обо мнѣ и о моей сестрѣ Луизѣ (жена принца Фридриха-Леопольда) по нашей обстановкѣ, то разумѣется, меня приняли-бы за какую-нибудь захудалую принцессу, а ее за императрицу! У нея все по послѣдней модѣ, а у меня—наоборотъ: я, напримѣръ, должна довольствоваться „остатками прежняго величія“ въ перемѣшку съ мебелью современнаго стиля—самаго ординарнаго вкуса!

Правда, среди мебели много разной дребедени, напримѣръ, бамбуковыхъ стульевъ покрытыхъ шелковыми подушками, а также японскихъ столиковъ; но среди всего этого базара попадаются и настоящія шедевры: мебель стараго Буля и чудные „маркетри“.

Также заслуживаетъ вниманія старинный комодъ краснаго дерева, на которомъ разставлены различныя семейныя реликвіи, какъ-то: портреты императора Вильгельма I, императора Фридриха, императрицы Августы и несчастнаго короля баварскаго Людвика II.

Всѣ они задернуты крепомъ и помѣщаются вокругъ большой гравюры, изображающей голову Христа въ терновомъ вѣнцѣ.

Вильгельмъ II никогда не разстается съ этими портретами и всегда возитъ ихъ съ собой.

Благодаря настойчивымъ просьбамъ своей августѣйшей супруги, императоръ, наконецъ, рѣшилъ обновить обстановку спальни. Такимъ образомъ, посѣщеніе ихъ величествами праздника въ замкѣ Ней-Гліенекэ обошлось императору ровно въ 80,000 марокъ.

Начали это „обновленіе“ съ того, что сняли дивные по красотѣ обои и портьеры изъ великолѣпнаго сѣраго дама, затканнаго серебромъ, на фонѣ котораго вышиты рельефомъ, желтые цвѣты эпохи Людовика XV.

Оригиналъ этой художественной обивки былъ подаренъ г-жей де-Помпадуръ Фридриху Великому.

Несмотря на то, что краски этой драгоцѣнной матеріи уже потускнѣли отъ времени, но во всякомъ случаѣ она была несравненно прекраснѣе той плохой имитаціи, которая теперь ее замѣнила.

Впрочемъ, ихъ величества увѣрены, что это—точная копія стариннаго французскаго подлинника, такъ безжалостно уничтоженнаго.

Такъ же безцеремонно поступили и съ громадной старинной кроватью временъ Елизаветы, на которую любилъ присѣсть Вильгельмъ почитать романъ при свѣтѣ простой свѣчки, поставленной тутъ же около кровати на маленькомъ столикѣ.

„Но что подѣлаешь, когда эти несносные Луиза и Фридрихъ-Леопольдъ пріобрѣли себѣ стильныя англійскія кровати“.

Конечно, Августа-Викторія не могла допустить такого „возмутительнаго“ превосходства надъ собой!

И вотъ, въ одинъ прекрасный день прибыли новыя кровати изъ англійской мѣди, а величественное ложе предковъ было выдвинуто въ другую комнату.

Впрочемъ, еще нѣкоторое время императоръ не могъ привыкнуть къ этому новшеству и каждый вечеръ старинная парадная кровать снова появлялась на прежнемъ мѣстѣ.

Но мало-по-малу торжество англійской «мѣди» взяло верхъ надъ величіемъ прошлыхъ временъ...

И теперь уже окончательно кровати новаго стиля водворились въ императорской спальнѣ.

Передъ тѣмъ, какъ ихъ величества удалятся къ себѣ,— дежурные слуги—камерфрау и два камердинера,—обязаны приготовить все необходимое въ ихъ апартаментахъ.

Во-первыхъ, съ правой стороны кровати императора надо положить грѣлку съ горячей водой; это дѣлается въ про-

долженіе цѣлаго года, исключая только Іюль и Августъ мѣсяцы.

Затѣмъ, по всей комнатѣ, почти во всѣхъ углахъ, разставляются ширмы, чтобы защитить императора отъ притока холоднаго воздуха; для этой цѣли спускаются всѣ портьеры на окнахъ и дверяхъ, даже въ сосѣднихъ комнатахъ,—во избѣжаніе сквозняка, котораго такъ боится его величество.

Наконецъ, зажигаютъ ночникъ—вещь далеко не изящную,—изъ простой жести, въ которой помѣщается стеклянный шаръ, наполненный водой и масломъ.

А на тотъ случай, если императору приходится ночью вставать, то тогда на диванчикѣ, около кровати, приготовляется все необходимое для его одѣванія: теплыя шерстяныя носки, бѣлье, фланелевые панталоны, теплыя сапоги, куртка на фланелевой подкладкѣ, мягкая шляпа и даже перчатки.

Также ночью Вильгельмъ II никогда не разстается съ маленькимъ заряженнымъ револьверомъ, который всегда находится у его изголовья.

По изяществу и красотѣ отдѣлки—изъ стали, серебра и слоновой кости—онъ скорѣе напоминаетъ какую-нибудь драгоцѣнную вещицу, нежели орудіе смерти.

Но, тѣмъ не менѣе, эта красивая игрушка наводитъ постоянный страхъ на Августу-Викторію, которая тщетно проситъ своего супруга не держать револьверъ такъ близко около себя.

Необыкновенная бѣдность бѣлья дома Гогенцоллерновъ давно служитъ сюжетомъ для неистощимыхъ пересудовъ иностранныхъ дворовъ.

Императрица Фридерика, мать Вильгельма II, во время своего 99-дневнаго короткаго царствованія, попробовала возмѣстить этотъ пробѣлъ, за что и была жестоко наказана, такъ какъ послѣ смерти ея супруга, императора Фридриха III, графъ Либенау заставилъ ее заплатить за эти „экстравагантности“, точное выраженіе графа, который презиралъ „англійскія“ привычки императрицы къ комфорту.

Такимъ образомъ, императрица-мать увезла съ собой бѣлье, пріобрѣтенное столь „экстравагантнымъ“ способомъ, и вотъ попрежнему императорская бѣльевая осталась въ первоначальномъ видѣ.

Вотъ почему иногда зимою, когда вообще бѣлье высыхаетъ медленно, мнѣ часто случалось ложиться въ постель съ далеко не свѣжимъ бѣльемъ.

Хотя Августа-Викторія и требуетъ, чтобы простыни смѣнялись каждый день, но, благодаря хроническому недостатку въ бѣльѣ, часто приходится мѣнять только одну простыню, тогда та, которая была наверху, кладется внизъ, а свѣжая идетъ наверхъ.

Насколько разнообразенъ и богатъ гардеробъ Вильгельма II, настолько бѣденъ и ограниченъ комплектъ его бѣлья.

Та „историческая“ полдюжина рубашекъ, которую долженъ имѣть каждый прусскій принцъ, конечно, насчитывается и у него.

Но вотъ ужасная деталь: эти рубашки лишены манжетъ, и, такимъ образомъ, императоръ пристегиваетъ ихъ къ рукавамъ при помощи запонокъ, такъ же какъ то могъ бы сдѣлать любой бѣдный лейтенантъ его арміи.

Носки его величество носитъ изъ сырца, цвѣта желтаго или коричневаго. Въ обиходѣ ихъ полагается не больше дюжины.

Но, кажется, правила Гогенцоллернскаго дома не распространяются на ограниченіе числа носовыхъ платковъ, такъ какъ ихъ все же имѣется достаточный запасъ.

Они помѣчены буквою „W“ подъ императорской короной, такъ же, какъ и все остальное бѣлье Вильгельма II носитъ ту же мѣтку.

Кабинетъ императора представляетъ изъ себя высокую громадную комнату, стѣны которой затянуты свѣтло-зеленымъ дама, кое-гдѣ уже поблекшимъ.

Около мраморнаго камина находится письменный столъ его величества, очень громоздкій и некрасивый, а противъ него два громадныхъ шкафа, которые, если судить по дворцовому инвентарю, приписываются работѣ самаго Шарля Буля.

Въ одномъ изъ нихъ императоръ хранитъ свои офиціальныя бумаги.

На этихъ шкафахъ, а также на его письменномъ столѣ, разставлено безчисленное множество всевозможныхъ набросковъ, рисунковъ карандашемъ, эскизовъ и громадное количество фотографій въ рамкахъ и безъ рамокъ.

Большинство изъ нихъ принадлежитъ хорошенькимъ женщинамъ, когда-либо произведшимъ впечатлѣніе на его величество.

Эти фотографіи всѣхъ размѣровъ.

Женщины, что на нихъ изображены, представляютъ изъ себя полное разнообразіе костюмовъ, а нѣкоторыя даже лишены ихъ совсѣмъ.

Между всей этой коллекціей есть такія, которыя Вильгельмъ предпочитаетъ всѣмъ остальнымъ, и никогда съ ними не разстается.

Изъ нихъ я назову нѣкоторыхъ: герцогиня Аостская (урожденная Летиція Бонапартэ)—ея бюстъ прикрытъ только одной великолѣпной ниткой фамильнаго жемчуга.

Этотъ портретъ пользуется исключительной любовью императора, такъ какъ герцогиня ему напоминаетъ свою прабабку императрицу Жозефину, чьимъ восторженнымъ поклонникомъ слыветъ Вильгельмъ II.

Я отмѣчу еще фотографическій портретъ лэди Дудлей, королевы Александры Англійской (тогда еще принцессы Уэльской) въ придворномъ нарядѣ, и наконецъ, г-жи Буклинъ, дочери одного прусскаго генерала, очень красивой женщины, которой всегда восхищается императоръ.

Она обязана посылать ему ежегодно всѣ свои новые фотографическіе снимки.

Чтобы закончить описаніе кабинета его величества, упомяну еще о великолѣпномъ столѣ „маркетери“ съ инкрустаціей изъ перламутра.

Эта „уника“ по красотѣ работы принадлежала Фридриху Великому, кажется, тоже „единственному“ изъ прусскихъ монарховъ, который обладалъ художественнымъ вкусомъ.

Теперь изъ рабочаго кабинета императора перейдемъ въ его уборную, находящуюся рядомъ.

Самое почетное мѣсто въ этой комнатѣ занимаетъ туалетный столъ его величества—вещь дѣйствительно очень красивая, сдѣланная изъ хрупкаго розоваго дерева съ мраморной доской, на которой установлены всевозможныя туалетныя принадлежности изъ серебра и дорогого богемскаго хрусталя.

Мнѣ думается, что ни одинъ изъ прусскихъ королей, или принцевъ никогда не имѣлъ такого роскошнаго умывальнаго стола и туалетнаго прибора.

Вильгельмъ II, воспитанный своей матерью (англичанкой по рожденiю) въ принципахъ англiйской гигiены, и самъ олицетворенiе чистоплотности.

Во всякое время дня и ночи прислуга занята тѣмъ, что приноситъ ему горячую или холодную воду, смотря по надобности, такъ какъ уборная его величества лишена этого удобства (въ ней нѣтъ водопровода).

Такой несовременный недостатокъ комфорта очень огорчаетъ императрицу.

Однажды, когда я читала ей вслухъ одну интересную статью, въ которой говорилось, что въ Америкѣ почти всѣ квартиры, даже самыя дешевыя, снабжены горячей и холодной водой, она мнѣ сказала:

— Я бы почувствовала себя какъ въ раю, если бы я и мои дѣти могли наслаждаться такими же удобствами!

На самомъ дѣлѣ, ванныя комнаты и водопроводъ—это одно изъ больныхъ мѣстъ Новаго дворца.

Такъ, напримѣръ, ванна самого Вильгельма II представляетъ полный контрастъ съ его роскошнымъ умывальнымъ столомъ.

Въ сущности говоря, это даже не ванна, а просто tub изъ крашеннаго цинка; помѣщается онъ за занавѣской въ маленькомъ, глухомъ корридорчикѣ, что соединяетъ спальню ихъ величествъ съ уборной комнатой.

Несмотря на такое относительное равнодушiе къ общепринятому комфорту, въ другихъ своихъ привычкахъ императоръ требователенъ до мелочей.

Всѣмъ намъ, живущимъ во дворцѣ, хорошо извѣстно, что его величество привыкъ къ одному сорту мыла, который

онъ употребляетъ какъ для ванны, такъ и для своего ежедневнаго туалета.

И вотъ, властный характеръ Вильгельма II сказывается даже и въ такихъ пустякахъ, какъ требованіе этого мыла вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ: на всѣхъ умывальныхъ и туалетныхъ столахъ его дворцовъ, замковъ, на яхтѣ, въ вагонѣ, а также тамъ, гдѣ его величество является только гостемъ.

Три громадныя комнаты, занятыя гардеробомъ Вильгельма II, представляютъ изъ себя настоящій музей.

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что его величество имѣетъ только по одному мундиру на каждый изъ своихъ трехсотъ прусскихъ полковъ: инфантеріи, кавалеріи, артиллеріи; не считая мундировъ германскихъ объединенныхъ королевствъ: баварскихъ, вюртембергскихъ, саксонскихъ, а также иностранныхъ, какъ-то: австрійскихъ, русскихъ, англійскихъ, испанскихъ, румынскихъ, турецкихъ; однимъ словомъ—мундировъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ Вильгельмъ II состоитъ шефомъ.

Но кромѣ военной формы, императоръ обладаетъ еще необыкновеннымъ количествомъ штатскаго платья и спортивныхъ костюмовъ, а также большимъ разнообразіемъ шляпъ, перчатокъ, обуви и громадной коллекціей галстуховъ.

Въ новомъ дворцѣ мундиры, исключительно прусскихъ полковъ, помѣщаются въ просторной комнатѣ вблизи уборной императора, гдѣ всегда съ утра до вечера находится дежурный камердинеръ, потому что каждую минуту можно ожидать, что его величеству придетъ фантазія переодѣваться.

Тогда, разумѣется, желаніе императора должно быть немедленно приведено въ исполненіе.

Вотъ почему въ этомъ „мундирномъ“ музеѣ установлено суточное дежурство...

И подумать только, что весь гардеробъ Фридриха Великаго, включая сюда его штаны и сапоги, которые онъ носилъ во время побѣдоноснаго сраженія при Росбахѣ, былъ проданъ какому-то жиду всего за триста талеровъ!

VII.

Характернымъ признакомъ необыкновенной нервозности Вильгельма, чтобы не сказать болѣе, является его непреодолимое желаніе во всемъ подражать Фридриху Великому.

Многіе изъ членовъ императорской фамиліи, а также и я сама, не разъ наблюдали, какъ его величество болѣе получаса простаивалъ передъ зеркаломъ, рядомъ съ которымъ находится портретъ Фридриха Великаго въ натуральную величину.

Насъ всегда очень интересовали тѣ странныя позы и гримасы, какія Вильгельмъ II продѣлываетъ, стоя передъ изображеніемъ своего великаго предка.

И вотъ невольно напрашивается сравненіе съ несчастнымъ Людвигомъ Баварскимъ; вѣдь всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что самымъ рѣзкимъ симптомомъ нервнаго разстройства Людвига II Баварскаго было именно его безумное преклоненіе передъ „Королемъ-Солнцемъ“ (Людовикомъ XIV).

Это „преклоненіе“ росло по мѣрѣ того, какъ сама болѣзнь прогрессировала.

Что-же касается Вильгельма II, то его культъ Фридриха Великаго съ каждымъ годомъ проявляется все въ большей и большей степени.

Но, мало-помалу, изъ восторженнаго почитателя, какимъ императоръ былъ до сихъ поръ, теперь онъ превращается въ завистливаго соперника.

Напримѣръ, мнѣ приходилось часто слышать подобныя фразы:

„Я такой-же, композиторъ, какъ Фридрихъ“.

Или-же:

„Такъ-же, какъ и великій король, я никогда не разстаюсь съ мундиромъ“.

Или-же слѣдующее многозначительное изреченіе:

„Моя ненависть къ Англіи равняется тому презрѣнію, которое Великій Фридрихъ питалъ къ этой націи воровъ и мошенниковъ“.

Во дворцѣ все и вся подражаютъ модѣ великаго императора: играютъ марши его эпохи, измѣняютъ мундиры дворцовой стражи настолько, чтобы они походили на тѣ, что были въ прошломъ столѣтіи.

Наконецъ, время отъ времени, Вильгельмъ II самъ освѣдомляетъ своихъ приближенныхъ: „что онъ былъ счастливъ пожаловать такому то полку или такому то батальону головные уборы гренадеръ „какъ у Фридриха“, литавры—„какъ у Фридриха“ или же трубы—„какъ у Фридриха“!

Когда въ началѣ Октября 1897 года князь Гогенлоэ хотѣлъ отказаться отъ занимаемаго имъ поста канцлера въ томъ случаѣ, если императоръ Вильгельмъ предложитъ свою вооруженную помощь королевѣ-регентшѣ испанской, чтобы тѣмъ воспрепятствовать возможному вмѣшательству Соединенныхъ Штатовъ въ вопросѣ, касающемся острова Кубы.

Такъ вотъ тогда его величество дня три подрядъ только и говорилъ, что о „Великомъ Фридрихѣ, который по крайней мѣрѣ, въ самомъ себѣ воплощалъ и своего собственнаго канцлера, и свой собственный парламентъ“.

А также его величество долго распространялся о могущественной и смѣлой инціативѣ всѣхъ „Гогенцоллерновъ“, умѣющихъ ускорять нужныя имъ политическія событія, такъ что врагъ не успѣетъ даже и опомниться...

И затѣмъ императоръ добавилъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:

„Но вѣдь Фридрихъ Великій еще не умеръ! Онъ возродился здѣсь!“ и при этихъ словахъ Вильгельмъ II, ударивъ себя въ грудь, воскликнулъ:

„И въ недалекомъ будущемъ его желѣзная рука схватитъ кого нибудь за горло и не выпуститъ!...“.

Часто императоръ бываетъ очень непослѣдователенъ въ своихъ поступкахъ и желаніяхъ, нерѣдко даже граничащихъ съ легкомысліемъ, въ особенности послѣднее проявляется по отношенію къ его генераламъ.

Вильгельмъ II при каждомъ удобномъ случаѣ повторяетъ свое излюбленное выраженіе:

— Хорошій генералъ долженъ быть пригоденъ на всякую должность.

Вотъ, очевидно, руководствуясь этимъ правиломъ, его величество и назначаетъ на должности лицъ, совсѣмъ къ нимъ неподготовленныхъ.

Примѣромъ тому можетъ служить слѣдующій фактъ: мѣсто начальника почтъ было поручено генералу-кавалеристу только потому, что онъ считался дисциплинированнымъ служакой.

И поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ вступилъ на престолъ, онъ отрѣшилъ отъ службы буквально сотни генераловъ.

Такъ, однажды, въ 1897 году во время одного параднаго обѣда, его величество обратился къ своему дежурному адъютанту, прося назвать ему фамиліи генераловъ, смѣщенныхъ за послѣдніе три мѣсяца; тотъ насчиталъ ему болѣе тридцати человѣкъ, и самому старшему изъ этихъ генераловъ было всего 56 лѣтъ.

Въ Іюнѣ 1894 года, когда вся императорская семья собралась на лѣтній отдыхъ въ замкѣ Фридрихсгофъ, у меня остался въ памяти слѣдующій разговоръ, касающійся опять-таки удивительной непослѣдовательности Вильгельма II.

— Хотѣла бы я знать, почему такъ восхищается нашъ братъ этимъ противнымъ султаномъ?—спросила наслѣдная принцесса греческая у своей сестры Викторіи фонъ-Липпе.

Эта послѣдняя не сочла умѣстнымъ отвѣчать и предоставила слово своему супругу, который издавна слыветъ хранителемъ всѣхъ сокровенныхъ изліяній императора.

— Вильгельма, — началъ свои поясненія принцъ Адольфъ,—главнымъ образомъ, привлекаетъ въ султанѣ это воплощеніе формы неограниченнаго правленія. Въ его глазахъ Абдулъ-Гамидъ является властелиномъ, который повелѣваетъ, рискуя лучше увидѣть одну половину своего народа уничтоженной съ тѣмъ, чтобы другую половину научить повиновенію.

Не разъ Вильгельмъ говорилъ мнѣ слѣдующее:

„Если бы Фридрихъ-Вильгельмъ IV имѣлъ хотя одну частицу характера того, кого называютъ „больнымъ человѣкомъ“, тогда я бы царствовалъ теперь въ настоящемъ значенiи этого слова, даже если бы въ Берлинѣ кровь лилась ручьями цѣлыми недѣлями, какъ то было въ Мартѣ 1848 г.“.

— Но вѣдь это ужасно!—воскликнула герцогиня Спартанская, закрывая лицо руками.

— Да, ужасно, но тѣмъ не менѣе—таковы истинныя чувства его величества,—проговорилъ принцъ Липпе.

— Припомните только рѣчь императора, произнесенную имъ 16-го Августа въ 1888 году во Франкфуртѣ на Одерѣ:

„Я предпочелъ бы лучше увидѣть свои 44 милліона пруссаковъ мертвыми на полѣ брани, нежели уступить хотя одинъ только дюймъ земли, завоеванной во время франко-германской войны“.

— Право, если Вильгельмъ немного и льститъ султану, то это единственно изъ желанія получить отъ него позволеніе осмотрѣть его гаремъ, когда императоръ посѣтитъ Константинополь!—вмѣшался въ разговоръ принцъ Гессенскій, желая шуткой загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное словами принца Адольфа.

Положимъ, я тоже увѣрена, что его величество съ наслажденіемъ выкуритъ трубку въ гаремѣ султана, но въ чемъ я еще болѣе увѣрена,—это въ томъ, что идеалъ царствованія Вильгельма II именно такой, какимъ его обрисовалъ принцъ Адольфъ фонъ-Липпе.

Вотъ почему и неудивительно, что императоръ восхищается Абдулъ-Гамидомъ.

Въ этомъ всѣ могли убѣдиться, когда въ 1896 году его величество изволилъ послать повелителю правовѣрныхъ, у котораго руки еще были обагрены кровью сорока тысячъ христіанъ, замученныхъ турецкими солдатами, фотографію, изображавшую группу императорской семьи.

Этотъ подарокъ императора Вильгельма съ большой пышностью былъ врученъ султану къ общему удовольствію обоихъ величествъ.

По поводу замѣчанія императрицы, — зачѣмъ былъ по-

сланъ ея портретъ съ дѣтьми, этому кровожадному „убійцѣ христіанъ", императоръ на это возразилъ ей:

— Женщины ровно ничего не понимаютъ въ подобныхъ вещахъ. Мой другъ султанъ былъ въ правѣ такъ поступать, потому что армяне—мятежники!

Я такъ-же бы обошелся съ бунтовщиками, если-бы они только вздумали противиться моему авторитету.

— Но,—продолжала свои доводы императрица,—г-нъ фонъ Маршаллъ сказалъ мнѣ, что въ Арменіи безпорядки возникли на почвѣ религіозныхъ разногласій, — будто бы мусульмане напали на христіанъ и перебили ихъ множество!

Императоръ на всѣ эти возраженія своей супруги пожалъ плечами и отвѣтилъ слѣдующее:

— Я пастырь лютеранскихъ стадъ моей возлюбленной Пруссіи, а тѣ что въ чужихъ странахъ, меня не касаются!

А спустя нѣкоторое время послѣ этого знаменательнаго разговора, Вильгельмъ II-й послалъ принца Генриха въ Китай, „на новый крестовый походъ чтобы укрѣпить вѣру въ крестъ Господень и покарать убійцъ и угнетателей христіанъ"!

Какъ все это непослѣдовательно!

VIII.

Вильгельмъ II питаетъ непомѣрную любовь къ военной помпѣ.

Большую часть своего времени онъ проводитъ на маневрахъ и смотрахъ.

Самые незначительныя подробности военной жизни увлекаютъ его.

Интерестно бываетъ послушать императора, когда онъ доказываетъ съ серьезнымъ видомъ, необходимость длины портупеи у сабли или обсуждаетъ съ неменьшей важностью форму каблуковъ (четырехугольную или остроконечную) для молодыхъ лейтенантовъ, прикомандированныхъ танцовать на придворныхъ балахъ.

Если сдѣлать перечень „инструкцій", составленныхъ его величествомъ только для покроя однихъ рейтузъ, то и тогда

вы будете уже достаточно освѣдомлены о дѣятельности императора въ этомъ направленіи.

Между этими „инструкціями“ встрѣчаются даже такія, въ которыхъ упоминается о томъ впечатлѣніи, какое могутъ производить лакированные сапоги на дикарей Африки.

Что же касается вообще до манеры одѣваться, то его величество распространяетъ свой вкусъ и требованія даже и на своихъ приближенныхъ.

Не проходитъ почти ни одного бала или офиціальнаго пріема, безъ того, чтобы не было бреши въ кругу нашихъ „высочествъ“: то наслѣдная принцесса шлетъ свои извиненія, что по случаю нездоровья не можетъ быть на балу, то принцесса Арибертъ за нѣсколько часовъ до костюмированнаго вечера ложится въ постель, ссылаясь на мигрень, которая ей мѣшаетъ пріѣхать во дворецъ.

Также великая герцогиня Баденская часто отказывается сопровождать своего супруга, не желая подчинятся тѣмъ разорительнымъ „экстравагантностямъ“ туалета, которыхъ иногда требуетъ императоръ.

Для Вильгельма II ничто не существуетъ, кромѣ той среды, которая его окружаетъ.

Театръ и политика тогда только процвѣтаютъ, когда строго исполняютъ указанія, предписанныя имъ его актерамъ, его сановникамъ, его дипломатамъ.

Всѣ они, начиная съ его солдатъ, его дѣтей, женщинъ, живущихъ во дворцѣ, и даже тѣхъ, что вращаются въ его обществѣ, его чиновники, его личные друзья, всѣ они должны быть одѣты, слѣпо подчиняясь его минутныхъ фантазіямъ и прихотямъ.

Возвращаясь съ какого-нибудь смотра, императоръ рѣдко говоритъ объ удачи или неудачѣ происшедшихъ маневровъ, но зато все его вниманіе бываетъ поглащено—и чему онъ въ сущности придаетъ громадное значеніе—это, что на лейтенантѣ X. былъ плащъ короче на два сантиметра, чѣмъ то полагается, и что въ „такомъ-то“ полку унтеръ-офицеръ имѣлъ рейтузы не того покроя, который предписанъ въ инструкціяхъ, данныхъ императоромъ.

Послѣ маневровъ 1897 г. графъ Гэслеръ-пользующейся репутаціей генерала, унаслѣдовавшаго военную науку отъ самого Мольтке—въ бесѣдѣ съ однимъ изъ членовъ Рейхстага сказалъ слѣдующее:

— Великія битвы, устраиваемыя его величествомъ, прямо таки великолѣпны! но, у нихъ имѣется одинъ существенный недостатокъ всѣ они оканчиваются, какъ тотъ легендарный поединокъ, между двумя львами, отъ которыхъ на полѣ брани остались только одни хвосты!

Если предположить, что теоріи императора, осуществятся на практикѣ, то я мысленно спрашиваю себя — кто же будетъ хоронить убитыхъ? Допустимъ, что державы тройственнаго союза выступятъ въ совмѣстной компаніи, подъ командой императора Вильгельма II, германцы и австрійцы бокъ о бокъ, а итальянцы въ арьергардѣ.

И вотъ, послѣ двухъ-трехъ такихъ сраженій—подобныхъ тому, что мы нынче лѣтомъ производили на маневрахъ въ Баваріи—сраженіе, во время, котораго подъ грохотъ барабановъ, цѣлыя массы пѣхоты были брошены одна за другой, подъ градомъ ядеръ—наше положеніе было бы ясно!

Впрочемъ, я очень опасаюсь, чтобы нашимъ друзьямъ съ полуострова не пришлось сыграть роль могильщиковъ; въ томъ случаѣ, конечно, если до тѣхъ поръ, они сами не погибнутъ отъ чумы. И такъ, мое скромное мнѣніе таково, закончилъ свою рѣчь графъ Гэслеръ, стараясь скрыть саркастическую улыбку, что „мертвые никогда не входятъ въ расчеты его величества“.

Строго придерживаясь разъ навсегда заведеннаго дворцоваго порядка, каждое утро подаютъ императрицѣ и ея придворнымъ дамамъ списокъ лицъ, приглашенныхъ къ столу въ этотъ день, для того, чтобы онѣ могли одѣться соотвѣтствующимъ образомъ.

Но часто случается, что за нѣсколько минутъ до начала завтрака или обѣда, этотъ списокъ лицъ радикально мѣняется, такъ какъ его величество иногда совсѣмъ неожиданно приглашаетъ то канцлера, то какого-нибудь иностраннаго принца путешествующаго инкогнито, или же нѣсколькихъ

блестящихъ молодыхъ офицеровъ, встрѣченныхъ имъ на утренней прогулкѣ верхомъ.

Но, если императрица и ея фрейлины бываютъ смущены этими неожиданностями, то что-же сказать про остальныхъ.

Впрочемъ, что касается поваровъ, то имъ заранѣе объявлено—быть всегда наготовѣ и умѣть съ честью выходить изъ столь затруднительныхъ обстоятельствъ.

Разумѣется, больше всего хлопотъ выпадаетъ на долю гофмаршала.

Вѣдь это немаловажное дѣло—увеличить столъ уже приготовленный: иногда бываетъ необходимо прибавить до дюжины кувертовъ.

Кромѣ того, гофмаршалу вмѣняется въ обязанность размѣстить гостей,—это тоже задача не изъ легкихъ, такъ какъ приходится считаться и съ древностью рода, и съ занимаемымъ положеніемъ, и съ чинами и орденами даннаго лица.

Большею частью эти придворные завтраки и обѣды не отличаются оживленіемъ.

Дамы, смотря по тому, какъ того требуетъ этикетъ, одѣты въ бальные или городскіе туалеты—чувствуютъ онѣ себя, обыкновенно, очень напряженно, точно затянутыя въ желѣзные корсеты; офицеры тоже зашнурованы не менѣе дамъ, а важные сановники до того стянуты своими мундирами, что съ трудомъ могутъ дышать.

Императоръ и императрица помѣщаются другъ противъ друга, но они держатъ себя еще болѣе церемонно и натянуто, нежели ихъ приглашенные гости.

А эти послѣдніе не спускаютъ глазъ съ ихъ величествъ и ждутъ не дождутся, когда императоръ разсмѣется и тѣмъ самымъ подастъ поводъ къ смѣху.

Вотъ именно во время этихъ торжественныхъ обѣдовъ Вильгельмъ II и выказываетъ свои качества остроумнаго и занимательнаго собесѣдника.

Августа-Викторія прекрасно сознаетъ, что на этомъ поприщѣ она не можетъ соперничать со своимъ краснорѣчивымъ супругомъ; она и не дѣлаетъ къ этому попытокъ, довольствуясь только тѣмъ, что иногда обмѣнивается двумя-тремя словами со своей статсъ-дамой, да и то вполголоса,

чтобы не помѣшать его величеству и не проронить ни одной изъ его шутокъ.

Что-же касается самого императора, то онъ очень рѣдко обращается непосредственно къ своей супругѣ и то развѣ только для того, чтобы сказать ей, нравится-ли ему ея туалетъ или не нравится. А если иногда императрица и рѣшится спросить о чемъ-нибудь своего августѣйшаго супруга, то онъ отвѣтитъ ей нелюбезнымъ тономъ или даже просто сдѣлаетъ видъ, что не разслышалъ ея застѣнчиваго вопроса. Конечно, послѣ этого Августа-Викторія уже не осмѣливается вторично вступить съ нимъ въ разговоръ.

Сколько, бывало, разъ мнѣ приходилось быть невольной свидѣтельницей того незаслуженнаго униженія, которому подвергалась моя августѣйшая хозяйка.

Разумѣется, я прекрасно понимала, до какой степени были уязвлены ея гордость и самолюбіе, и отъ всей души сочувствовала ей. Впрочемъ, что касается самой Августы-Викторіи, то она всегда удивительно умѣла владѣть собою. Ничѣмъ не выдавъ своей обиды, стараясь даже улыбаться, она снова устремляла свои небольшіе сѣренькіе глазки на своего обожаемаго супруга и съ тѣмъ же нескрываемымъ восторгомъ продолжала упиваться его рѣчами.

Подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы внести оживленіе въ бесѣду, Вильгельмъ II часто говоритъ всякій вздоръ, который взбредетъ ему въ голову.

Обыкновенно, эти шутки относятся къ его же адъютантамъ.

И, какъ только императоръ, довольный своимъ собственнымъ остроуміемъ, начинаетъ громко смѣяться,—сейчасъ же взрывъ всеобщаго смѣха охватываетъ и его слушателей.

То лицо, надъ которымъ его величество изволитъ изощряться въ своемъ остроуміи, должно отвѣтить ему тѣмъ же.

Ничто такъ не забавляетъ Вильгельма II, какъ находчивый отвѣтъ.

Но, къ сожалѣнію, часто этотъ отвѣтъ бываетъ столь-же малоостроуменъ, какъ и самъ вопросъ.

Послѣ обѣда, за чашкой кофе, его величество любитъ поболтать со своими гостями и адъютантами; тѣ наперерывъ другъ передъ другомъ стараются развлечь своего царственнаго собесѣдника. разсказывая ему о послѣднихъ новинкахъ въ кафе-концертахъ и циркахъ, или же передаютъ ему пикантныя исторійки и свѣжіе анекдоты, циркулирующіе у нихъ въ полку.

Этотъ вкусъ къ нѣсколько рискованнымъ и прянымъ разговорамъ—слабость всѣхъ Гогенцоллерновъ.

Такъ, напримѣръ писатели прошлаго столѣтія—временъ Фридриха Великаго,—единогласно упоминаютъ, что этотъ король избѣгалъ общества женщинъ только потому, что при нихъ онъ долженъ былъ сдерживать себя и слѣдить за своими выраженіями.

А что касается Фридриха-Вильгельма IV, то онъ слылъ большимъ любителемъ порнографической литературы какъ древней, такъ и современной.

Значитъ, Вильгельмъ II только слѣдуетъ примѣру своихъ предшественниковъ.

Иногда грубость и непристойность его рѣчи прямо-таки неслыханная.

Привожу, какъ доказательство, слѣдующій анегдотъ:

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ маіоръ фонъ-Фалькенгайнъ тогда будучи еще воспитателемъ старшихъ дѣтей императора, сталъ жаловаться его величеству, что его высочество кронпринцъ постоянно повторяетъ передъ своими младшими братьями и товарищами весьма неприличное слово.

— О, чертъ возьми,—воскликнулъ императоръ,—надо его хорошенько наказать.

— Но гдѣ же это маленькое г... могъ научиться такому скверному выраженію?

Вотъ именно, какъ разъ это и было то самое „слово", только что слетѣвшее съ императорскихъ устъ, за которое маіоръ фонъ-Фалькенгайнъ такъ упрекалъ кронпринца.

IX.

Въ предъидущей главѣ я уже упоминала, что наши придворные обѣды и завтраки мало интересны и занимательны. Тоже самое можно сказать и объ остальномъ дворцовомъ времяпровожденіи. Подавляющая скука царитъ въ нашихъ раззолоченныхъ салонахъ, вѣчно тѣ же жеманныя позы у дамъ и та же вынужденная веселость у мужчинъ. Однимъ изъ любимыхъ развлеченій у ихъ величествъ служитъ игра въ ребусы. Вильгельмъ II ввелъ ее даже во всѣ офицерскія собранія, такъ какъ благодаря этой игрѣ онъ имѣетъ прекрасный предлогъ говорить безъ конца и поминутно мѣнять мѣста. Иногда императору вдругъ приходитъ въ голову, по случаю какого нибудь уже давно забытаго событія устроить неожиданное празднество. Тогда на нѣсколько часовъ жизнь при дворѣ выходитъ изъ своей обычной колеи.

Такимъ образомъ, былъ организованъ извѣстный Праздникъ въ честь Менцеля въ замкѣ Санъ-Суси въ іюнѣ 1895 г.

Въ одинъ изъ вечеровъ зашелъ разговоръ по поводу восмидесятилѣтія художника Менцеля о томъ, что знаменитый артистъ былъ лишенъ тогда возможности видѣть при полномъ освѣщеніи, музыкальный салонъ Фридриха Великаго. И что, конечно, ничто ему не было бы такъ пріятно теперь, прежде чѣмъ, закончить свою знаменитую картину „Концертъ на флейтѣ въ Санъ-Суси“, какъ насладится этимъ зрѣлищемъ.

— А можетъ быть, предположилъ герцогъ Гюнтеръ, графъ Келлеръ (бывшій гофмаршалъ Фридриха-Вильгельма IV-го) былъ напуганъ предстоящимъ расходомъ на свѣчи, который повлечетъ такой спектакль.

— Скорѣе всего, онъ просто не зналъ, какой репутаціей „знаменитости“ пользовался Менцель,—отвѣтилъ герцогу скульпторъ Вега.

Вильгельмъ II, услыхавшій послѣднюю фразу артиста, вмѣшался въ разговоръ.

— То есть вы хотите сказать,—быстро спросилъ онъ,— что гофмаршалу моего дѣда не былъ извѣстенъ талантъ любимаго художника Гогенцоллерновъ?

— Я не думаю обвинять мертвыхъ,—отвѣтилъ Вега,— но если судить по имѣющемся даннымъ, то къ несчастію обстоятельства противъ него. Во всякомъ случаѣ, я знаю отъ самого Менцеля, что гофмаршалъ никогда не оказывалъ ему ни малѣйшей любезности. Бѣдный художникъ могъ войти въ замокъ только съ обычными посѣтителями и долженъ былъ заканчивать свою картину отыскивая нужныя ему подробности и указанія въ музеяхъ.

Выслушавъ эти слова императоръ воскликнулъ очень напыщеннымъ тономъ:

— Ну, такъ я заплачу долгъ Пруссіи—Менцелю! И считая съ сегодняшняго вечера, ровно черезъ три дня, мы дадимъ въ Санъ-Суси представленіе изображающее картину: „Концертъ на флейтѣ". Нужно чтобы программа праздника была составлена уже къ завтрашнему утру—не позднѣе десяти часовъ! Но, само собою разумѣется, что Менцель ничего не долженъ подозрѣвать объ этомъ! Передайте только ему, чтобы онъ явился въ замокъ Санъ-Суси на простой музыкальный вечеръ. Затѣмъ, обращаясь къ императрицѣ онъ сказалъ:

— Вы будете изображать принцессу Амалію, а вы Кессель, соберите самыхъ красивыхъ офицеровъ вашего полка, которые олицетворятъ собою прежнюю королевскую гвардію.

Наконецъ, повернувшись къ Эйленбургу императоръ добавилъ:

— Постарайтесь графъ, заручиться лучшими артистами опернаго оркестра, чтобы они сыграли намъ произведенія Великаго Фридриха и пригласите такъ же Іоахима, затѣмъ взявъ императрицу подъ руку онъ быстро простился со своими приглашенными гостями, съ придворными и удалился въ свои аппартаменты.

Еще графъ Эйленбургъ не успѣлъ закончить своей стереотипной фразы: „Messieurs et Mesdames, на сегодняшній вечеръ вы болѣе не нужны ихъ величествамъ", какъ вдругъ графиню Брокдорфъ и меня позвали въ будуаръ императрицы.

Войдя къ нашей августѣйшей хозяйкѣ мы ее застали въ страшномъ волненіи.

— Что мнѣ дѣлать? Сказала намъ она. Гдѣ я найду костюмъ въ такой короткій срокъ? Еслибъ даже я сію минуту протелеграфировала въ Вѣну, то и тогда платье не успѣли бы кончить и прислать къ назначенному дню!

— Но, осмѣлилась я замѣтить ея величеству — вѣдь въ Берлинѣ имѣются также костюмеры и портные и вполнѣ приличные, а въ магазинахъ на Унтеръ денъ Линденъ можно выбрать какія угодно матеріи. Кромѣ того въ шкафахъ вашего величества хранятся цѣлыя сокровищницы драгоцѣнныхъ кружевъ и вышивокъ. Моему совѣту послѣдовали. И вотъ не теряя минуты времени, императрица, графиня Брокдорфъ, и я принялись рыться въ императорской гардеробной. А на другой день утромъ, я отправилась въ Берлинъ, вмѣстѣ съ главной камеристкой ея величества, что бы въ тамошнемъ дворцѣ произвести необходимую рекогносцировку — что и удалось намъ вполнѣ. Говоря правду, никогда еще въ жизни Августа Викторія такъ хорошо не выглядѣла, какъ въ этомъ живописномъ костюмѣ королевской Аббатиссы изъ Кедлинбурга. Туалетъ ея величества состоялъ изъ атласной юбки цвѣта морской воды богато вышитой, на которую была наброшена вторая юбка изъ чернаго бархата почти сплошь расшитая золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Маленькій „трикорнъ“ украшенный бриллiантовой эгреткой граціозно красовался на ея напудренныхъ волосахъ. Въ ушахъ ея величества были надѣты жемчужныя серьги-изображающія кисти винограда. Всѣ эти дивныя драгоцѣнности собственность государства. Впрочемъ, эти серьги „когда то“ принадлежали очаровательной, любовницѣ Великаго Фридриха, — Барбаринѣ! Онѣ даже изображены на знаменитой пастели Розальба Карріэра, нарисованной имъ съ танцовщици, и находящейся теперь въ Дрезденскомъ музеѣ.

Драгоцѣнности Барбарины въ сокровищницахъ государства!

Интересно было бы узнать, какимъ образомъ они попали туда?

А, можетъ быть Барбарину постигла таже участь, что и

Вольтера, послѣ немилости къ нему Великаго императора, и можетъ быть, она тоже была препровождена на границу прусскими гусарами, обобрана", и лишена всѣхъ своихъ подарковъ, которыми ей оплачивалась королевская „благосклонность?"

Самъ императоръ зашелъ осмотрѣть наши костюмы передъ тѣмъ, какъ намъ отправится въ Санъ-Суси.

Всѣ наши дамы были наряжены въ плятья того же стиля, что и ея величество. Графиня Бассовичъ выглядѣла такой хорошенькой, что императоръ, который не привыкъ къ такимъ пріятнымъ сюрпризамъ среди приближенныхъ дамъ своей жены, былъ положительно удивленъ и восхищенъ!

На Вильгельмѣ II былъ одѣтъ кирассирскій мундиръ эпохи Фридриха Великаго. Голову его украшалъ пудренный парикъ, который очень шелъ къ нему. Лицо императора, обыкновенно, такое важное, теперь выглядѣло болѣе привѣтливымъ. вѣроятно, благодаря пудрѣ и румянамъ! Въ главномъ подъѣздѣ замка Санъ-Суси ихъ величества были встрѣчены полковникомъ фонъ Кессель, одѣтымъ въ такой же мундиръ, какъ и его величество. Подъ командой полковника находилась цѣлая рота великановъ въ формѣ гренадеровъ того времени—на головахъ этихъ гигантовъ красовались блестящія каски изъ подъ которыхъ виднѣлись пудренные парики.

Сцена изображенная на картинѣ Менцеля происходила во второмъ музыкальномъ салонѣ Фридриха Великаго. Этотъ салонъ былъ теперь ярко освѣщенъ, благодаря громадному количеству свѣчей. На мой взглядъ ихъ было даже слишкомъ много; во всякомъ случаѣ, гораздо больше, нежели во время царствованія „того" Кто заставлялъ Королеву Мать и Королеву жену ожидать его при тускломъ свѣтѣ простой, сальной свѣчки.

Разумѣется, также, какъ и всѣ при дворѣ, я слышала о томъ предпочтеніи, какое Вильгельмъ II выказываетъ ко всему, что касается театра. Но никогда мнѣ еще не приходилось убѣдиться самой въ примѣненіи его режиссерскихъ талантовъ, какъ въ этотъ знаменательный вечеръ.

Въ сторонѣ отъ другихъ, забившись въ уголъ и тѣсно

прижавшись другъ къ другу, стояли музыканты, приглашенные для участія въ этомъ представленіи. Всѣ они были тоже одѣты въ придворные костюмы восемнадцатаго вѣка.

— „Вниманіе!“ воскликнулъ императоръ обращаясь къ нимъ. Затѣмъ, назвавъ ихъ всѣхъ по именамъ, величественнымъ жестомъ правой руки, затянутой въ перчатку, указалъ каждому изъ нихъ, предназначенное для него мѣсто.

У большаго рояля, того самого, который принцесса Амалія, (одна изъ талантливѣйшихъ виртуозокъ прошлаго столѣтія) оживляла „когда-то“ своими изящными пальчиками; — находился артистъ изображающій Филиппа-Эммануэля Баха, аккомпаніатора Великаго Фридриха.

Направо отъ него, императоръ помѣстилъ віолончелиста олицетворяющаго собою Франца Бенда, а позади поставилъ нѣсколько другихъ исполнителей: двухъ віолончелистовъ и двухъ скрипачей. Великаго Короля изображалъ маленькій, худенькій человѣчекъ, но имѣющій благородную осанку.

Въ рукахъ онъ держалъ флейту, точную копію съ той, что принадлежала Фридриху Великому.

Послѣ того, какъ всѣ артисты были на своихъ мѣстахъ — Вильгельмъ II приказалъ принести фотографію съ картины Менцеля; провѣряя такимъ образомъ позы каждаго лица и давая имъ свои послѣдніе совѣты и указанія.

— Первая скрипка, сказалъ онъ, держите лучше вашу голову! Піанистъ, сядьте немного лѣвѣе! Віолончелистъ, слегка наклонитесь! Теперь хорошо!

Затѣмъ, вдругъ спохватившись его величество спросилъ:

— А гдѣ же Канцъ! [1]) Гдѣ же Граунъ! [2]) Гдѣ же Мопертіусъ!

Три актера королевскаго театра почтительно откликнулись на его зовъ.

— Надѣюсь, вы изучили ваши роли? Спросилъ его величество. Въ такомъ случаѣ, идите на ваши мѣста и не развлекайтесь ни чѣмъ другимъ! Играйте такъ, какъ-бы вы были на сценѣ, а вашъ императоръ сидѣлъ-бы въ ложѣ!

---

[1]) Профессоръ музыки Фридриха Великаго.

[2]) Композиторъ.

Придворныя дамы должны были тоже подчиниться замѣчаніямъ его величества.

— Графиня Бассевитчъ, прикрикнулъ на нее вѣнценосный режиссеръ, запомните, пожалуйста, что Маркграфиня фонъ Байретцъ, которую вы имѣете честь изображать, не была только знаменита своей красотой и граціей, но также и своей королевской осанкой!

При этихъ словахъ императора. маленькая графиня страшно покраснѣла и поспѣшила сѣсть на диванъ изъ шелковой красной матеріи, рядомъ съ графиней Кама.

Позади графини Кама, Вильгельмъ II помѣститъ одного молодаго офицера, довольно неуклюжаго, который долженъ былъ мѣнять свою позу, покрайней мѣрѣ, разъ двѣнадцать, чтобы наконецъ удовлетворить требованіямъ строгаго режиссера.

Наконецъ, очередь дошла и до императрицы. Болѣе двадцати четырехъ часовъ, мы изучали съ ея величествомъ роль принцессы Амаліи, но тѣмъ не менѣе Августа-Викторія не смогла исполнить ее, хотя сколько нибудь успѣшно!

Сославшись на сильную усталость, она извинилась и отошла къ своимъ дамамъ.

На самомъ дѣлѣ, императрицу, приводила въ замѣшательство чрезвычайная нервность ея Супруга.

Къ счастью всѣхъ присутствующихъ эта немного непріятная сцена между нашими Августѣйшими хозяевами закончилось благополучно, такъ какъ въ эту минуту, гофмаршалъ г-нъ фонъ Линкеръ объявилъ о пріѣздѣ Менцеля.

Тотчасъ-же его величество поспѣшилъ въ вестибюль чтобы исполнить свою роль генералъ-адъютанта при дворѣ Фридриха Великаго.

После его ухода всѣ съ облегченіемъ вздохнули. Поднимаясь по лѣстницѣ Менцель былъ восхищенъ, видя, столько военныхъ, въ старинныхъ мундирахъ, окружившихъ его.

Самъ же старикъ художникъ былъ одѣтъ въ заштопанный фракъ, неся на рукѣ такое-же пальто. Но его удивленію не было границъ. когда полковникъ фонъ Кессель, подошелъ къ нему и привѣтствовалъ его появленіе, въ цере-

монныхъ и витіеватыхъ фразахъ того времени. Когда-же фонъ Кессель закончилъ свой маленькій спичъ—появился самъ императоръ, держа треуголку въ рукахъ.

Тогда только Менцель понялъ, что онъ былъ предметомъ весьма лестной манифестаціи и съ радостнымъ чувствомъ подчинился ей.

Затѣмъ Вильгельмъ II, обратился къ знаменитому маэстро со своимъ литературнымъ произведеніемъ и бомбардировалъ несчастнаго старца сорока стансами, такъ называемыхъ „стиховъ", въ которыхъ его величество превозносилъ въ монотонныхъ и напыщенныхъ выраженіяхъ великія заслуги Прусскихъ Королей.

На эту бездарную болтовню, Менцель, отвѣчалъ остроумнымъ экспромтомъ:

Мнѣ кажется, я имѣю честь говорить съ барономъ фонъ Лентулусъ? Въ такомъ случаѣ прошу ваше превосходительство передать его величеству Королю мою почтительнѣйшую и самую искреннюю благодарность за оказанную мнѣ честь.

Представленіе прошло въ образцовомъ порядкѣ. Сначала мы присутствовали на смотру старой гварціи, которая намъ показала нѣкоторые, военные пріемы прошлаго столѣтія.

Наконецъ. наступилъ самый гвоздь вечера: воспроизведеніе знаменитой картины Менцеля.

Послѣ того какъ императоръ занялъ мѣсто рядомъ съ пресмотрѣлымъ художникомъ, начался „Концертъ на флейтѣ" Фридриха, — онъ считается лучшей композиціей Великаго короля.

Послѣ него сыграли на роялѣ произведеніе принца Фердинанда Прусскаго. Музыкальный вечеръ закончился вдохновенной игрой знаменитаго Іоахима, который долго чаровалъ насъ, исполняя дивную музыку Себастіана Баха.

Послѣ ужина, сервированнаго въ мраморномъ залѣ [1]) пока ихъ величества, со своими приглашенными, отпра-

---

[1]) Носитъ названіе „мраморнаго", потому что куполъ его покоится на 16 колонахъ изъ бѣлаго мрамора.

вились любоваться освѣщенными фонтанами, я вернулась въ музыкальный салонъ гдѣ печально догарали свѣчи...

Этотъ „историческій“ Салонъ невольно напомнилъ мнѣ давно прошедшія времена. Вѣдь онъ былъ свидѣтелемъ любовныхъ увлеченій Фридриха! Здѣсь, въ этой комнатѣ, царила „она“—царица его сердца красавица Барбарина—единственная женщина, которую онъ когда-либо любилъ!

Всѣ стѣны завѣшены портретами этой красавицы—фаворитки.

Она изображена во всѣхъ позахъ и во всѣхъ положеніяхъ!

Вотъ „Венера“—Барбарина играющая съ Пигмилліономъ; вотъ „Діана“—Барбарина засыпающая среди нимфъ; Барбарина—въ объятіяхъ Апполона; Барбарина—преслѣдуемая Паномъ—еще Барбарина—геній любви; наконецъ, Барбарина не имѣющая никакого другого покрова, кромѣ своей чарующей красоты и граціи!

Всѣ эти разнообразныя полотна принадлежали кисти Антона Пэна, который вложилъ въ нихъ весь свой талантъ колориста и все вдохновеніе артистическаго чувства.

Я еще любовалась дивнымъ произведеніемъ великаго художника, когда въ комнату вошелъ императоръ въ сопровожденіи старика Менцеля.

— Мнѣ хотѣлось-бы, сказалъ его величество, попросить Анжэли нарисовать портретъ императрицы въ костюмѣ принцессы Амоліи.

Что вы на это скажите, Менцель?

— Анжэли дѣлалъ портреты многихъ монарховъ отвѣтилъ Менцель, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ угодитъ и Вашему Величеству.

При этихъ словахъ, Менцель снялъ свои очки и подошелъ ближе къ знаменитой картинѣ Антона Пэна, изображающей любовницу Короля совсѣмъ обнаженной.

— Я очень радъ, что вы одинаковаго мнѣнія со мной—продолжалъ Вильгельмъ, и я сегодня же вечеромъ протелеграфирую Анжэли.

И, когда спустя пять минутъ Менцель откланявшись

Ихъ Величеству уходилъ изъ комнаты—я слышала, какъ онъ прошепталъ:

Пэнъ — Анжели; Фридрихъ Великій — Вильгельмъ II!

X.

Трудно найти человѣка, болѣе несвѣдущаго въ денежныхъ дѣлахъ, нежели Вильгельмъ II.

Онъ совсѣмъ не знаетъ стоимости денегъ, и къ финансовымъ вопросамъ относится съ рѣдкой развязностью и безцеремонностью, которая подчасъ носитъ даже комическій характеръ.

Тому примѣромъ можетъ служить слѣдующій разговоръ, бывшій въ Февралѣ 1892 года, во время завтрака въ берлинскомъ замкѣ по поводу предстоящей поѣздки принца и принцессы Мейнингенскихъ въ Лондонъ, приглашенныхъ туда самой королевой Викторіей.

Императоръ, принимавшій живѣйшее участіе въ этихъ разсужденіяхъ, нетерпѣливо воскликнулъ:

— Но, вѣдь, это путешествіе будетъ стоить баснословно дорого! По меньшей мѣрѣ, десять марокъ съ каждаго человѣка ежедневно!

А на другой день, послѣ этого замѣчанія, столь недостойнаго такого монарха, какъ императоръ Германіи, его величество, опять-таки за завтракомъ-же, сказалъ намъ:

— Я счастливъ, что могу сообщить вамъ о моихъ планахъ относительно переустройства замка.

Я рѣшилъ поставить рѣшетку, отдѣляющую меня отъ публики! Я прикажу воздвигнуть новый рядъ террасъ передъ моимъ дворцомъ, — террасъ, которыя спустятся довольно далеко, чтобы обхватить ту часть сада, что находится между замкомъ и большимъ фонтаномъ.

И, говоря это, онъ добавилъ съ довольнымъ смѣхомъ:

— Надѣюсь тѣмъ, хотя немного, избавить себя отъ шума и криковъ толпы!

Вильгельмъ II,—какъ я уже говорила выше,—обожаетъ привѣтствія толпы «хохъ!» и «ура!»—наполняютъ его душу

блаженствомъ; но все это онъ любитъ на разстояніи, такъ какъ презираетъ то, что внѣ его собственной сферы и круга.

— Но согласится-ли городъ пожертвовать такимъ большимъ участкомъ земли?—спросилъ принцъ Саксенъ-Альтенбургскій, присутствовавшій за завтракомъ, въ качествѣ почетнаго гостя.

— Да, конечно, если только я самъ соглашусь, чтобы снесли старые дома между Брейтъ-Штрассе и Курфюрстенъ-Брюкке.

— Но для того, чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе, необходимо истратить, по крайней мѣрѣ, двадцать милліоновъ,—замѣтилъ на это министръ двора баронъ фонъ-Ведель.

— Да, что-то въ этомъ родѣ. Не все-ли мнѣ равно!—сердито возразилъ императоръ, хмуря брови.

Затѣмъ на его лицѣ снова заиграла веселая улыбка, и онъ проговорилъ, обращаясь къ министру:

— Можетъ быть, для этой цѣли я поручу вашему превосходительству устроить лотерею или же сдѣлать заемъ.

Вся мелочность характера Вильгельма II сказалась въ этомъ: онъ находитъ слишкомъ большой тратой сумму въ десять марокъ въ день—для членовъ его семьи, а между тѣмъ, желаетъ располагать двадцатью милліонами для удовлетворенія своей прихоти.

Когда принцу Мейнигенскому передали мнѣніе его величества по поводу его путешествія въ Англію, то зять императора удовольствовался тѣмъ, что сказалъ:

— Честное слово, Вильгельмъ меня принимаетъ за своего лѣсного сторожа, какъ онъ принималъ Бисмарка за чистильщика своихъ сапогъ.

Императору безразлично, куда поставятъ „ноль"—въ началѣ или въ концѣ числа.

Единственное математическое правило, твердо усвоенное имъ,—это то, что, рейхстагъ, ворочая милліонами, долженъ сократить свой бюджетъ для удовлетворенія требованій императора.

Передъ праздникомъ Рождества у насъ давно существуетъ обычай давать награды дворцовымъ служащимъ.

Каково же было мое удивленіе, когда въ первое Рождество, которое я провела при дворѣ, я услыхала какъ императоръ сказалъ императрицѣ:

— Я приказалъ Мейснеру (завѣдующій личными средствами его величества) выдать только по десять марокъ тѣмъ слугамъ, которые несутъ службу у меня.

Будьте любезны передать такія же инструкціи барону Мирбаху, иначе вы рискуете раздать наградныя цѣлой кучѣ людей, которая находится здѣсь только для того, чтобы помогать нашей же прислугѣ.

Надо замѣтить, что въ продолженіе всего года императоръ больше не даетъ никакихъ «чайковъ» (trinkgeld); напримѣръ его камердинеры получаютъ пятьдесятъ марокъ, а остальные слуги должны довольствоваться десятью марками.

Нищіе, что пристаютъ къ его величеству во время прогулокъ верхомъ въ Потсдамѣ или въ Берлинѣ, получаютъ по три марки.

Каждое воскресенье дежурному адъютанту вмѣняется въ обязанность положить въ руку императора ту же сумму передъ его отбытіемъ въ церковь.

Вильгельмъ II—это рабъ традицій, и вотъ слѣдуя ихъ памяти, онъ воскресилъ одинъ изъ старинныхъ обычаевъ своихъ предковъ.

Съ тѣхъ поръ одинъ разъ въ годъ, въ ночь передъ Рождествомъ, его величество надѣваетъ штатское платье и одинъ, безъ адъютантовъ, идетъ гулять по улицамъ Берлина.

Но все же это не мѣшаетъ полиціи „отвѣчающей за жизнь императора", сопровождать его издали своими ангелами-хранителями.

Во время этой прогулки, которая иногда увлекаетъ Вильгельма II за предѣлы стѣнъ стариннаго замка, его величество всѣмъ обывателямъ, попадающимся ему на пути, желаетъ „веселаго праздника", а встрѣчающимся бѣднякамъ раздаетъ золотыя монеты.

За нѣсколько дней до Рождества 1894 года графъ Эйлен-

бургъ спросилъ императора, будетъ ли онъ совершать свою обычную ночную прогулку?

— Разумѣется,. какъ всегда. Да, и, кстати, скажите Мейсснеру на этотъ разъ приготовить мнѣ вмѣсто золотыхъ монетъ серебрянныя.

Затѣмъ, повернувшись къ императрицѣ, онъ добавилъ:

— Видите ли, я нашелъ нецѣлесообразнымъ раздавать золото, потому что тѣ бѣдняки, которые пользуются моей щедростью, могутъ легко возбудить подозрѣніе, когда въ магазинахъ они будутъ мѣнять золотыя монеты.

— Какъ это великодушно съ вашей стороны! — воскликнула Августа-Викторія, бросая на своего супруга восхищенный взоръ.

Передъ тѣмъ, какъ отправиться въ свою „ благотворительную“ прогулку, Вильгельмъ II зашелъ проститься съ императрицей.

— Да, да бѣдняки,—проговорилъ онъ,—въ эту рождественскую ночь будутъ въ радости!!

— Мейсснеръ выбралъ для нихъ самые блестящіе талеры изъ своей шкатулки!

И при этихъ словахъ, императоръ высыпалъ изъ кармана серебро, которое онъ рѣшилъ сегодня истратить на жителей Берлина,--всего пятьдесятъ семь марокъ.

Тѣ „знаменитые“ проекты, о которыхъ я говорила выше, относительно переустройства дворца, были очень дурно приняты въ широкихъ кругахъ общества.

За то при дворѣ только и разговору было, что о нихъ.

Впрочемъ, его величество самъ, не умолкая, разсказывалъ о предполагаемыхъ постройкахъ своимъ приближеннымъ.

Но, въ одинъ прекрасный день, эти планы подверглись существенному измѣненію: напримѣръ, громадное пространство земли около дворца, при помощи императорскаго карандаша, было уничтожено и замѣнено бассейномъ съ водой.

А спустя два дня опять послѣдовала перемѣна, еще болѣе значительная, нежели первая: зданіе академіи (архитектуры Шинкеля) должно быть срыто до основанія; сады тоже уничтожены и замѣнены великолѣпнымъ озеромъ, воды котораго будутъ омывать подножье памятника Вильгельма I.

Но берлинская пресса во время была освѣдомлена объ этихъ „знаменитыхъ“ проектахъ его величества и сразу возбудила противъ нихъ грозную полемику.

„Ни одного пфенига на эту безумную постройку, ни одного дюйма земли, принадлежащей городу“!

Таковы были первоначальныя фразы газетной статьи, которую я, по приказанію императрицы, должна была прочесть ей вслухъ.

Въ концѣ-концовъ, вся эта исторія приняла такой скандальный характеръ, что императору пришлось отказаться отъ своихъ замысловъ.

Девятаго Марта за завтракомъ мы узнали, что его величество отбылъ въ Губертусштокъ [1]).

Когда обстоятельства складываются не такъ, какъ того желаетъ Вильгельмъ II, или когда онъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, онъ всегда уѣзжаетъ въ Губертусштокъ.

Въ этотъ же день министръ фонъ-Бьюттихеръ отправился въ рейхстагъ и сказалъ тамъ нѣсколько ловко придуманныхъ фразъ, дабы успокоить общественное мнѣніе.

—Всѣ эти проекты о передѣлкахъ,—пояснялъ онъ,—существовали только въ воображеніи журналистовъ и архитекторовъ.

При дворѣ о нихъ и рѣчи не было!

Въ присутствіи ихъ величествъ никогда этотъ вопросъ не былъ затронутъ.

Когда князь Бисмаркъ узналъ объ этихъ «поясненіяхъ» фонъ-Бьюттихера, то онъ смѣясь воскликнулъ:

«Дураки всегда бываютъ лгунами!»

XI.

Послѣ всего вышесказаннаго, прихожу къ тому заключенію, что всѣ поступки Вильгельма II, гдѣ вопросъ касается денежныхъ дѣлъ, безусловно непослѣдовательны.

По этому поводу небезынтересно будетъ познакомиться съ грозными филиппиками императора противъ возникшей роскоши въ офицерскихъ кругахъ.

---

[1]) Охотничій замокъ въ провинціи Бранденбургъ.

„Полковники, капитаны и лейтенанты прусской арміи,— провозглашаетъ монархъ,—должны находить ихъ высшее удовлетвореніе въ скромной жизни“.

„Расходъ превышающій доходъ—это источникъ всѣхъ соціальныхъ несчастій“.

„Только генераламъ, имѣющимъ обязанности представительства, дается снисхожденіе.

„Впрочемъ, „ихъ превосходительства“ не должны тратить на этотъ предметъ болѣе того, что позволяютъ ихъ оклады“.

Но все это только теоретическая сторона вопроса.

Посмотримъ-же теперь; какова дѣйствительность.

Для того, чтобы убѣдиться, что его приказанія точно исполняются, императоръ, время отъ времени, самъ напрашивается на полковые завтраки въ офицерскія собранія, объявляя, что онъ платитъ за себя и свою свиту по десять марокъ съ персоны и ни одного пфеннига больше.

Разумѣется, устроители завтрака, считаясь со вкусами его величества, зная, какія блюда и какія вина онъ предпочитаетъ, заказываютъ шампанское самой лучшей марки, бургонскія и рейнскія вина высшаго качества, всевозможные ликеры и старые коньяки, а также рѣдкостную дичь, дорогія морскія рыбы и т. д.

А что касается наружнаго и внутренняго убранства собранія, то по этому случаю оно бываетъ роскошно декорировано.

Вставая изъ-за стола Вильгельмъ II съ своими адъютантами (такъ какъ онъ долженъ платить за нихъ, то больше шести не привозитъ съ собою) обыкновенно благодаритъ своихъ амфитріоновъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Вотъ видите, дорогой полковникъ, какъ прекрасно можно поѣсть за десять марокъ!

При этихъ словахъ его величества интересно бываетъ взглянуть на вытянутыя физіономіи молодыхъ офицеровъ,— многіе изъ нихъ все-же надѣялись, что графъ Эйленбургъ пришлетъ администраціи клуба, чѣмъ пополнить ихъ расходы. Увы! Напрасная надежда!

За всѣ эти „Редереры“ и „Муммы“ все-таки расплачивались они-же!

Каждый разъ, когда верховный вождь арміи удостаиваетъ своимъ посѣщеніемъ полковой обѣдъ (съ требованіемъ „menu“ въ десять марокъ); счетъ котораго потомъ оплачиваютъ господа офицеры, колеблется между 500 и 1,500 марокъ.

Было время, когда честь принимать у себя императора обходилась постдамскимъ лейтенантамъ—одну десятую ихъ жалованья въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Вотъ какимъ образомъ Вильгельмъ II заставляетъ своихъ офицеровъ примѣнять на практикѣ ту экономію, о которой онъ такъ высокопарно проповѣдуетъ.

Это заблужденіе считать, что большинство офицеровъ служащихъ въ гвардіи богатые люди.

Многіе изъ нихъ—это только сыновья важныхъ чиновниковъ съ громкими титулами, но пустыми карманами; а между тѣмъ, эти молодые гвардейскіе офицеры, несмотря на свои болѣе чѣмъ скромныя средства (и то удѣляемыя имъ ихъ родителями большей частью, получающими незначительное содержаніе) желаютъ блистать въ обществѣ: на великосвѣтскихъ базарахъ, на охотахъ, на парадахъ, въ клубахъ и т. д.

Всѣ они прекрасно знаютъ, что для того, чтобы привлечь на себя вниманіе императора необходимо быть элегантно одѣтымъ.

А портные, рискуя тѣмъ, что въ одинъ прекрасный день имъ могутъ ничего не заплатить, пока пользуются и берутъ безумныя цѣны съ своихъ молодыхъ кліентовъ. Благодаря такому стеченію обстоятельствъ, легко сдѣлаться добычей ростовщиковъ.

Я припоминаю именно такой случай: однажды мать одного блестящаго гвардейскаго офицера, вдова тайнаго совѣтника, живущая только на свою скромную пенсію въ четыре тысячи пятисотъ марокъ, да еще имѣя на своемъ попеченіи нѣсколько незамужнихъ дочерей, обратилась ко мнѣ съ просьбой испросить ей аудіенцію у императрицы.

И когда, по правиламъ этикета, я спросила ее, въ чемъ

собственно, будетъ состоять ея ходатайство, то бѣдная женщина мнѣ откровенно призналась, что намѣрена умолять императрицу, чтобы ея величество попросила императора не посѣщать больше полковыхъ собраній.

Разумѣется я ей отсовѣтовала, даже и думать о подобномъ ходатайствѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, я не могла остаться безучастной къ тѣмъ аргументамъ, которые высказала мнѣ несчастная мать.

— Жалованье моего сына,—начала она свой трогательный разсказъ,—какъ вы знаете, ровно сто семьдесятъ марокъ въ мѣсяцъ.

Вычтите изъ этой суммы около сто сорока марокъ на его столъ, квартиру и „подписки“, значитъ, остается всего тридцать марокъ да столько же даю я отъ себя, и это идетъ ему на папиросы и развлеченія!

До тѣхъ поръ, пока императоръ не началъ посѣщать полковыя собранія, все шло отлично и мой сынъ не выходилъ изъ своего бюджета.

Но послѣ перваго же визита его величества мой бѣдный мальчикъ долженъ былъ внести свою часть—пятнадцать марокъ, кромѣ того, ему пришлось еще занять у товарища два золотыхъ.

На слѣдующій мѣсяцъ императоръ опять возобновилъ свое дорого стоящее посѣщеніе и снова на долю моего сына пришлась порядочная сумма.

А послѣ того, какъ онъ разсчитался съ своимъ товарищемъ, то у него въ кошелькѣ осталось ровно пять марокъ изъ всего мѣсячнаго оклада.

Въ скоромъ времени, несчастный юноша попалъ въ когти ростовщиковъ, а спустя шесть мѣсяцевъ послѣ этого онъ былъ разжалованъ!

— Не подумайте, дорогая графиня,—сказала едва сдерживая слезы, несчастная мать, что мой сынъ представляетъ изъ себя исключеніе.

Увы, сколько молодыхъ жизней подававшихъ блестящія надежды, были загублены такимъ образомъ.

— И вотъ сегодня, испрашивая аудіенцію у императрицы,—проговорила она почти рыдая,—я хотѣла умолять ея

величество не за себя одну, а за всѣхъ насъ, несчастныхъ матерей. Я собиралась разсказать императрицѣ, какой опасности подвергаются тѣ молодые офицеры, которые находятся вблизи императора.

Возвращаясь съ маневровъ 1895 года Вильгельмъ II выразилъ свое недовольствіе генералу фонъ Кессель, командиру 1-го кирасирскаго Бреславскаго полка, относительно обмундированія его офицеровъ, гостепріимствомъ которыхъ иногда пользуется императоръ.

На это замѣчаніе Вильгельма II послѣдовалъ довольно смѣлый и рѣшительный отвѣтъ генерала фонъ-Кессель:

— Если его величество желаетъ видѣть своихъ офицеровъ хорошо одѣтыми, то тогда нужно перестать посѣщать ихъ собранія и обѣдать на ихъ карманныя деньги.

— Они не могутъ брать на себя роль амфитріона и въ то же время уплачивать своимъ портнымъ.

Вильгельмъ II, самъ не зная счета деньгамъ и не умѣя съ ними обращаться, готовъ каждую минуту устраивать костюмированные вечера, не подозрѣвая даже, насколько подобныя празднества разорительны для его приближенныхъ.

Однажды вечеромъ, въ Февралѣ 1897 года, во время вечерняго пріема во дворцѣ, княгиня Радзивиллъ, разговаривая съ императоромъ, упомянула о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя возникли у приглашенныхъ офицеровъ, по поводу костюмовъ для предстоящаго праздника въ честь столѣтія со дня рожденія Вильгельма I.

— Эти господа,—отвѣтилъ императоръ, — имѣли ровно мѣсяцъ для своихъ приготовленій.

И я бы посовѣтовалъ имъ не жаловаться!.

Если для нихъ недостаточно портныхъ и костюмеровъ въ Берлинѣ, то они имѣются въ другихъ городахъ!

— Съ разрѣшенія вашего величества,—возразила княгиня,—я осмѣлюсь сказать, что это не недостатокъ въ рукахъ и иголкахъ тревожитъ вашихъ офицеровъ, а недостатокъ въ деньгахъ!

Большинство изъ молодыхъ лейтенантовъ не могутъ позволить себѣ истратить шестьсотъ или семьсотъ марокъ

на костюмъ, который они одѣнутъ всего только одинъ разъ!

— А гдѣ эта ваша свѣтлость изволила добыть такія драгоцѣнныя свѣдѣнія?—спросилъ Вильгельмъ II съ насмѣшливой улыбочкой.

— Нигдѣ и всюду!—продолжала княгиня Марія, слегка вспыхнувъ.

— Вѣдь теперь только и разговоровъ, что объ этомъ праздникѣ, во всѣхъ салонахъ и во всѣхъ клубахъ!

Я видѣла, какихъ невѣроятныхъ усилій стоило княгинѣ сдерживать себя.

Не даромъ кровь француженки текла въ ея жилахъ!

— Мнѣ хотѣлось (сказала мнѣ потомъ она) отвѣтить императору такъ же, какъ княгиня Меттернихъ отвѣтила императрицѣ Евгеніи:

„Я сама княгиня и никому не позволю насмѣхаться надъ собою“!

Его величество пожалъ плечами и добавилъ:

— Если это является необходимымъ, чтобы я не только кормилъ, но и одѣвалъ своихъ гостей, тогда я дамъ вашимъ бѣднымъ друзьямъ двадцать тысячъ марокъ, чтобы они могли заплатить за свои костюмы.

Многіе изъ присутствовавшихъ слышали это обѣщаніе императора, а такъ какъ почти у каждаго изъ насъ былъ въ роднѣ кто-нибудь изъ офицеровъ, приглашенныхъ на этотъ праздникъ, то, разумѣется, нѣтъ ничего удивительнаго, если это „императорское“ обѣщаніе всѣхъ насъ страшно заинтересовало.

Оно съ быстротой молніи распространилось повсюду.

Во всѣхъ клубахъ превозглашали тостъ: „За здоровье Вильгельма щедраго!“

Будучи увѣрены, что ихъ расходы возмѣстятся, офицеры, назначенные для участія въ живыхъ картинахъ, не стѣснялись въ тратахъ.

Всѣ они невольно стали набирать въ магазинахъ самыя лучшія, дорогія матеріи и самыя богатыя вышивки золотомъ и серебромъ.

А результатомъ всего этого было то, что императоръ

имѣлъ именно тотъ роскошный и великолѣпный праздникъ, о которомъ онъ такъ мечталъ.

Въ концѣ вечера, онъ даже выразилъ, по этому случаю, свою горячую благодарность за доставленное удовольствіе.

А на другой день его величество уѣхалъ на охоту.

Что же касается до обѣщанныхъ двадцати тысячъ марокъ, то объ нихъ Вильгельмъ II совершенно „забылъ“.

XII.

При дворѣ и въ городѣ еще продолжали говоритъ о непостижимой „забывчивости“ императора, по поводу, инцидента съ двадцатью тысячами марокъ; когда на смѣну ему явился другой случай—еще болѣе подтверждающій, до какой степени, вопросы о цифрахъ мало усвоены его величествомъ.

Передъ тѣмъ, какъ братъ императора, принцъ Генрихъ прусскій долженъ былъ отплыть на броненосцѣ „Король Вильгельмъ“ въ Англію—на юбилей королевы Викторіи, онъ получилъ телеграмму отъ своего вѣнценоснаго брата— выражавшаго ему свои сожалѣнія „въ невозможности предложить болѣе новый и лучшій корабль: „такъ какъ эти негодяи и антипатріоты, засѣдающіе въ рейхстагѣ отказываютъ въ необходимомъ кредитѣ на нужды флота!“

Многихъ изъ насъ возмутили несправедливыя выраженія этой депеши! На самомъ же дѣлѣ—тѣ члены рейхстага, которыхъ Вильгельмъ II третировалъ, какъ „негодяевъ“ и „антипатріотовъ“ не только согласились увеличить обычный бюджетъ морского вѣдомства съ пятидесяти до ста процентовъ; но еще голосовали въ пользу этого же самого вѣдомства сверхсмѣтный кредитъ въ шестьдесятъ девять милліоновъ марокъ.

Другими словами, рейхстагъ разрѣшилъ увеличить морскому министерству на нужды флота, годовой бюджетъ до пятидесяти пяти милліоновъ марокъ, вмѣсто прежнихъ двадцати семи милліоновъ.

Разумѣется, какъ того и слѣдовало ожидать телеграмма

императора возбудила много толковъ и споровъ во всей Германіи.

Въ обществѣ, въ прессѣ и въ политическихъ кругахъ даже сомнѣвались въ ея подлинности. А во время всѣхъ этихъ перепитій, Вильгельма II очень забавляла произведенная имъ шумиха. „Выстрѣлъ попалъ въ цѣль!“ Такова была фраза, какой его величество встрѣчалъ всѣхъ своихъ дворцовыхъ посѣтителей, и приближенныхъ.

Бесѣдуя съ генераломъ фонъ Будденброкъ тѣмъ самымъ—чьи гусары въ 1886 году были уничтожены въ Іофефштадтѣ прусскими же баттареями, императоръ грубо объявилъ ему:—разумѣется, телеграмма написана мною!

Да и собственно говоря, почему я не въ правѣ выразить моему брату мое мнѣніе объ этихъ „негодяяхъ“?

Понятно, я не могу сказать имъ это въ лицо, тѣмъ болѣе что пока они еще хозяева положенія; но все же, я не вижу причины, почему мнѣ нельзя во всеуслышаніе заявить, что я объ нихъ думаю!

Предвидя, вѣроятно, вопросъ со стороны его превосходительства—императоръ поспѣшилъ добавить:

— И я очень доволенъ, что мой братъ счелъ нужнымъ придать моимъ словамъ необходимую гласность!

Очень невыгодное впечатлѣніе произвело въ Германіи, и даже отчасти повредило популярности Вильгельмъ II это его отказъ придти на помощь жертвамъ наводненія въ Вюртенбергѣ. Эти наводненія, какъ разъ совпали съ ужаснымъ пожаромъ, случившимся во время благотворительнаго базара въ Парижѣ.

Для жертвъ же, этой катастрофы, императоръ съумѣлъ найти: „въ фондахъ предоставленныхъ въ распоряженіе, Его Величества“—значительную сумму, которую онъ и послалъ въ Парижъ, вмѣстѣ со своими преувеличенными соболѣзнованіями. А несчастные Вюртембергцы, вносившіе въ эти „фонды“ свой ежегодный налогъ, не получили ни денегъ, ни даже малѣйшаго сочувствія къ ихъ бѣдствію.

По этому поводу, много анонимныхъ писемъ было прислано во дворецъ. Эти письма, большею частью, сопровождались каррикатурами и, Боже мой, какими каррикатурами! Напримѣръ, одна изъ нихъ изображала императора, колѣнопреклоннымъ передъ кроватью: „Мадамъ Республика", бросающаго полными пригоршнями золото изъ большого мѣшка, на которомъ было написано:

„Государственные фонды представленные въ распоряженіе Его Величества—для оказанія помощи ветеранамъ арміи, ихъ вдовамъ и сиротамъ".

Почти всѣ эти „анонимы" гласили, что Вильгельмъ II никогда не совершалъ ни одного добраго дѣла, безъ того что бы не прокричать о немъ.

„Какое счастье, что эти господа не знаютъ всей правды!" подумала я, услыхавъ хвастливое заявленіе императора, послѣ того, какъ онъ отправилъ въ столицу Франціи чекъ въ десять тысячъ марокъ!

— Этотъ чекъ приближаетъ меня къ Парижу больше чѣмъ на сто миллъ! И, если подобный случай еще повторится, то безъ всякаго сомнѣнія, французы пошлютъ въ Берлинъ, спеціальный поѣздъ, чтобы повезти меня на ихъ выставку!

Въ сущности говоря, императоръ не имѣетъ права считать „фонды предоставленные въ распоряженіе Его Величества"—(приблизительно три милліона марокъ) какъ на добавленіе къ своему цивильному листу. Эти фонды должны идти для оказанія помощи заслуженнымъ войнамъ, или же лицамъ пострадавшимъ отъ народныхъ бѣдствій. Но для того, чтобы умѣть разобраться въ томъ что, „твое"—не значитъ еще „мое"—нужно имѣть, хотя смутное понятіе чужой собственности, чего совершенно лишенъ Вильгельмъ II.

Значитъ нѣтъ ничего удивительнаго, если императоръ смотритъ на доходы государства, какъ на свою личную собственность. Судя по его словамъ, все ему принадлежитъ; впрочемъ, онъ такъ и говоритъ:—моя армія, мой флотъ, мои крѣпости, мои фонды, мой канцлеръ, мой министръ—все это произносится такимъ же тономъ, какъ если бы онъ сказалъ: „моя лошадь, моя жена, мои дѣти, или мои рѣчи".

Необходимо упомянуть при какихъ обстоятельствахъ, его величество прибѣгнулъ къ помощи этихъ „фондовъ“, едва не перевернувши всю внутреннюю политику имперіи.

Вотъ какимъ образомъ розыгрались событія:

Вильгельмъ II былъ очень недоволенъ непринятіемъ одного проекта о новомъ законѣ составленнаго по его указаніямъ графомъ Зедлицъ.

На другой день послѣ этой неудачи—онъ уѣхалъ въ Губертусштокъ, даже не простившись со своей супругой, отчего бѣдная Августа-Викторія была въ отчаяніи.

Въ это время пришла телеграмма королевы Викторіи—адресованная императрицѣ, слѣдующаго содержанія: „Здѣсь носятся слухи, что Каприви уходитъ въ отставку, это было бы большимъ несчастіемъ въ данный моментъ. Постарайтесь, во чтобы то ни стало, убѣдить его остаться“.

— Я сейчасъ же отправляюсь къ нему, воскликнула Августа-Викторія, которая всегда благоговѣла передъ политической мудростью англійской королевы.

Но все же гофмейстеринѣ, графинѣ Брокдорфъ, удалось уговорить ея величество не дѣлать этого—не зная,—какія послѣдствія можетъ вызвать подобный неосторожный поступокъ.

Послѣ долгихъ споровъ рѣшили что императрица сама напишетъ Каприви.

И вотъ не теряя ни минуты времени, мы всѣ: императрица, графиня Брокдорфъ, госпожа фонъ Герсдорфъ и я, усѣлись сочинять черновики письма — канцлеру—условившись, что лучшій изъ нихъ будетъ посланъ Каприви. Но къ сожалѣнію наша работа была напрасна, такъ какъ ни одинъ изъ четырехъ экземпляровъ письма не былъ признанъ подходящимъ.

Наконецъ, общими силами, текстъ былъ выработанъ и посланіе отправлено съ господиномъ фонъ Кнесбекъ.

Вскорѣ онъ вернулся съ благопріятнымъ отвѣтомъ въ которомъ, канцлеръ увѣрялъ ея величество, что онъ считаетъ за особую честь для себя повиноваться ея приказаніямъ, и потому руководствуясь данными обстоятельствами,

онъ сегодня же вечеромъ отправится встрѣтить императора по возвращенiи его изъ Губертусштока.

Затѣмъ, все случилось, какъ и должно было случиться: Каприви согласился остаться на своемъ посту и при дворѣ больше не вспоминали о проектѣ графа Зедлицъ.

Все выше сказанное происходило въ Мартѣ 1892 года.

А спустя, два года, мнѣнiе Августы-Викторiи, по поводу оставленiя въ должности канцлера-Каприви—радикально измѣнилось.

Причиной тому, главнымъ образомъ, послужило то, что за послѣднее время—ея величество чувствовала себя, крайне одинокой: мужъ постоянно отсутствовалъ, а дѣти съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе чуждыми ей.

И вотъ, въ эти то минуты душевнаго одиночества, Августа-Викторiя, больше чѣмъ когда либо захотѣла имѣть около себя - одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ, который могъ бы занимая высокое служебное положенiе, какъ напримѣръ постъ канцлера—всегда въ случаѣ необходимости—оказать свое покровительство и придти ей на помощь.

И тогда то императрица вспомнила о своемъ любимомъ дядѣ-престарѣломъ князѣ Гогенлоэ.

— Ахъ, еслибъ только дядя былъ здѣсь!

Какъ часто за послѣднiе два года мнѣ приходилось слышать эту фразу, слетавшую съ устъ моей августѣйшей хозяйки.

— Это такой благородный человѣкъ!—

Какой бы это былъ примѣръ для нашихъ сыновей!

Велика же была ея радость, когда императоръ 25-го октября 1894 года, по своемъ возвращенiи изъ замка графа Элейнбурга, гдѣ онъ былъ въ гостяхъ, попросилъ свою супругу, написать въ Страсбургъ, чтобы узнать, согласится ли ея дядя принять на себя канцлерство. Само собою разумѣется, что Вильгельмъ не имѣлъ терпѣнiя дождаться пока придетъ отвѣтъ на письмо Августы-Викторiи.

На другой день утромъ, господинъ фонъ Луканусъ отправился къ Каприви и по приказанію императора, потребовалъ отъ него немедленную отставку.

Послѣ того, какъ Каприви исполнилъ это „императорское“ приказаніе, Вильгельмъ II телеграфировалъ дядѣ Гогенлоэ, настоятельно прося его, принять предлагаемый ему постъ канцлера.

На это престарѣлый князь отвѣтилъ, что онъ предоставляетъ право рѣшенія своей супругѣ, и если она найдетъ возможнымъ, что состояніе его здоровья позволитъ ему, въ его преклонномъ возрастѣ возложить на себя, эту трудную обязанность, тогда онъ согласится исполнить желаніе императора.

Моментально Вильгельмъ II послалъ ему телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Пріѣзжайте сегодня вечеромъ въ замокъ, Августа Викторія Васъ проситъ“.

Вовремя, этихъ важныхъ переговоровъ императоръ часто заходилъ въ аппартаменты ея величества и мы ея фрейлины, конечно, были въ курсѣ происходившихъ событій.

Придя въ пять часовъ дня, на обычный чай къ своей супругѣ—его величество сказалъ ей:

— Я узналъ, что ваша тетка княгиня Марія, проведетъ эту осень въ Аусзэ; такъ пошлите же ей немедленно депешу, прося уговорить мужа,—скажите ей, что Отечество въ правѣ требовать отъ нея этой жертвы. Гогенлоэ мнѣ необходимъ!—

Императрица положительно сіяла отъ оказаннаго ей довѣрія своего вѣнценоснаго супруга.

И вотъ, наконецъ, послѣ сорока восьми часовъ „колебаній“—князь Гогенлоэ, вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей.

Тогда жизнь во дворцѣ приняла снова свою обычную колею. Опять можно было ѣсть и спать спокойно, не боясь, что васъ потревожатъ каждую минуту—во всякое время дня и ночи, чтобы расшифровать полученную телеграмму, или же только затѣмъ, чтобы успокоить нервы нашей августѣйшей хозяйки.

Теперь императрица была счастлива, она вѣдь тоже сыграла далеко не послѣднюю роль въ политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, почему бы ей не стать второй королевой Луизой? Къ сожалѣнію, это довольство продолжалось недолго.

Не прошло и недѣли, какъ Гогенлоэ принялъ канцлерство, а уже пятьдесятъ шесть другихъ Гогенлоэ—начали забрасыватъ ихъ величествъ просьбами о прибавкѣ, содержанія канцлеру; которое теперь было меньше на сто тысячъ марокъ того оклада, что князь получалъ въ Эльзасъ—Лотарингіи, будучи тамъ представителемъ самого императора.

Это положительно невозможно! Восклицали хоромъ всѣ Гогенлоэ, чтобы допустить такое самопожертвованіе со стороны канцлера: Вѣдь прежде всего, князь принадлежитъ своей семьѣ и долженъ заботится объ ея благосостояніи.

Послѣдняя фраза, какъ бы даже была взята изъ перевода: „Semper Augustus“ римскихъ императоровъ.

Само собою разумѣется, что родственники Гогенлоэ защищали только свои собственные интересы и для нихъ уменшеніе содержанія князя, являлось настоящимъ бѣдствіемъ. Если же принять во вниманіе всю многочисленную родню престарѣлаго канцлера: то цѣлыя дюжины Гогенлоэ, не исключая, и его собственныхъ дѣтей, всѣ они зависили отъ щедротъ благородного старца.

Всѣ эти просьбы и разоблаченія очень тревожили бѣдную Августу-Викторію, которая съ назначеніемъ своего дяди канцлеромъ, такъ надѣялась обрѣсти душевное спокойствіе, но надежды ея не оправдались и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, на ея долю выпали всѣ непріятности этихъ родственныхъ надоѣданій; такъ какъ императоръ сразу объявилъ, что не желаетъ выслушивать этихъ неприличныхъ вымогательствъ.

Невмѣшательство его величества продолжалось до тѣхъ поръ, пока Вильгельмъ, не получилъ анонимнаго письма составленнаго такъ:

„Ваше Величество, не должно быть до такой степени скупымъ, относительно оклада Гогенлоэ, тѣмъ болѣе, что Вашему Величеству, лучше чѣмъ кому другому извѣстно, на что „дядя“ Гогенлоэ употребилъ свой капиталъ. Вѣдь, благодаря только ему, герцогиня Аделаида и ея дочери, изъ которыхъ одна нынѣ императрица Германіи, не умерли съ голода“.

Вечеромъ, по полученіи этого знаменитаго посланія, такъ взволновавшаго Вильгельма II, за обѣдомъ, на которомъ присутствовала Мейнингенская герцогская чета, а также герцогъ Гунтеръ и принцесса Шарлотта, императоръ показалъ имъ только что присланное письмо.

-- Надѣюсь, вы не отправите Котца вновь на Линденъ-Штрассе? [1]) Спросила прицесса Шарлотта.

— Увѣряю васъ, нетерпѣливо отвѣтилъ ей его величество, что въ данный моментъ, меня вовсе не интересуетъ вашъ идіотъ пріятель. Сейчасъ я желаю только одного—избѣжать новаго скандала. Нельзя допустить слухъ, что мать императрицы пользовалась милостью „какого то“ Гогенлоэ! А для того, чтобы заставить замолчать всѣхъ этихъ господъ—необходимо дать канцлеру такое же содержаніе, какое онъ получалъ, будучи намѣстникомъ императора въ Эльзасѣ.

Вильгельмъ II произнесъ заключительную фразу своей рѣчи, съ большей горячностью и очень громко, такъ что всѣ присутствовавшіе могли ихъ слышать. Но затѣмъ онъ понизилъ голосъ до шепота, и такимъ образомъ, смыслъ его словъ былъ понятенъ только для сидѣвшихъ около него, особъ императорской фамиліи.

Впрочемъ, въ тотъ же самый вечеръ, не дѣлая къ тому ни малѣйшей попытки, я была освѣдомлена о содержаніи таинственныхъ словъ императора.

Во время, исполненія музыкальной программы, одно изъ „королевскихъ высочествъ“, что называется „на ушко“ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

---

[1]) Послѣ разыгравшагося скандала при дворѣ по поводу анонимныхъ писемъ, Котцъ былъ заключенъ въ военную тюрьму на Линденъ-Штрассе, но освобожденъ оттуда по приказанію императора.

— Право, я начинаю вѣрить въ тѣ слухи, что циркулируютъ въ городѣ и обвиняютъ Вильгельма въ расхищеніи значительной части капитала изъ „фондовъ предоставленныхъ въ распоряженіе его величества“. А теперь, тѣмъ болѣе, я подозрѣваю, что они справедливы.

— Что желаетъ этимъ сказать ваше королевское высочество?—Спросила я.

— Да только то, что сейчасъ сказалъ намъ его величество, —а именно: императоръ рѣшилъ дать Гогенлоэ ежегодную прибавку къ его окладу канцлера, въ размѣрѣ ста тысячъ марокъ; эту сумму Вильгельмъ II хочетъ взять изъ „фондовъ“, что рейхстагъ присуждаетъ ему для оказанія помощи раненымъ и немощнымъ солдатамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ, или еще жертвамъ наводненій.

— Это невозможно — воскликнула я, вѣдь въ такомъ случаѣ, это будетъ...

Да, это будетъ—воровствомъ, дорогая графиня, отвѣтилъ мнѣ его королевское высочество; впрочемъ, если только вообще существо на половину безумное, можетъ быть, виновно въ подобномъ преступленіи.

XIII.

Безспорно о паденіи Бисмарка, какъ объ историческомъ фактѣ, написано множество страницъ; но я не вдаваясь въ дебри исторіи—хочу припомнить только нѣсколько выраженій Вильгельма II, по поводу его отношенія къ личности желѣзнаго канцлера.

„Ахъ, этотъ Бисмаркъ, онъ вѣчно становится на моемъ пути и постоянно стремится возложить на себя обязанности своего повелителя!“ Или напримѣръ, слѣдующее изреченіе:

„Я бы хотѣлъ, чтобы Бисмаркъ, никогда не существовалъ, потому что, благодаря его совѣтамъ, мой дѣдъ въ 1866 году не аннексировалъ Саксонію“.

И такъ, въ глазахъ Вильгельма II престарѣлый канцлеръ имѣлъ за собой двѣ крупныя вины: во первыхъ, онъ обладалъ популярностью далеко превосходящей его собственную а во вторыхъ, Бисмаркъ не желалъ довольствоваться той

незначительной ролью, которую ему предоставилъ молодой императоръ Германіи.

Со дня своего восшествія на престолъ, Вильгельмъ II мечталъ избавиться отъ опеки „этого старика“, о чемъ еще второго октября 1880 года сообщилъ конфиденціально императору Александру III.

На что Его Величество изволилъ отвѣтить, что удаленіе Бисмарка можетъ повлечь за собою важныя политическія осложненія“.

По видимому на Вильгельма II повліяли эти слова русскаго императора и такимъ образомъ, отставка желѣзнаго канцлера произошла только въ 1890 году — т. е. ровно черезъ десять лѣтъ послѣ обмѣна писемъ обоихъ Величествъ.

Въ Январѣ 1894 года Вильгельмъ II пожелалъ упрочить свое примиреніе съ Бисмаркомъ—примиреніе, которое началось „исторической“ телеграммой написанной по совѣту императора Франца Іосифа.

Въ этой телеграммѣ Вильгельмъ II выразилъ свои симпатіи къ престарѣлому канцлеру и предложилъ ему для возстановленія его здоровья, одинъ изъ своихъ загородныхъ замковъ.

Спустя, нѣкоторое время, узнавъ что Бисмаркъ совершенно оправился отъ своей болѣзни (воспаленіе бронховъ) его величество, какъ-то вечеромъ сказалъ, обращаясь къ своимъ приближеннымъ:

Я завтра же пошлю Кидерлэна къ Бисмарку въ Фридрихсруэ передать ему мое поздравленіе по этому случаю вмѣстѣ съ традиціонной бутылкой стараго Штейнберга.

— Ради самого Бога, не дѣлайте этого, ваше величество, замѣтилъ ему герцогъ Альбрехтъ Мекленбургскій, — лучше пошлите простого посыльнаго, нежели Кидерлэна!

— А какіе же доводы, ваше высочество можете представить противъ моего выбора? Спросилъ императоръ, стараясь избѣжать родственнаго „ты“, что всегда было признакомъ его недовольства.

— Какіе доводы? Возразилъ его высочество, да ровно никакихъ, ибо я лично не питаю къ вашему совѣтнику

никакой непріязни! Впрочемъ, я долженъ признаться, что во время, моего послѣдняго посѣщенія стараго канцлера, рѣчь зашла о предполагаемомъ назначеніи Кидерлэна, министромъ въ Гамбургъ. Тогда спросили князя знаетъ ли онъ Кидерлэна и каково его мнѣніе о немъ?

„О, да, это пройдоха, человѣкъ, чье общество только пригодно для охоты на оленя! Но, послѣ обѣда, когда переходятъ въ салонъ его уже болѣе не нужно“!

При этихъ словахъ герцога Альбрехта, лицо императора нахмурилось и во весь вечеръ никто изъ присутствующихъ не посмѣлъ даже улыбнуться.

— Я вамъ очень признателенъ, за эти свѣдѣнія, проговорилъ Вильгельмъ, но знайте, что я не нуждаюсь въ совѣтахъ; какъ относительно выбора моихъ министровъ, такъ и моихъ посланцевъ!

На другой день, утромъ, его величество приказалъ позвать Кидерлэна и предложилъ ему поѣхать во Фридрихсруэ. Но господину совѣтнику уже успѣли передать вчерашній разговоръ, по поводу этой поѣздки, а такъ какъ Кидерлэнъ вовсе не имѣлъ охоты быть выгнаннымъ Бисмаркомъ; то извинившись онъ отказался ѣхать, ссылаясь на нездоровье. И тогда Вильгельмъ вмѣсто него послалъ графа Мольтке.

Если я разсказала этотъ анекдотъ, то только для того, чтобы показать насколько достоинство людей выбранныхъ Вильгельмомъ въ виду ихъ общественныхъ должностей критикуется въ его же собственномъ придворномъ кругу.

Не мѣшаетъ еще добавить, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ тѣ лица, что пользуются императорской благосклонностью, зачастую не обладаютъ ровно никакими достоинствами.

Не даромъ императрица Фридерика [1]) послѣ того, какъ графъ Вальдерзее покинулъ Берлинъ въ 1894 году, призналась мнѣ, произнося эту фразу:

— Очень жаль, что мой сынъ, окружаетъ себя только посредственностями! Но еще болѣе жаль, что Вильгельмъ

---

[1]) Мать Вильгельма II.

ввѣряетъ этимъ „посредственностямъ“ важныя и отвѣтственныя должности.

Такъ напримѣръ, графъ Филиппъ Эйленбургъ былъ назначенъ посланникомъ въ Вѣну, только потому что онъ умѣлъ въ деталяхъ передавать императору, о всѣхъ сплетняхъ и толкахъ берлинскаго и вѣнскаго дворовъ.

Когда его величество, за обѣдомъ разсказывалъ, какую нибудь забавную исторійку о своихъ придворныхъ, или же нѣкоторыхъ иностранныхъ особахъ, то всѣ уже заранѣе догадывались откуда эти свѣдѣнія—значитъ чемоданъ съ новостями—прибылъ изъ Вѣны!

Одно время, графъ Филиппъ, пользовался такимъ вліяніемъ, что отъ него зависѣло назначеніе и отзывъ посланниковъ. И дѣйствительно, благодаря только его настояніямъ, Г-нъ фонъ Радовицъ былъ отозванъ изъ Константинополя и назначенъ на низшій постъ въ Мадридъ.

Отрѣшеніе отъ должности барона фонъ Штуммъ, вынужденная отставка генерала Шевенутцъ, который долженъ былъ внезапно покинуть службу въ Россіи—все это приписываютъ графу Эйленбургу.

Обыкновенно всѣ эти дипломатическія перетасовки обсуждаются и вырѣшаются на охотѣ, или же, во время, ежегодныхъ, морскихъ прогулокъ его величества по Сѣверному морю.

Въ одно изъ путешествій императора въ Англію, графъ Филиппъ взялъ на себя уже активное наблюденіе надъ дипломатическимъ корпусомъ, и какъ только его величество переступилъ порогъ новаго дворца, онъ передалъ ему списокъ лицъ подозрѣваемыхъ въ симпатіяхъ къ Бисмарку.

— Вашъ двоюродный братъ меня освѣдомляетъ, сообщилъ Вильгельмъ своему новому министру внутреннихъ дѣлъ, Бото Эйленбургу, что Штуммъ и старый канцлеръ такіе друзья, какъ перчатка и рука!

Затѣмъ, немного позднѣе онъ добавилъ:

— Этотъ Штуммъ, вѣроятно, забылъ о рескриптѣ седьмого Іюля [1]) впрочемъ, Кидерлэнъ и Гольштейнъ утверждаютъ, что не онъ единственный!

[1]) Рескриптъ 7 Іюля 1892 года касается отношеній германскихъ и прусскихъ министровъ къ Бисмарку.

Изъ этого разговора, конечно, можно было заключить, что отставка Штумма это только вопросъ нѣсколькихъ дней.

И въ самомъ дѣлѣ, отрѣшеніе его отъ должности незамедлило послѣдовать.

Иногда Вильгельмъ II помѣщаетъ свои привязанности, столь же внезапныя, какъ и странныя, къ людямъ. съ довольно таки сомнительной нравственностью, что можно объяснить только его собственнымъ легкомысліемъ.

Точно также я никогда не замѣчала, чтобы его величество, хотя неоднократно слышала похвалу его семейнымъ добродѣтелямъ, выказывалъ какой нибудь интересъ къ своимъ дѣтямъ, кромѣ развѣ того, какъ они одѣты; тоже самое можно сказать и о его симпатіяхъ—всѣ онѣ носятъ слишкомъ поверхностный характеръ.

Если же императоръ и привязывается къ кому нибудь, то исключительно изъ за его внѣшняго вида.

Вѣроятно, по этому онъ такъ открыто бравируетъ своей дружбой къ эрцгерцогу Оттону австрійскому, второму сыну эрцгерцога Карла Людвига, принцу пользущемуся довольно незавидной репутаціей и чьего восшествія на тронъ, такъ опасаются австро-венгры.

Вильгельмъ II хотѣлъ избавиться отъ своего военнаго министра Бронсара; но несмотря на всѣ попытки и ухищренія его величества — министръ не хотѣлъ подавать въ отставку, а также не соглашался на принятіе новаго военнаго устава, на которомъ такъ настаивалъ императоръ.

Видя упорство Бронсара, онъ поручилъ фонъ Ганке, всегда готоваго исполнить волю своего капризнаго повелителя, провоцировать эту отставку непослушнаго сановника поручая Бронсару провести этотъ самый уставъ черезъ рейхстагъ. Но изъ этого порученія ничего не вышло, такъ какъ онъ категорически отказался его исполнить.

Но тѣмъ не менѣе, въ 1896 году, все же нашли средство низложить упортсвующаго министра.

На этотъ разъ, Бронсару предложили запросить рейхтагъ о выдачѣ фондовъ для укрѣплнія нѣсколькихъ городовъ на

границѣ Россіи, и о разрѣшеніи использовать имѣющіяся въ резервахъ суммы для содержанія постояннаго гарнизона въ казармахъ Новаго дворца. [1]) Какъ и слѣдовало ожидать, Бронсаръ наотрѣзъ отказался взять на себя отвѣтсвенность за эти два предложенія.

Послѣ этого, непріязнь къ нему Вильгельма, еще болѣе усилилась.

Впрочемъ, постараюсь передать въ точности, такъ какъ я знаю объ этомъ, отъ лица внушающаго полное довѣріе и бывшаго свидѣтелемъ послѣднихъ словъ, какими обмѣнялись верховный вождь арміи и его военный министръ.

— Ну, а если я вамъ приказываю, крикнулъ, своимъ резкимъ голосомъ императоръ. Я вамъ приказываю, поддержать проектъ объ укрѣпленіяхъ, а также настоять на учрежденіи постояннаго караула въ моемъ дворцѣ.

— Приказанія, вашего величества, отвѣчалъ министръ меня никогда не заставятъ забыть обѣщанія данного рейхстагу, а именно; противиться всѣмъ вздорнымъ и безполезнымъ требованіямъ.

— А! А! вотъ какъ, воскликнулъ Вильгельмъ страшно поблѣднѣвъ вы такъ это понимаете? Развѣ можно допустить, что бы военной министеръ имѣлъ подобныя сужденія и такъ неуважительно относился, къ своему императору? Такъ знайте же, милостивый государь, что вы мнѣ не подходите!

Вмѣсто отвѣта Бронсаръ поклонился и смотря прямо въ глаза Вильгельму, сказалъ ему:

— Мнѣ здѣсь больше нечего дѣлать, ваше величество Я увѣренъ, что рано или поздно мой императоръ признаетъ, что я только исполнялъ свой долгъ.

Мой портфель, прибавилъ Бронсаръ повертывась къ фонъ Ганке—къ услугамъ вашего превосходительства!

XIV.

По примѣру своихъ предковъ, Вильгельмъ II любитъ напрашиваться въ гости къ своимъ подданнымъ.

---

[1]) Суммы ассигнованныя на караулъ въ новомъ дворцѣ недостаточны для содержанія цѣлаго батальона—ихъ хватаетъ всего на 6 мѣсяцевъ.

Большею частью эти дорого стоющія посѣщенія случаются во время охотничьяго сезона.—Тогда его величество перебываетъ почти во всѣхъ замкахъ Германіи.

Обыкновенно, о пріѣздѣ, императора, въ „этотъ“ или „тотъ“ день, извѣщаетъ письменно—гофмаршалъ двора.

Вотъ приблизительно ежегодная охотничья программа его величества: вначалѣ года, когда, открывается при дворѣ бальный сезонъ, Вильгельмъ II обычно охотится на фазана, зайца и дикую козу въ окрестностяхъ Берлина и Потсдама.

Въ апрѣлѣ, его величество стрѣляетъ бекасовъ въ компаніи великаго герцога Саксонскаго и Баденскаго, а затѣмъ отправляется во владѣнія Гессе принадлежащія графу Шлитцъ, которыя изобилуютъ, этой дичью. А послѣ открытія охоты на оленей въ Шорфейдъ, императоръ начинаетъ свои регулярныя визиты: въ Плессъ, въ Виршовитцъ, къ графу Гохбергъ, въ Либенбергъ къ Филиппу Эйленбургу и къ другимъ своимъ приближеннымъ. Среди всѣхъ этихъ господъ, которымъ Вильгельмъ оказываетъ честь своимъ посѣщеніемъ, только двое принадлежатъ къ его интимному кружку, а именно: графъ Дона, чей веселый и оживленный характеръ нравится его величеству, и конечно, графъ Эйленбургъ, чьи льстивыя рѣчи такъ восхищаютъ Вильгельма.

Кромѣ того, въ числѣ его другихъ фаворитовъ, можно назвать еше камергера фонъ Гуельзонъ и Кидерлэна. Такъ мало по малу эти два человѣка стали необходимы императору; они, какъ бы составляютъ принадлежность его багажа, когда онъ ѣдетъ на охоту, или вообще куда-нибудь въ другое мѣсто—положительно ихъ отсутствіе раздражаетъ его величество, также, какъ еслибы забыли положить одну изъ необходимыхъ принадлежностей его туалета.

— Царедворцы, мнѣ также необходимы, сказалъ однажды Вильгельмъ, какъ платье, которые я ношу! Всѣ они имѣютъ опредѣленное мѣсто въ моемъ антуражѣ.

Подобные господа, какъ Эйленбургъ и Кидерлэнъ—это „хлѣбъ и масло“ для забавнаго препровожденія времени.

Очень рѣдко его величество, остается болѣе двухъ дней, въ какомъ нибудь гостепріимномъ замкѣ; но тѣмъ не менѣе

его пріѣздъ часто обходится радушному хозяину до пяти десяти тысячъ марокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, большинство замковъ прусской аристократіи мало комфортабельны и лишены совершенно всякаго гигіеническаго устройства. По этому случаю, чтобы принять Вильгельма, иногда бываетъ нужно заново передѣлать нѣкоторыя комнаты и провести въ нихъ воду; что, конечно, составляетъ значительный расходъ.

Когда его величество выражаетъ желаніе посѣтить владѣніе „такого то"—тогда гофмаршалу двора вмѣняется въ обязанность немедленно препроводить владѣльцу—реэстръ съ обозначеніемъ вещей необходимыхъ императору: комната должна быть приблизительно такого же размѣра какую онъ занимаетъ у себѣ во дворцѣ, кровать англійской мѣди, съ волосянымъ матрацемъ, громадный туалетный столъ, большое количество занавѣсокъ, множество портьеръ па окнахъ и дверяхъ, а главное просторная уборная, снабженная tub'омъ.

Вотъ что по поводу этихъ „tub'овъ" разсказалъ мнѣ однажды графъ Эйленбургъ „всѣ наши старые аристократы возмущаются этимъ новшествомъ, которое такъ нарушаетъ гармонію комнатъ, старинныхъ замковъ, стоявшихъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ въ неприкосновенности.

„А въ какой то прусской провинціи, одинъ изъ мѣстныхъ бароновъ насмѣшилъ меня слѣдующей фразой: я никогда бы не осмѣлился предложить ванну императору, потому что это бы носило намекъ на то что мой монархъ —нечистоплотный человѣкъ"!

Вильгельмъ II всегда совершаетъ свои обычныя нашествія въ сопровожденіе свиты человѣкъ въ двадцать и столькихъ же слугъ. Всѣ эти лица должны быть размѣщены, накормлены и устроены, каждый соотвѣтственно своему положенію и привычкамъ, что бываетъ пе всегда легко исполнить.

Интересно знать, какъ его величество благодаритъ своихъ радушныхъ хозяевъ за оказанное ему широкое и дорого стоющее гостепріимство?—Въ томъ случаѣ, если опъ въ хорошемъ расположеніи духа, если охота была удачна, погода

благопріятствовала, а его „tub“ былъ комфортабельно устроенъ, и наконецъ, если кухня стояла на должной высотѣ— то тогда императоръ, прощаясь съ хозяйкой дома скажетъ слѣдующее:

— Дорогая, хозяюшка, будьте увѣрены, что я былъ очень доволенъ вашимъ радушіемъ; но въ особенности, что доставляло мнѣ удовольствіе—это то что вы не сдѣлали для меня никакихъ лишнихъ расходовъ и приняли меня совсѣмъ запросто!

Но бываетъ и наоборотъ: если охота не удалась, тогда Вильгельмъ моментально приказываетъ подать автомобиль и сейчасъ же покидаетъ гостепріимный замокъ — и это случается довольно часто.

Теперь разскажу одинъ изъ подобныхъ инциндентовъ, очень типичный, который показываетъ съ какимъ увлеченіемъ, подчасъ даже трагическимъ императоръ относился къ охотничьимъ удовольствіямъ.

Во время одной охоты бывшей въ Нейгаттерслебенъ въ 1895 году, въ числѣ приглашенныхъ, присутствовалъ генералъ графъ Лендорфъ—состоявшій когда-то адъютантомъ при императорѣ Вильгельмѣ I—пользующійся репутаціей одного изъ самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ лицъ королевской фамиліи.

Пока продолжалась охота, старикъ генералъ не отходилъ отъ его величества, что видимо ему не нравилось. Когда же сдѣлали подсчетъ убитой дичи, то оказалось, что императоръ убилъ двѣсти десять штукъ, а графъ Лендорфъ всего сорокъ.

— Двѣсти десять и сорокъ—это составляетъ ровно четвертую часть тысячи; для сегодняшнаго неудачнаго дня— это кругленькій счетецъ, сказалъ Вильгельмъ тономъ злой насмѣшки и затѣмъ добавилъ:

— Да будетъ стыдно тому наглецу, кто осмѣлился стрѣлять на разстояніи моего выстрѣла!

Услыхавъ эти обидныя слова императора, графъ Лендорфъ вспыхнулъ, но сдержался и отвѣтилъ съ достоинствомъ:

— Тотъ кто вручилъ Вильгельму I знаменитую петицію

дѣлающую его императоромъ Германіи;[1]) — недостоинъ такого оскорбленія. Впрочемъ, я не стану ссориться съ вашимъ величествомъ, съ дѣдомъ котораго я сражался въ трехъ побѣдоносныхъ битвахъ, а также присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ.

Затѣмъ, холодный поклонъ, нѣсколько словъ извиненія хозяину замка Г-ну фонъ-Альвенслебенъ и старый генералъ удалился.

Но если Вильгельмъ II и бываетъ часто угрюмымъ и сумасброднымъ, то все же иногда, онъ можетъ показаться очаровательнымъ собесѣдникомъ. Такъ, напримѣръ, во время удачной охоты, онъ полонъ оживленія и неистощимъ въ разговорахъ съ каждымъ изъ своихъ приближенныхъ. Вечеромъ, чтобы оживить общество, его величество охотно поетъ, или же играетъ на билліардѣ. А также съ большимъ удовольствіемъ принимаетъ участіе въ партіи „покера"; но съ условіемъ, чтобы ставка не была больше одного пфеннига.

Въ провинціи Барби въ имѣніи „Амтсратъ", принадлежащемъ совѣтнику юстиціи, фонъ-Діетцъ, куда императоръ ѣздитъ ежегодно.—и гдѣ онъ всего охотнѣе произноситъ свои коротенькіе „спичи", относительно счастья домашняго очага, скромныхъ и экономныхъ хозяекъ" и т. п. Но, несмотря, на эти милыя поученія августѣйшаго гостя, его визиты съ каждымъ разомъ, обходятся все дороже и дороже, радушному хозяину.

Послѣ обѣда, въ замкѣ, „Амтсратъ", Вильгельмъ II всегда бываетъ въ хорошемъ настроеніи, такъ какъ кормятъ его тамъ на славу.—

Онъ приказываетъ принести свой портфель съ фотографическими карточками; на каждой изъ нихъ, его величество ставитъ число, свою подпись и пишетъ нѣсколько

[1]) 18 Декабря 1870 года въ Версалѣ графъ Лендорфъ вручилъ Вильгельму I петицію рейхстага призывающую его принять императорскую корону.

словъ на память. Затѣмъ, онъ раздаетъ эти фотографіи присутствующимъ гостямъ.

На всѣхъ охотничьихъ обѣдахъ въ Барби—главной приманкой служитъ жареная индѣйка. По этому поводу, г-жа фонъ Діетцъ не боится даже сказать:

— Еслибъ, когда-нибудь императоръ вернулся съ пустымъ ягдташемъ и разумѣется, очень раздосадованный своей неудачей, то я моментально могла-бы привести его величество, опять въ хорошее настроеніе только упомянувъ одно слово: „Vaterbraten“ [1])!

Предположенія г-жи фонъ Діетцъ навѣрно бы оправдались такъ какъ всѣмъ извѣстно, до какой степени, Вильгельмъ обожаетъ—„дичь янки“ такъ онъ называетъ это кушанье.

Во время одного изъ подобныхъ обѣдовъ со знаменитой „индѣйкой“—императоръ обратился къ своему гофмаршалу—сидящему по другую сторону стола:

— Послушайте, Эглофштейнъ, что нужно сдѣлать, чтобы я у себя дома могъ ѣсть такую же чудную „индѣйку“ какъ эта!

При этихъ словахъ, его величества, гофмаршалъ всталъ со своего мѣста и отвѣсивъ поклонъ хозяйкѣ замка, помѣщавшейся по правую руку императора, объявилъ во всеуслышаніе:

Для этого только нужно, чтобы индѣйки вашего величества, были такъ-же выхожены и выкормлены, какъ тѣ, что у г-жи фонъ-Діецъ.

Всѣхъ очень разсмѣшила эта шутка и Вильгельмъ весело добавилъ:

— Но, вѣдь я же не могу просить нашу радушную хозяйку взять на себя заботу о моемъ птичникѣ?

— Въ такомъ случаѣ, возразила любезно г-жа Діетцъ, можетъ быть, его величество мнѣ разрѣшитъ прислать индѣйку къ празднику Новаго Года.

Предложеніе было принято. И по возвращеніи въ Берлинъ, императоръ всѣхъ насъ оповѣстилъ о вкусномъ кушаньи,

---

[1]) Жареная индѣйка.

которымъ насъ собираются угостить наканунѣ Новаго Года.

Увы! прибывшая съ такой помпой „индѣйка" разочаровала всѣхъ насъ—она была немногимъ лучше тѣхъ, что подавали во дворцѣ: почти такая-же твердая и сухая.

Вильгельмъ былъ этимъ очень разсерженъ и повернувшись къ метръ д'отелю, приказалъ ему сходить на кухню и передать главному повару, что: „его величество очень недоволенъ"! Затѣмъ, въ продолженіе цѣлаго обѣда императоръ выражалъ свое негодованіе относительно мужской прислуги, говоря, что въ тѣхъ домахъ, гдѣ кухней завѣдуютъ женщины— онъ всегда ѣстъ вкуснѣе и лучше нежели у себя во дворцѣ!

— Если только мой поваръ испортитъ мнѣ еще одно изъ моихъ любимыхъ блюдъ, воскликнулъ Вильгельмъ, то тогда я измѣню весь кухонный штатъ и прикажу замѣнить мужчинъ-женщинами!

Въ тотъ же вечеръ гофмаршалъ императорскаго двора г-нъ фонъ Линкеръ, написалъ г-ну совѣтнику юстиціи, сообшивъ ему подробно о неуспѣхѣ постигшемъ знаменитую „индѣйку". Тогда г-жа фонъ Діетцъ сжалившись надъ бѣднымъ Вильгельмомъ—обѣщала ему, что ея слѣдующая посылка будетъ приготовлена, какъ подобаетъ и что навѣрное теперь всѣ во дворцѣ останутся довольны.

Не теряя, золотого времени „милая дама" принялась за работу, и въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль откармливала лучшій экземпляръ своего птичьяго двора.

А, когда индѣйка была упитана елико возможно, тогда ее препроводила въ Берлинъ собственная же кухарка, которой и была поручена великая миссія изжарить ее въ присутствіи ихъ величествъ.

Императоръ, императрица, дѣти и чуть-ли не весь дворъ спустились въ подвальный этажъ, гдѣ помѣщалась кухня, лицезрѣть, какъ будутъ жарить индѣйку.

Въ присутствіи всѣхъ этихъ высокопоставленныхъ особъ, кухарка съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, давала свои объясненія, что и какъ нужно дѣлать, чтобы птица была приготовлена въ пору.

На этотъ разъ, успѣхъ былъ полный.

При первомъ же кускѣ, императоръ пришелъ въ такой восторгъ, что во время обѣда, онъ очаровывалъ всѣхъ своей любезностью.

Но если Вильгельму, когда онъ посѣщаетъ охоту въ качествѣ гостя бываетъ трудно угодить—то напротивъ того, когда ихъ величества принимаютъ у себя, въ загородныхъ замкахъ, или въ охотничьихъ павильонахъ, то тогда эти, „пріемы“ отличаются простотой, я бы даже сказала, что „простотой“ доведенной до крайности. Напримѣръ, завтраки совсѣмъ отмѣнены; такъ что подается только утренній кофе, пяти-часовой чай и обѣдъ. Жаркое изъ дичи упраздняется и замѣняется котлетами и бифштексомъ; а какъ напитокъ употребляютъ пиво. Вмѣсто шампанскаго угощаютъ пуншемъ. Такъ что часто „императорскіе“ гости пріѣзжая въ городъ прежде всего устремляются въ какой-нибудь ближайшій ресторанъ. При видѣ ихъ, прохожіе, которые конечно, сразу узнаютъ мундиры королевской охоты, говорятъ между собою.

— Видно, что эти господа возвращаются съ придворнаго обѣда—потому и не удивительно, что они такъ голодны! –

XV.

Бьетъ полдень въ Новомъ дворцѣ.

Около сорока женщинъ молодыхъ и старыхъ устроились возлѣ лѣстницы и собираются завтракать.

Большинство изъ нихъ ѣдятъ черный хлѣбъ съ саломъ и запиваютъ эту неприхотливую пищу жидкой бурдой изъ цикорія, которая называется кофе; впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ еще по кусочку солонины и то эта милость зависитъ отъ сердоболія дворцовой прислуги. Эти женщины обязаны круглый годъ ходить въ ситцевыхъ платьяхъ, и только зимой имъ разрѣшаютъ прикрывать свои плечи маленькой шалью.

И вотъ, эти то несчастныя созданія носятъ тоже громкое названіе императорскихъ слугъ, т. е. тоже самое, что и элегантныя горничныя, швейцары въ золотыхъ галунахъ и лакеи въ красивыхъ ливреяхъ! Единственная существующая между

ними разница, это то, что послѣдніе законтрактованы на годъ, а первыя берутся по мѣсячно, пока дворъ имѣетъ пребываніе въ Потсдамѣ.

Большею частью всѣ они приходятъ изъ самого Потсдама или окрестныхъ деревень и работаютъ въ замкѣ съ шести часовъ утра до шести вечера. Они приставлены къ уборкѣ комнатъ въ помѣщеніяхъ отведенныхъ для адъютантовъ и придворныхъ дамъ, а также на нихъ возложена и вся грубая работа, какъ то: приносить воду, дрова и т. п. И за весь этотъ тяжелый трудъ, отъ двѣнадцати до четырнадцати часовъ получаютъ по двѣ или по три марки въ день. Какъ это допустимо, чтобы имѣя шестнадцать милліоновъ марокъ на содержаніе Германскаго Двора, можно было такъ скряжничать? Впрочемъ, изъ этихъ шестнадцати милліоновъ, Вильгельмъ II долженъ выдѣлять ежегодно пяти прусскимъ принцамъ каждому изъ нихъ сумму въ шестьсотъ тысячъ марокъ, Такимъ образомъ, ему остается на его собственные расходы, приблизительно тринадцать милліоновъ, да сверхъ того сто пятьдесятъ тысячъ марокъ ежегоднаго дохода съ личнаго капитала его величества; изъ котораго онъ и оплачиваетъ свои мундиры, свои приватныя поѣздки и свои удовольствія. Цивильный же листъ императора, покрываетъ траты на представительство, издержки по дому, содержаніе королевскихъ дворцовъ, театровъ и парковъ.

Вильгельмъ I съ гораздо меньшими средствами отпускаемыми ему государствомъ, собралъ громадный капиталъ, несмотря на то что имѣлъ еще отдѣльный Дворъ отъ императрицы, и вопреки привычкамъ прусскихъ принцевъ, отличался большой щедростью къ женщинамъ, которыхъ онъ удостаивалъ своей благосклонностью.

За то теперешній императоръ далекъ отъ обогащенія, и съ каждымъ годомъ увеличиваетъ дефецитъ своего бюджета.

Всѣми доходами цивильнаго листа завѣдуютъ два гофмаршала, а потому всѣ особы королевскаго дома находятся въ ихъ полной зависимости. И я могу только прибавить отъ себя, что самая манера управленія этихъ двухъ могущественныхъ сановниковъ часто дескредитируетъ доброе имя императора по отношенію къ берлинскимъ коммерсантамъ, имѣю-

щимъ непосредственное общеніе съ дворомъ, какъ доказательство этому привожу слѣдующій случай: спустя нѣкоторое время послѣ восшествія на тронъ Вильгельма II, моя августѣйшая хозяйка приказала мнѣ купить для принца Оскара, маленькую кроватку съ полнымъ гарнитуромъ. Мнѣ посчастливилось найти въ магазинѣ Моссе, именно то что хотѣлось ея величеству; и моя повелительница была въ восторгѣ отъ покупки.

— Что бы не вышло, какого нибудь недоразумѣнія, сказала она,—отнесите скорѣе счетъ г-ну фонъ Линкеръ и попросите его немедленно заплатить по нему.

Я поторопилась исполнить порученіе; но каково же было мое удивленіе, когда баронъ—узнавъ въ чемъ дѣло, отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— А съ какихъ это поръ фрейлины получили разрѣшеніе производить покупки. Вѣдь, кажется, до сихъ поръ наша дворцовая контора объ этомъ не была запрошена?

— Это меня не касается, и я вовсе пришла не затѣмъ, что бы выслушивать ваши замѣчанія.

– Ну такъ, позвольте мнѣ все-таки замѣтить вамъ, продолжалъ баронъ, что счетъ, который вы мнѣ принесли, неправиленъ, чрезмѣренъ и что онъ не будетъ уплоченъ. Ъаbу [1]) можетъ еще мѣсяцевъ шесть, прекрасно спать въ своей колыбелькѣ. А къ тому времени, мы ему купимъ кроватъ.

— Значитъ, вы желаете, отвѣчала я, чтобы маленькаго принца вынули изъ новой кроватки и положили обратно въ колыбель?

— Это ему не принесетъ вреда, добавилъ гофмаршалъ, а за то меня устроитъ вполнѣ!

А вотъ слѣдующій инцинидентъ будетъ еще получше:

Однажды императрица вздумала осмотрѣть свои шкафы съ бѣльемъ, вдругъ ея величество замѣтила, что бѣлье было разложено, прямо на не прикрытыя полки—тогда она спросила фрейлинъ Кубонъ, что это значитъ:

[1]) Бэби— маленькій ребенокъ.

— Прошу извиненія у вашего величества, сказала кастелянша, я уже давно, и неоднократно спрашиваю бумагу для шкафовъ; на это графъ Пукклеръ постоянно отвѣчаетъ мнѣ однимъ и тѣмъ же, что онъ не имѣетъ кредита на использованіе такой роскоши.

— Такой роскоши! воскликнула императрица неужели ужъ это такая роскошь—положить бумагу въ мои шкафы!

Затѣмъ, повернувшись въ сторону баронесы фонъ Ларишъ главной надзирательницы дворцоваго хозяйства — она сказала ей:

— Будьте любезны, достать немедленно нужную бумагу. Если же гофмаршалъ двора снова начнетъ свои возраженія, тогда предупредите меня.

Баронесса фонъ Ларошъ, уполномоченная императорскимъ приказаніемъ, купила на нѣсколько марокъ синей бумаги и послала ее фрейлинъ Кубонъ. Но эта послѣдняя, отдала бумагу обратно, передавъ черезъ посланнаго слугу, что она опасается принять ее, такъ какъ на бумагѣ не поставленъ, штемпель гофмаршала двора.

— Это ничего не значитъ, сказала баронесса слугѣ, отнесите бумагу обратно и скажите кастеляншѣ, чтобы она немедленно разложила ее по шкафамъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ сама фрейлинъ Кубонъ, собственной своей персоной явилась къ баронессѣ фонъ Ларошъ.

— Я васъ умоляю, баронесса, воскликнула она, не губите меня, вѣдь если только гофмейстеръ узнаетъ, что я вмѣшалась въ эту исторію, то моментально лишитъ меня мѣста.

Но баронесса, какъ женщина упорнаго характера не подумала сдаться:

— Проводите меня, проговорила она; я сама положу бумагу на полки, а вы въ это время напишите донесеніе гофмаршалу двора, о томъ, что я совершила. Такимъ образомъ, онъ будетъ знать, что я поступила такъ, несмотря, на ваши протесты.

Письмо было написано и отправлено. Оно произвело сенсацію и возбудило корреспонденцію единственную въ своемъ родѣ, изъ которой я и выписываю точныя выдержки:

Его Превосходительство Гофмейстеръ двора Г-жѣ Баронессѣ фонъ Ларишъ, отъ дворцоваго вѣдомства:

„Имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія, что вы изволили перевысить данныя вамъ полномочія, и по сему случаю подлежите отвѣтственности за произведенный вами расходъ“.

Баронесса Гофмейстеру двора:

„Ничего подобнаго. Я поступила согласно приказаніямъ Ея Величества, что вы и можете узнать лично отъ моей Августѣйшей хозяйки“.

Гофмейстеръ двора—Гофмаршалу:

„Вы обязаны уплатить этотъ счетъ, въ размѣрѣ двухъ марокъ и пятидесяти пфенниговъ, такъ какъ, бумага куплена по приказанію Ея Величества“.

Гофмаршалъ кастеляншѣ фрейленъ Кубонъ:

„Этотъ счетъ долженъ быть оплаченъ изъ суммъ поступающихъ въ ваше вѣдѣніе, когда вы будете располагать таковыми“.

Кастелянша фрейленъ Кубонъ—Гофмаршалу:

„Къ моему глубочайшему сожалѣнію я въ данный моментъ не располагаю ни однимъ пфеннигомъ. Требованіе на бѣлье все увеличивается, такъ что въ послѣднюю стирку пришлось сдать на одну дюжину простынь больше, чѣмъ въ предъидущую“!

Гофмаршалъ барону фонъ Мирбахъ, Оберъ-Гофмейстеру двора Ея Величества Императрицы:

«Прикажете ли оплатить прилагаемый счетъ, провѣренный Ея Величествомъ, нашему дворцовому управленію? Мы не можемъ принимать на себя такіе сверхъ-расходы»!

Баронъ фонъ Мирбахъ, барону фонъ Линкеръ, (конфиденціально):

„Вы меня просите создать опасный конфликтъ, мой дорогой—благодарю за такое предложеніе“!

Гофмаршалъ двора совѣтнику Мейсснеръ Завѣдующему личными средствами Его Величества.

„Ни въ одномъ изъ дворцовыхъ вѣдомствъ, не имѣется нужной суммы для оплаты этого счета. Соблаговолите довести до свѣдѣнія Его Величества Императора, испросивъ Его Высочайшаго соизволенія на покрытіе онаго расхода, такъ какъ Ея Величество Императрица Сама милостиво разрѣшила эту покупку“.

Резюмэ всего этого: восемь листовъ бумаги, разукрашенной гербами, всевозможными штемпелями и печатями—написанныхъ оффиціальнымъ стилемъ важныхъ сановниковъ и это для того, чтобы въ концѣ концовъ все же уплатить счетъ въ двѣ съ половиной марки!!!

Сколько мнѣ извѣстно подобная мелочность и бережливость, часто практикуется и самимъ императоромъ. Разсказываютъ напримѣръ, по этому поводу—такой фактъ:

Однажды Вильгельмъ II желая поддразнить свою тещу-герцогиню Шлезвигъ-Гольштинскую, во время, одного представленія въ королевской оперѣ, вздумалъ давать ей нѣкоторыя, пикантныя подробности на счетъ роскошныхъ формъ пѣвицы, участвующей въ этомъ спектаклѣ, съ которой онъ поддерживалъ близкія отношенія.

Но старую герцогиню не удалось смутить, недаромъ за ней установилась репутація; „что ея высочество за словомъ въ карманъ не полѣзетъ“, конечно, и тутъ она не смолчала:

— Ахъ, вотъ оно что—эта прелестная M-lle X... полнѣетъ—тѣмъ лучше! Во всякомъ случаѣ, только не отъ вашихъ щедротъ, такъ какъ она мнѣ призналась, что отъ Вашего величества. никогда не имѣла ни одного пфеннига!

— Но, возразилъ на это императоръ, M-lle X... съ нѣкоторыхъ поръ получаетъ свое жалованье въ увеличенномъ размѣрѣ.

Затѣмъ, Вильгельмъ круто оборвалъ разговоръ.

Быть любовницей императора и не имѣютъ другихъ преимуществъ отъ этой связи, кромѣ, прибавки къ своему окладу!

Да, дѣйствительно, это большая „щедрость“ нечего сказать!

Между послѣдними жертвами скупости прусскаго двора, надо еще отмѣтить, знаменитую, итальянскую примадонну синьору Камиллу Ланди.

Въ теченіе зимняго сезона 1901 года, синьора Ланди дала нѣсколько концертовъ въ Берлинской „филармоніи“, имѣвшихъ громадный успѣхъ. Однажды, во время, небольшого перерыва, между номерами программы, явился баронъ фонъ Кнесбекъ и отъ имени императора, объявилъ ей что „его величество“ очень желаетъ ее слышать.

— Сегодня у насъ во дворцѣ маленькій, музыкальный вечеръ, прибавилъ баронъ, ихъ величества будутъ очень рады, если послѣ вашего концерта, вы пріѣдете восхитить ихъ своимъ пѣніемъ.

Хотя синьора Ланди и была очень польщена такимъ милостивымъ приглашеніемъ, но тѣмъ не менѣе извинилась, что не можетъ пріѣхать, ссылаясь на свою усталость и волненіе.

— Но это немыслимо, чтобы вы отказались, воскликнулъ императорскій посланецъ. Необходимо, чтобы вы были!. Вѣдь я передаю приказаніе самого императора!.

При этихъ словахъ, баронъ откланялся, по всѣмъ правиламъ искусства, какъ того требуется отъ прусскаго юнкера, исполняющаго повелѣніе своего императора.

Тогда синьора Ланди посовѣтовавшись со своими нѣмецкими друзьями, рѣшилась принять императорское приглашеніе, для этого она ускорила свой концертъ, и сейчасъ же послѣ его окончанія, сѣвъ въ дожидавшійся ее около подъѣзда, придворный экипажъ, отправилась во дворецъ.

Едва примадонна успѣла войти въ залъ, какъ ее представили императору и императрицѣ, видимо съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ ея пріѣзда. Не давъ пѣвицѣ ни минуты времени, чтобы хотя немного оправиться, ихъ величества заставили ее пѣть, безъ конца пѣть, безъ устали! Ланди покорилась этому безропотно; хотя несчастная женщина чувствовала себя совсѣмъ измученной такъ какъ она ничего не ѣла въ продолженіе цѣлыхъ десяти часовъ; имѣя привычку обѣдать въ тотъ день, когда она поетъ только вечеромъ, послѣ концерта.

Прослушавъ всѣ лучшія „morceaux“ [1]) ея обширнаго репертуара и удостоивъ пѣвицу, нѣсколькими словами, банальной любезности—императорская чета удалилась въ свои аппартаменты. Послѣ ухода ихъ величествъ, придворный лакей подалъ примадоннѣ чашку тепловатаго чая и нѣсколько сухихъ пирожныхъ.

Передъ своимъ пріѣздомъ въ Берлинъ Синьора Ланди

[1]) Отрывки.

пѣла въ Вѣнѣ въ присутствіи престарѣлаго императора Франца-Іосифа и многихъ австрійскихъ эрцгерцоговъ и эрцгерцогинь. За свое участье знаменитая пѣвица удостоилась получить билетъ въ тысячу кронъ и бриллiантовую брошь. Разумѣется Ланди думала, что германскій дворъ поступитъ такъ же. Но дни проходили, а къ ней никто не обращался и ничего ей не присылали.

Закончивъ свой берлинскій ангажементъ примадонна уѣхала въ Парижъ откуда она и написала оберъ гофмаршалу германскаго двора, прося „его превосходительство“ не забыть ея участія въ дворцевомъ концертѣ. прибавивъ при этомъ, что гонораръ, который она обыкновенно получаетъ, когда поетъ въ салонахъ—равняется тысячи франковъ.

Ровно черезъ три дня, пѣвицѣ былъ присланъ чекъ на пятьсотъ марокъ, сопровождаемый слѣдующимъ письмомъ:

„Оберъ-гофмаршалъ двора имѣетъ честь извѣстить Синьору Ланди, что берлинскій дворъ никогда не платитъ артистамъ, которыхъ ихъ величества удоистаиваютъ приглашеніемъ на свои музыкальные вечера; впрочемъ, если Синьора Ланди, такъ настаиваетъ, то это высокое возпагражденіе въ пятьсотъ марокъ будетъ ей присуждено.

Кромѣ того, мой повелитель король Пруссіи приказываетъ мнѣ сказать вамъ, что ваше присутствіе нежелательно въ предѣлахъ государства его величества“.

XVI.

Зимою 1894 года императорская фамилія, а также многіе изъ придворныхъ и близкихъ къ нимъ лицъ, были буквально засыпаны анонимными письмами; въ самомъ разгарѣ этого скандальнаго періода получилось анонимное письмо, адресованное ея величеству императрицѣ, которое поразило всѣхъ насъ грубостью и неприличіемъ своего содержанія — оно начиналось такъ:

„Madame, знаете ли вы, какая разница существовала между вами и Маріей Лещинской?

Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что дѣти этой несчастной королевы умирали, въ то время какъ „батарды“ Людовика XV наслаждались цвѣтущимъ здоровьемъ.

„Что же касается Васъ, то судьба была къ вамъ милостива и рѣшила иначе, а именно: незаконный ребенокъ императора—вашего супруга умеръ, тогда какъ ваши дѣти чувствуютъ себя прекрасно.

„Не безъинтересно знать, происходитъ ли это отъ той же причины, какую высказывалъ докторъ его величества короля франціи, т. е. что королева имѣла только одни ополоски стакана!“

Ребенокъ—дѣвочка, о которой упоминалось въ письмѣ—умерла двѣнадцати лѣтъ. Ея мать красавица вѣнка, фрейленъ Каролина Зейффертъ, была въ числѣ тѣхъ красивыхъ женщинъ, что группировались вокругъ наслѣднаго принца—Рудольфа.

Именно, какъ разъ въ моментъ этой связи съ Каролиной Зейффертъ—Вильгельмъ II состоялъ неразлучнымъ спутникомъ, и товарищемъ всѣхъ похожденій австрійскаго эрцгерцога.

Между обоими наслѣдниками двухъ могущественныхъ имперій—царила самая сердечная дружба.

Когда телеграмма фрейленъ Зейффертъ, извѣщавшая о рожденіи ребенка, получилась въ Берлинѣ, то Вильгельмъ видимо былъ этимъ очень разстроенъ и раздраженъ.

Впрочемъ, и Каролина Зейффертъ не собиралась играть въ чувство! Ей не мечталось, подобно Маріи Вечера́—корона, какъ плата за ея добродѣтель!

Напротивъ того, она оказалась страшно практичной и попробовала извлечь отъ своего высокопоставленнаго любовника, крупную денежную помощь. Даже свою телеграмму въ Берлинъ. Каролина послала съ цѣлью напомнить о себѣ. А затѣмъ второй попыткой фрейлинъ Зейффертъ былъ ея визитъ въ германское посольство въ Вѣнѣ, чтобы навести справки, въ виду ея прошенія на высочайшее имя, объ оказаніи ей пособія въ размѣрѣ ста тысячъ флориновъ.

По поводу этихъ „требованій“ фрейлинъ Зейффертъ, взволновавшихъ даже вѣнскій и берлинскій дворы—воз-

никла экстренная переписка между принцемъ Рейссъ, тогдашнимъ германскимъ посломъ въ Вѣнѣ и графомъ Гербертъ Бисмаркомъ.

„Я вѣдь не Евгеній Богарнэ, писалъ посланникъ а также не Талейранъ, у котораго былъ цѣлый гаремъ любовницъ. Посовѣтуйте, что надо дѣлать?“.

На это посланіе графъ Бисмаркъ, бывшій въ то время, большимъ другомъ Вильгельма, а также и принца Рейссъ— посовѣтовалъ этому послѣднему лично заняться этимъ дѣломъ.

Его совѣтъ былъ принятъ.

Если вѣрить дипломатической корреспонденціи, то всю эту исторію не такъ то было легко уладить. И между представителемъ Германской Имперіи, и фрейленъ Зейффертъ, происходили разговоры, далеко не лишенные извѣстной остроты положенія, какъ напримѣръ слѣдующій, что я привожу здѣсь дословно:

— Сто тысячъ флориновъ, заявила фрейленъ Зейффертъ.

— Да, что вы, помилуйте, возразилъ ей посланникъ, вѣдь принцъ Вильгельмъ вамъ столько же долженъ, какъ и сотни другихъ. Его высочество говоритъ, что ребенокъ настоящій арлекинъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, ваша свѣтлость, спросила молодая мать.

— Я хочу сказать, только то, что уже сказалъ, а именно; ребенокъ не его. Онъ составленъ изъ слишкомъ многихъ кусочковъ.

— Ахъ вотъ оно что воскликнула Каролина, быстро раскрывая „baby“ мирно спавшаго въ своей колыбелькѣ и показывая его лѣвую ручку.

Послѣ этого—принцъ Рейссъ не прибавилъ ни слова, видя, что теперь всѣ его аргументы больше не приведутъ ни къ чему.

Маленькая Вильгельмина была вылитый портретъ своего отца, унаслѣдовавъ даже отцовскій недугъ, какъ неопровержимый знакъ своего высокаго происхожденія.

Этотъ ребенокъ считался единственнымъ „незаконнымъ“, существованіе котораго призналъ императоръ. Интересно,

что рожденіе этой дѣвочки, какъ разъ совпало съ появленіемъ на свѣтъ его второго сына принца-ЭйтельФрица.

Связь Вильгельма II съ Каролиной Зейффертъ была извѣстна императору Фридриху, тогда еще бывшему наслѣдникомъ германской имперіи.

Я даже сильно подозрѣваю, что Фридрихъ находилъ большое удовольствіе въ приключеніяхъ своего сына, будучи самъ всю жизнь на помочахъ у своей строгой супруги.

Въ глазахъ этой англійской принцессы—всякая любовная связь считалась синонимомъ преступленія!.

Въ Вѣнѣ императоръ Вильгельмъ II всегда пользовался громаднымъ успѣхомъ среди женщинъ.

Каждый разъ, когда онъ туда пріѣзжалъ—дамы высшаго свѣта, наперерывъ одна передъ другой, положительно осаждали его своими любезностями.

И княгини и графини всѣ буквально были у его ногъ:—онѣ писали ему самыя пламенныя письма; вотъ образчикъ одного изъ нихъ:

„Ваше величество, обладаетъ самыми прекрасными глазами въ цѣломъ мірѣ!. Священный огонь идеализма горитъ въ вашихъ очахъ!...

Удостойте же взглядомъ, покорную рабу вашего императорскаго величества“.

Таковы эти объясненія въ любви, получаемыя императоромъ отъ прекрасныхъ вѣнокъ, и которыя онъ время отъ времени даетъ читать императрицѣ. Судя по этимъ „записочкамъ“ можно легко догадаться о тѣхъ что онъ оставляетъ себѣ и уже, конечно, не показываетъ своей августѣйшей супругѣ.

Вильгельмъ II большой любитель красивыхъ женщинъ, и если теперь берлинскій дворъ славится уродствомъ своихъ дамъ, то въ этомъ вина всецѣло императрицы, такъ какъ Августа-Викторія—это воплощенная ревность!

Въ теченіе, нѣсколькихъ лѣтъ г-жа фонъ X..., считалась главной фавориткой. Я съ намѣреніемъ употребляю это слова „фаворитка“—въ самомъ широкомъ его смыслѣ, потому что не смѣю слишкомъ распространяться на эту рискованную тему.

И такъ, Вильгельмъ II началъ интересоваться г-жей фонъ X.... съ 1882 года, т. е. когда ему уже стала надоѣдать Августа-Викторія, и его величеству захотѣлось общества веселой, интеллигентной и умной женщины.

По крайней мѣрѣ, таково было, мнѣніе графа Гербертъ Бисмарка.

И г-жа фонъ X... какъ разъ олицетворяла собою именно этотъ типъ женщины, способной развлечь и разсѣять скучающаго монарха въ стѣнахъ его дворца.

Всюду, гдѣ только появлялось ея привѣтливое и обоятельное личико, вездѣ, гдѣ показывалась ея очаровательная, чернокудрая головка и сверкали задоромъ ея великолѣпные темные глаза—всюду и вездѣ прелестная г-жа фонъ X.... вносила съ собою оживленіе и заразительную веселость.

Въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ императрица дѣлала сцены своему супругу, по поводу этой интересной женщины, но совершенно безуспѣшно, такъ какъ обояніе г-жи фонъ X.... еще не утратило своей силы и, несмотря, на всѣ старанія и ухищренія Августы-Викторіи ей не удалось свергнуть фаворитку.

Вильгельмъ категорически заявилъ, что она ему нравится и онъ желаетъ, чтобы г-жа фонъ X... присутствовала на всѣхъ пріемахъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и болѣе интимныхъ.

Сколько разъ бывало, его величество самъ велъ ее къ столу, а за ужиномъ, она всегда была среди лицъ приглашенныхъ къ его собственному столу [1]).

Вотъ тутъ то за веселой бесѣдой всѣ невольно отдавали дань ея уму и находчивости.

На балахъ г-жа фонъ X.... выдѣлялась своей элегантностью, а также красотой своихъ роскошныхъ плечъ—дивной формы.

Однажды, во время костюмированнаго бала, въ карнавалъ 1886 года, я была свидѣтельницей слѣдующаго случая:

---

[1]) По существующему обычаю императоръ самъ приглашаетъ къ ужину дамъ, которыхъ онъ желаетъ имѣть за своимъ столомъ; тоже самое примѣняется императрицей, относительно придворныхъ кавалеровъ.

— Ваше королевское высочество, на сегодняшній вечеръ я выбрана жюри: „красивыхъ ногъ“, такъ позвольте присудить вамъ первый призъ!,—сказала г-жа фонъ X., обращаясь къ Вильгельму [1]).

Я бы никогда не повѣрила, чтобы можно было придумать такой предлогъ для разговора, еслибъ не слышала эго собственными ушами. Впрочемъ, должна добавить, что дѣтскій тонъ и невинный взглядъ, которыми сопровождался этотъ комплиментъ, отняли большую долю его развязной безцеремонности.

Вильгельмъ, до этого момента бывши въ сумрачномъ настроеніи, вдругъ прояснился и беря подъ руку, молодую женщину прошелся съ нею по ярко освѣщеннымъ заламъ.

Всѣ взоры невольно устремились на эту интересную парочку:—онъ—въ своемъ гусарскомъ мундирѣ, расшитомъ золотомъ, съ ментикомъ, опушеннымъ мѣхомъ, наброшеннымъ на лѣвое плечо, чтобы скрыть свою бѣдную, больную руку; она вся сіяющая счастьемъ и красотою, видимо гордясь оказаннымъ ей вниманіемъ своего высокопоставленнаго поклонника.

Удаляясь изъ залы принцъ Вильгельмъ попросилъ своихъ адъютантовъ не слѣдовать за нимъ.....

Во время ужина, я находилась за столомъ ея высочества, а рядомъ, за другимъ столикомъ, принца Вильгельма, предсѣдательствовала г-жа X... окруженная цѣлой свитой королевскихъ принцевъ.

Веселье и непринужденность не переставали царить за этимъ столикомъ.

Въ самомъ концѣ ужина ея высочество Августа-Викторія рѣшилась покинуть столовую.

Конечно, супруга Вильгельма прекрасно знала что произошло въ этотъ знаменательный вечеръ, и это сознаніе прибавило еще большую обиду въ сердцѣ несчастной женщины, и придало еще болѣе горечи выраженію ея лица.

И такъ, нужно было десять долгихъ лѣтъ, придворной камарильи, чтобы низвергнуть г-жу фонъ X...

---

[1]) Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Вильгельмъ еще не былъ на тронѣ.

Графиня Z... считалась вторымъ номеромъ, который можно было внести въ списокъ тѣхъ „чаровницъ, что гордились дружбой Вильгельма II.

Но, несмотря, на то что эта молодая женщина даже находилась въ дальнемъ родствѣ съ монархомъ, [1]) онъ совсѣмъ не зналъ ее вплоть до 1892 года, когда во время одной охоты въ княжествѣ Плессъ его величество встрѣтился со своей хорошенькой родственицей.

По возвращеніи съ охоты, онъ не переставалъ говорить и восхищаться своей очаровательной кузиной. Выслушавъ эти восторги своего увлекающаго супруга, Августа-Викторія не преминула спросить его:

— Да о комъ вы говорите? Я не знала, что одна изъ нашихъ родственницъ была приглашена на эту охоту?

— Рѣчь идетъ о графинѣ Z...

— Но, какимъ образомъ, туда попала эта женщина? Вѣдь она же дочь простого егеря, или что-то въ этомъ родѣ"...

Императоръ не обратилъ вниманія на это ядовитое замѣчаніе.

— Эйленбургъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ оберъ-гофмейстеру—я хочу самъ вмѣстѣ съ вами составить списокъ приглашенныхъ лицъ на нынѣшній сезонъ".

Съ этого самаго дня графиня Z... стала при дворѣ „persona grata", безъ этой веселой и обворожительной женщины, положительно не обходилось ни одного праздника. Она ѣздила верхомъ, охотилась, бѣгала на конькахъ вмѣстѣ съ нами, играла въ теннисъ съ императоромъ, а также катаясь съ нимъ вдвоемъ въ экипажѣ, правила сама лошадьми.

За оффиціальными обѣдами, прекрасная графиня всегда помѣщалась, какъ можно ближе къ его величеству. А что касается болѣе интимныхъ ужиновъ, то тогда опираясь на руку своего вѣнценоснаго поклонника она шла къ столу.

Говоря правду, графиня Z... была очень любима при дворѣ. Вопреки, всѣмъ интригамъ и сплетнямъ, направленнымъ противъ нея она не переставала завоевывать вокругъ себя, расположеніе и симпатію.

[1]) Она была побочной дочерью одного изъ его дядей.

Казалось даже страннымъ, какъ до сихъ поръ эта молодая, красивая и обаятельная женщина, не обратила раньше на себя вниманіе императора.

Возможно, что онъ избѣгалъ графиню, зная ея дружескія отношенія, къ своей матери-императрицѣ Фридерикѣ Викторіи.

Одно высокопоставленное лицо, присутствовавшее на этой знаменитой охотѣ, гдѣ Вильгельмъ II встрѣтился въ первый разъ съ графиней Z..., разсказало мнѣ слѣдующее:

Мы всѣ охотники, въ ожиданіи его величества, сгруппировались на дворѣ, готовые по первому его знаку, слѣдовать къ мѣсту охоты.

Единственная женщина, находившаяся среди насъ, невольно привлекла наше вниманіе:—это и была графиня Z...

Она сидѣла, по мужски, на громадной рыжей лошади, одѣтая, по этому случаю, въ широкіе панталоны на русскій манеръ, доходившіе только до колѣнъ; короткій, открытый, бархатный жакетъ, красный жилетъ, зеленый галстухъ и „калабрійскую" шляпу; лакированные же сапоги, которые были короче сзади, чѣмъ спереди, позволяли видѣть ея красивыя ноги, обтянутыя черными, шелковыми чулками.

„Наконецъ, появился императоръ, отвѣчая на громкія привѣтствія собравшагося общества. При видѣ графини, лицо его покраснѣло отъ удовольствія, и какъ только его величество сѣлъ на лошадь, онъ воскликнулъ:

— „Графиня, мнѣ нужно сказать вамъ два слова".

„Я держу пари, продолжалъ мой собесѣдникъ, что графиня Z.... умышленно искала встрѣчи съ Вильгельмомъ, съ цѣлью ему понравиться. Но, такъ какъ женщины, вообще, прекрасныя комедіантки, то и графиня очень искустно разыграла сцену удивленія при видѣ императора. Въ одну минуту молодая женщина очутилась около его величества.

«Очаровательная кузина», долетѣли до насъ его слова, и затѣмъ, пустивъ лошадей въ галопъ „счастливая парочка", скрылась изъ нашихъ глазъ, и въ продолженіе всей охоты, мы лишь на почтительномъ разстояніи слѣдовали за нею.

Разумѣется, Г-жа фонъ X. . . . была непріятно поражена появленіемъ этой новой звѣзды на придворномъ небосклонѣ.

И, съ тѣхъ самыхъ поръ, между двумя фаворитками возникло во всемъ невольное соперничество, хотя Вильгельмъ II ничѣмъ не подавалъ къ нему повода.

Во первыхъ, обѣ молодыя женщины начали состязаться въ элегантности своихъ туалетовъ.

Побѣда склонялась, то въ одну сторону, то въ другую. Я припоминаю, какъ однажды на парадномъ выходѣ въ 1893 году все же графиня Z. . . . превзошла свою соперницу. На ней было надѣто, въ этотъ торжественный день, платье изъ бѣлаго брокара, затканное золотомъ, и отдѣланное соболемъ.

Но, пока обѣ соперницы устраивали другъ передъ другомъ сцены ревности, чуть ли не на глазахъ самой императрицы, въ это время Вильгельмъ II успѣлъ уже увлечься другой прелестной и элегантной женщиной, почти неизвѣстной при дворѣ—это была графиня W. . . . жена одного дипломата причисленнаго къ германскому посольству въ Берлинѣ.

Какъ я уже упоминала графиня W. . . . рѣдко появлялась при дворѣ—исключительно только на большихъ оффиціальныхъ пріемахъ; но за то часто ея красивая внѣшность и дивные туалеты украшали собою бенуаръ ложи королевсвой оперы.

Вѣсть о новомъ увлеченіи императора съ быстротою молніи облетѣла всѣ придворныя сферы и моментально графиня W. . . . сдѣлалась очень популярной въ берлинскомъ обществѣ. Каждый считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ восхвалять величественныя манеры и походку этой красивой женщины, а также ея прекрасную головку съ классически правильными чертами лица; ея глубокіе черные глаза, ея идеальной формы плечи и руки, достойныя рѣзца скульптора.

Близкія отношенія Вильгельма II съ графиней W. . . . длились болѣе четырехъ лѣтъ, и только ея неожиданный отъѣздъ нарушилъ эту идиллію.

Привязанность императора къ молодой женщинѣ была настолько сильна, что изъ за нея онъ порвалъ свою связь съ г-жей фонъ X. . . . а также освободился отъ „родственныхъ“ узъ, соединявшихъ его съ графиней Z. . . .

Весь нашъ придворный штатъ, находился въ Потсдамѣ, когда императрица получила извѣстіе, что молодой дипломатъ графъ W былъ внезапно отозванъ своимъ правительствомъ.

— Хотѣла бы я знать воскликнула ея величество, обращаясь ко мнѣ, что на это скажетъ императоръ? Пошлите посмотрѣть не въ пріемной ли онъ? И при этихъ словахъ, краска залила ея лицо.

Бѣдная императрица! Вы были лишены удовольствія присутствовать при первыхъ вспышкахъ гнѣва вашего августѣйшаго супруга, когда онъ узналъ, что его разлучаютъ съ любимой женщиной!

Услышавъ о совершившемся фактѣ Вильгельмъ II немедленно уѣхалъ въ Берлинъ, и сейчасъ же отправился къ посланнику непосредственному начальнику молодого дипломата, потребовавъ у него объясненіе всего происшедшаго, на это тотъ ему отвѣтилъ, что къ его величайшему сожалѣнію, онъ не можетъ исполнить желаніе его величества, т. к. кромѣ, простого предписанія объ отзывѣ дипломата, онъ ничего не получилъ отъ своего правительства.

Между тѣмъ, въ Берлинѣ распространился слухъ, что во всей этой дипломатической исторіи, живѣйшее участіе принимала сама императрица. Разсказывали даже, что Августа-Викторія написала о своихъ семейныхъ горестяхъ одной государынѣ, съ которой она находилась въ дружескихъ отношеніяхъ и та пообѣщала ей свое содѣйствіе, чтобы избавить „несчастную страдалицу“ отъ коварной графини. . . И будто бы „письмо“ этой дружески расположенной государыни, по этому поводу, видѣлъ „кто то“ изъ придворныхъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣкоторое время, графъ W. ., чья прекрасная половина такъ крѣпко завладѣла сердцемъ императора—былъ отозванъ своимъ правительствомъ, и—супруги навсегда покинули предѣлы Германіи.

XVII

Какъ я уже говорила, выше, скандалъ съ анонимными письмами разразился вскорѣ послѣ небольшого интимнаго вечера, даннаго въ Грюнвальдѣ, на которомъ число приглашенныхъ лицъ было строго ограничено—всего человѣкъ двадцать мужчинъ и пять или шесть женщинъ; между ними находились: генеральша фонъ-Шолль,—принявшая на себя роль хозяйки, затѣмъ прелестная графиня Z.. и нѣсколько иностранокъ, близкихъ знакомыхъ герцога Гунтера.

Для меня эти дамы были совсѣмъ неизвѣстны, такъ какъ раньше я не имѣла случая съ ними встрѣчаться.

Среди мужчинъ можно было назвать: герцогъ Шлезвигъ, князь Георгій Радзивиллъ, оба графа Эйленбурга, генералы: фонъ-Ганке, фонъ-Шолль и фонъ-Плессенъ; церемоніймейстеръ фонъ-Котцъ и баронъ Шрадеръ.

Что же касается моей августѣйшей хозяйки, то ея величество отсутствовала, такъ какъ не вполнѣ оправилась послѣ рожденія принцессы Луизы, и не могла принимать участія въ придворныхъ развлеченіяхъ.

Хотя, присутствующіе на этомъ праздникѣ дѣлали все возможное, чтобы развеселить императора, бывшаго не въ духѣ, но несмотря, на всѣ старанія его друзей—это имъ не удалось, такъ какъ его величество былъ чѣмъ то разстроенъ, видимо его преслѣдовала какая то докучливая мысль. Весь вечеръ Вильгельмъ II сидѣлъ рядомъ съ графиней, выглядѣвшей, очень интересной въ своемъ красномъ, бархатномъ платьѣ.

Молодая женщина оперлась, своей очаровательной, маленькой ручкой о спинку кресла императора, и онъ воспользовавшись столь удобнымъ случаемъ, не переставалъ ласкать своей рукой ея прелестныя пальчики.

Около полуночи храбрый Котцъ предложилъ всѣмъ намъ пойти на лѣвую половину замка, такъ называемую „Іоахима", и осмотрѣть ту комнату, гдѣ, по преданію, маркиза, жена Іоахима, замуровала свою соперницу въ одной изъ стѣнъ башни.

„И по сіи времена, такъ говоритъ „легенда" ровно въ

двѣнадцать часовъ ночи раздаются стоны несчастной жертвы, изъ глубины ея каменной тюрьмы".

„Но, каково же было наше удивленіе, когда вернувшись изъ таинственной" башни, кстати сказать, тамъ царила полная тишина и спокойствіе; мы замѣтили двухъ отсутствующихъ: императора и графиню.

Вечеромъ, Вильгельма, всегда ожидаютъ запряженные сани—лошади въ нихъ должны смѣняться черезъ каждые два часа, чтобы быть постоянно на готовѣ и по первому слову императора двинуться въ путь. И вотъ, какъ разъ сегодня, когда всѣ покинули гостинную „его величество" и ея сіятельство" изволили вскочить въ эти самыя сани, и предводительствуемые верховыми, освѣщающими имъ дорогу факелами, понеслись полнымъ ходомъ, по направленію къ Потсдаму.

Оберъ-гофмейстеръ, графъ Эйленбургъ, отвѣчающій за священную особу императора, немедленно послалъ вслѣдъ бѣглецамъ другія сани, запряженныя самыми быстрыми рысаками королевской конюшни.

Въ нихъ сидѣли кучеръ и лакей, которымъ былъ отданъ строжайшій приказъ, держаться какъ можно ближе къ экипажу его величества, но разумѣется, избѣгая быть имъ замѣчаннымъ.

Когда мы узнали о всѣхъ этихъ мѣрахъ предосторожности, а главное, когда намъ сказали, что правила лошадьми сама графиня, то мы окончательно успокоились; вѣдь каждому изъ насъ было хорошо извѣстно насколько самъ императоръ плохой кучеръ.

Двое людей, посланныхъ въ погоню за императорскими санями, вернулись около пяти часовъ утра,—они заявили, что все благополучно, и что его величество живъ и здоровъ!

Больше отъ нихъ ничего нельзя было добиться, такъ какъ и кучера и лакея немедленно отправили на жительство въ дальнюю провинцію по приказанію свыше.

Всѣ эти великія событія совершились семнадцатаго ноября 1892 года.

А на другой день, послѣ этого, когда камердинеръ

принесъ почту для императрицы, я замѣтила, между другими пакетами, одинъ конвертъ безъ всякихъ иниціаловъ и печати.

Это письмо мнѣ показалось очень страннымъ — тѣмъ болѣе, что я знала; какъ баронъ Мирбахъ всегда тщательно разбираетъ корреспонденцію ея величества—передавая, ей только письма ея родныхъ, или близкихъ друзей.

Остальныя же—большей частью петиціи—разсматриваются самимъ барономъ.

Положивъ письма на серебряный подносъ, я приказала камердинеру, отнести ихъ въ библіотеку, гдѣ находилась императрица; сама я тоже направилась туда, и нашла ея величество, сидящей за письменнымъ столомъ.

Удивительная вещь, что взглядъ императрицы сразу упалъ на этотъ подозрительный конвертъ,—возможно что ея вниманіе привлекъ адресъ, буквы котораго подражали печатнымъ.

— Какой странный конвертъ—отъ кого это? спросила меня Августа-Викторія.

— Я не знаю, ваше величество, отвѣчала я.

— Дайте мнѣ его, графиня.

Ея величество взяла письмо, быстро вскрыла конвертъ, выронивъ оттуда картинку, изображавшую сцену до такой степени непристойную, что положительно, невозможно ее описать.

Впрочемъ, скажу только одно, что мужчина и женщина, представленные на этомъ рисункѣ, одѣтые въ звѣриныя шкуры, были никто иные, какъ вчерашніе бѣглецы: императоръ и графиня Z...

Ея величество съ чувствомъ ужаса разсматривала отвратительную картинку.

Я хотѣла взять её изъ рукъ императрицы, но она мнѣ не позволила этого сдѣлать:

— Оставьте, я хочу сама сжечь эту гадость, и говоря это Августа-Викторія, встала и направилась въ пріемную.

— Ко мнѣ никого не принимать, приказала ея величество камердинеру, пошлите сейчасъ же за графиней Брокдорфъ; мнѣ необходимо ее видѣть. А также, предупредите

молодыхъ принцевъ, чтобы, раньше, какъ передъ своей прогулкой верхомъ, они ко мнѣ не заходили.

Затѣмъ, Августа-Викторія посадила меня на диванъ, рядомъ съ собой и отрывисто проговорила:

— Прочтите мнѣ это письмо.

Я, послушно, взяла протянутый мнѣ листокъ бумаги, и принялась за чтеніе страннаго посланія.

Оно начиналось такъ:

„Лолоки [1]) и Лолока, однажды зимней ночью“...

Потомъ слѣдовало описаніе нѣкоего инцинидента, что могъ произойти, во время, бѣгства изъ Грюнвальда; но все это повѣтствованіе носило такой характеръ пошлости, и было полно такими возмутительными выраженіями, что послѣ нѣсколькихъ строчекъ чтенія, я отказалась продолжать его.

Въ этотъ моментъ, къ моему великому счастью, вошла оберъ-гофмейстерина, графиня Брокдорфъ, и я сейчасъ же передала ей письмо.

Ея превосходительство, не зная въ чемъ дѣло, съ первыхъ же строкъ ужаснаго посланія, была буквально поражена имъ.

— Я прошу меня извинить, но я право не въ состояніи... прошептала она.

— Ваши извиненія совершенно излишни, возразила ея величество, продолжайте читать дальше, я хочу знать все до конца...

Графиня Брокдорфъ поняла, что ея отговорки напрасны, и она покорно исполнила приказаніе, ея величества.

Едва оберъ-гофмейстерина дошла до половины этого омерзительнаго чтенія, какъ двери съ шумомъ распахнулись, и на порогѣ появился Вильгельмъ—онъ былъ блѣденъ какъ смерть. Въ рукѣ, императоръ сжималъ такой же точно конвертъ, такого же размѣра, и написанный такимъ же подчеркомъ, какъ и у ея величества.

Графиня и я, мы обѣ приподнялись, что бы уйти; но императоръ приказавъ намъ остаться бросилъ на столъ

---

[1]) Названіе Скандинавскаго божества.

злополучный конвертъ, при видѣ котораго императрица воскликнула:

— Боже мой! но вѣдь это точно такой же какъ у меня!

Можно было себѣ представить тѣ объясненія, что потомъ послѣдовали между августѣйшими супругами!

И вотъ, приблизительно въ этотъ промежутокъ времени, то есть съ ноября 1892 года до начала лѣта 1894—тысячи анонимовъ, подобныхъ тому, о которомъ, я сейчасъ только упоминала, были получены всѣми лицами, имѣющими, хотя какое нибудь отношеніе, къ придворнымъ кругамъ Берлина и Потсдама. Пощады не было никому!

Большинство изъ этихъ посланій, конечно, относились къ ихъ величествамъ и къ нѣкоторымъ имъ близкимъ, особамъ. Что же касается Г-жи фонъ X... и графини Z... то эти письма принимали уже буквально характеръ преслѣдованія.

Такимъ образомъ, положеніе насъ придворныхъ, живущихъ въ постоянномъ общеніи съ императорской семьей—становилось, съ каждымъ днемъ все невыносимѣе и затруднительнѣе. Всѣ мы сознавали, что наши августѣйшіе хозяева были жестоко задѣты и оскорблены „кѣмъ то“, живущимъ подъ одной съ ними кровлей, или, по меньшей мѣрѣ, въ одномъ изъ ихъ же дворцовъ Все мы это прекрасно чувствовали, но никто изъ насъ объ этомъ не смѣлъ говорить. Одна только императрица, Августа-Викторія не стѣсняясь высказывала свое мнѣніе, что этотъ низкій клеветникъ могъ только быть лицемъ очень близкимъ императорской фамиліи, или же самимъ Вельзевуломъ! [1])

Въ это злополучное утро 17 ноября, ихъ величества, графиня Брокдорфъ и я, мы всѣ рѣшили держать въ строжайшемъ секретѣ, эту исторію съ анонимнымъ письмомъ. Но едва только мы успѣли разойтись, какъ я узнала, что весь дворецъ уже былъ освѣдомленъ объ этой неслыханной

---

[1]) Императрица очень религіозна, но какъ и Людвигъ XI охотно вѣрила въ нечистую силу.

клеветѣ; такъ какъ, по крайней мѣрѣ, съ полдюжины такихъ же писемъ,—точныя копіи—съ полученныхъ ихъ величествами—были вручены нѣсколькимъ близкимъ лицамъ изъ ихъ свиты, съ добавленіемъ, конечно, и неприличнаго рисунка.

Въ этотъ день, за завтракомъ царило молчаніе, и всякій разъ, когда, кто нибудь изъ присутствующихъ пытался его нарушить, то его слова оставались безъ отвѣта. И, только когда общество перешло въ Tassen Zimmer [1]), то понемногу всѣ оживились.

Императрица сравнила свое письмо съ тѣмъ что получили ея двѣ статсъ-дамы, а императоръ, въ свою очередь сличилъ свои, съ имѣющимися у его дежурныхъ адъютантовъ. Въ общемъ, всѣ, разумѣется съ большимъ одушевленіемъ спорили и негодовали по поводу столь необыкновеннаго происшествія.

Вдругъ дверь отворилась и вошли г-нъ и г-жа фонъ Котцъ.

Церемоніймейстеръ, съ своей всегдашней стереотипной улыбочкою, отвѣсилъ три низкихъ поклона, на обѣ стороны передъ ихъ величествами; хотя въ ту самую минуту они повернулись къ нему спиной. Черезъ нѣкоторое время, генераль-адъютантъ, фонъ Шолль доложилъ императору о приходѣ, г-на и г-жи фонъ Котцъ.

— А-а! воскликнулъ Вильгельмъ, благодаря какому счастливому случаю, мы имѣемъ удовольствіе видѣть васъ у себя?

Его превосходительство только что собирался отвѣтить на слова императора, какъ появился лакей и подалъ визитную карточку оберъ-гофмейстеру.

Видя, что взглядъ Вильгельма остановился на немъ—графъ Эйленбургъ поспѣшилъ передать ему карточку, даже не посмотрѣвъ на нее.

— Вамъ необходимо повидать его сейчасъ же, сказалъ его величество, и спросить что ему нужно?

---

[1]) Такъ называется эта комната, потому что она имѣетъ форму чашки.

Пока Эйленбургъ находился въ отсутствіи, Вильгельмъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ супруговъ фонъ Котцъ также и своихъ адъютантовъ.

Какъ, потомъ мы узнали отъ графа Эйленбурга; эта карточка была отъ одного сановника, который передалъ оберъ-гофмейстеру такое же анонимное письмо, полученное имъ также рано утромъ, какъ и тѣ, что были—доставлены во дворецъ.

Когда императоръ и вся остальная кампанія пришли въ кабинетъ его величества, то фонъ Котцъ, не знавшій о важныхъ событіяхъ, разыгравшихся сегодня утромъ, вздумалъ произнести маленькій спичъ заранѣе имъ приготовленный.

— Если его величество, разрѣшитъ мнѣ, началъ онъ, оглядываясь кругомъ.

Но тотчасъ же императоръ прервалъ его:

— Ну-съ нельзя ли поживѣе! Развѣ вы тоже одна изъ жертвъ?

Бѣдный Котцъ, какъ потомъ разсказывалъ намъ генералъ фонъ Шолль, въ эту минуту представлялъ собою прямо таки комическую фигуру — видимо онъ о чемъ, то соображалъ,—хотѣлъ что то уяснить себѣ; и отъ этого напряженія мысли, глаза его положительно вылѣзли изъ орбитъ и онъ произнесъ заикаясь.

— Да, я жертва! Сов-сѣмъ же-рт-ва!

— Ну, такъ давайте мнѣ поскорѣе это письмо, приказалъ его величество, дѣлая повелительный жестъ рукою.

Тогда Котцъ еще больше смутился и сталъ нервно искать у себя въ карманѣ, сказавъ на это:

— Право я дрожу отъ стыда при мысли представить глазамъ моего монарха такую неприличную вещь. Клянусь честью, это слишкомъ ужасно!

На что Вильгельмъ поспѣшилъ отвѣтить ему:

— Дайте же мнѣ это письмо. Я вамъ приказываю!

Тогда, наконецъ, бѣдный Котцъ рѣшился и положилъ на письменный столъ знаменитое посланіе—оно было одинаковое съ остальными.

Затѣмъ, императоръ добавилъ слѣдующее:

— Господа! для того, чтобы открыть, этого подлеца, который насъ всѣхъ такъ оклеветалъ, ничто не должно быть упущено—всѣ средства хороши, когда они достигаютъ своей цѣли! И, такъ, господа, я предлагаю вамъ обратиться къ вашимъ друзьямъ и спросить кто изъ нихъ также получилъ эти „анонимы" и немедленно объ этомъ сообщить мнѣ. И я надѣюсь, что съ вашей помощью, мы непремѣнно найдемъ виновнаго.

Эти розыски, начались безъ замедленія.

Первымъ дѣломъ, стали производить разслѣдованія по всѣмъ клубамъ, полковымъ собраніямъ и даже будуарамъ свѣтскихъ дамъ.

Узнали, что изъ присутствовавшихъ на вечерѣ въ Грюнвальдѣ было получено до тридцати пяти писемъ—точныя копіи посланныхъ во дворецъ.

Что же касается самого автора этихъ „анонимовъ", то не смотря, на энергичные розыски, не пришлось напасть на его малѣйшій слѣдъ.

Жизнь при дворѣ сдѣлалась пыткой. Конечно, въ частности, никто не былъ обвиненъ, но тѣмъ не мѣнѣе—подозрѣваемы были всѣ.

Какъ вдругъ снова, въ одинъ прекрасный день, Вильгельмъ, съ утренней почтой получилъ нѣжную записочку такого содержанія:

„Лолока, въ твоихъ владѣніяхъ охотится Баронъ фонъ... Положеніе не изъ пріятныхъ! Вспомни, какъ въ твоей рѣчи обращенной къ Брандербургцамъ, ты обѣщалъ укротить всѣхъ, кто окажетъ тебѣ сопротивленіе.

„Даже, еслибъ это были офицеры моей гвардіи, то и тогда я призову васъ"!

Такъ говорилъ ты! А теперь, вотъ именно, одинъ изъ офицеровъ твоей гвардіи, охотится въ твоихъ же владѣніяхъ.

И такъ, самъ начальникъ-укротитель—укрощенъ своимъ же подчиненнымъ!"

Но, этимъ дерзкимъ посланіемъ, анонимное преслѣдованіе не кончилось, и когда Вильгельмъ отдыхалъ въ Аббаціи,

въ Апрѣлѣ 1894 года, то онъ получилъ письмо, опять таки затрагивающее бѣдную графиню Z..., содержаніе котораго я не рѣшаюсь передать, до такой степени оно возмутительно впрочемъ, его выраженія можно, скорѣе отнести къ фразеологіи „Psychopathia Sexualis“, доктора Краффтъ Эбинга, нежели къ обыкновенному, разговорому языку.

Эти анонимныя разоблаченія продолжались все съ большимъ, и большимъ воодушевленіемъ, и все съ болѣе возрастающей увѣренностью въ своихъ сообщеніяхъ. Кажется, ничто изъ жизни придворныхъ сферъ, не было скрыто отъ таинственнаго автора этихъ анонимовъ“.

Привожу нѣсколько фактовъ, дающихъ ясное представленіе о случившемся и, въ чемъ я была непосредственно замѣшана.

Однажды, утромъ, около полудня, когда я сопровождала императрицу въ Берлинъ, на вокзалѣ мы встрѣтились съ генераломъ фонъ-Ганке. Послѣ нѣсколькихъ словъ привѣтствія, Августа-Викторія, пригласила его превосходительство въ свой вагонъ, сказавъ мнѣ, при этомъ, слѣдующее:

— Графиня, вы придете также въ мое купэ, мнѣ не хочется оставаться одной въ обществѣ этого веселаго солдата и графини Брокдорфъ.

Какъ только мы всѣ устроились въ поѣздѣ, такъ генералъ фонъ-Ганке сдѣлался вдругъ, очень сообщительнымъ. Особенно, онъ вдавался въ подробности послѣднихъ таинственныхъ записокъ, полученныхъ графиней Z...

— Слава Богу, я самъ лично ничего не зналъ о намѣреніяхъ его величества, а то вѣдь могли обвинить и меня!

— „Какія глупости! воскликнула императрица, съ видимымъ нетерпѣніемъ. Но, довольно объ этомъ! А вотъ, что вы скажете, зачѣмъ императоръ поѣхалъ сегодня въ Берлинъ?

— Признаюсь, вашему величеству, что императоръ совсѣмъ не думалъ предупреждать меня объ этой маленькой поѣздкѣ.

— А вотъ я такъ думаю, что его величество, именно сейчасъ находится въ будуарѣ графини Z...

— Прошу тысячу извиненій у моей августѣйшей повелительницы, только не въ будуарѣ, а...

— Что вы этимъ хотите сказать? Говорите же все, я вамъ приказываю!

Императрица такъ волновалась произнося это, что совершенно перестала владѣть собою.

— Надѣюсь, ваше величество, не перетолкуетъ дурно мои слова, возразилъ фонъ Ганке. Я просто хотѣлъ сказать, что будуаръ графини запертъ для всѣхъ ея знакомыхъ, послѣ посѣщенія его полиціей.

— „Послѣ посѣщенія его полиціей, что это значитъ? Спросила Августа-Викторія“.

— „Этотъ послѣдній обыскъ былъ сдѣланъ, господами Ричтофомъ и фонъ Тоушъ; и вотъ, послѣ этого то полицейскаго визита, какъ говорятъ злые языки, графиня Z... заперла свой будуаръ, и даже боится близко къ нему подойти“.

— Такъ разскажите же намъ все это подробно, ваше превосходительство.

Тогда генералъ фонъ Ганке исполнилъ нашу общую просьбу и передалъ намъ въ деталяхъ, это приключеніе, результатъ котораго я и привожу здѣсь:

Спустя, нѣкоторое время, по возвращеніи ихъ величествъ изъ Италіи, берлинская полиція была освѣдомлена, что имя автора анонимныхъ писемъ можно узнать черезъ одну бумагу, хранящуюся у графини Z... и будто бы эта дипломатическая „нота“ находится въ шкатулкѣ, запертой въ глубинѣ шкафа, вдѣланнаго въ стѣну будуара, заставленнаго стуломъ. Получивъ эти свѣдѣнія, шефъ полиціи, во время отсутствія графини, произвелъ у нея обыскъ.

Бумага была найдена; и въ самомъ дѣлѣ, имя автора „анонимовъ“ на ней значилось,

Пока генералъ продолжалъ свой разсказъ, императрица страшно поблѣднѣла.

— „И, что же это имя, воскликнула графиня Брокдорфъ,

не было простой мистификаціей“? Затѣмъ, дѣлая видъ, что это ея мало интересуетъ, она добавила!

— „Право, генералъ, вы не должны такъ злоупотреблять нашимъ долготерпѣніемъ. Вѣдь, ея величество, и мы съ графиней надѣялись, что, наконецъ, вы намъ дадите разгадку этой тайны...“

Генералъ фонъ Ганке, только улыбаясь поклонился, въ отвѣтъ на это замѣчаніе.

Вечеромъ того же дня, когда я собиралась сѣсть въ поѣздъ, чтобы снова ѣхать въ Потсдамъ, ко мнѣ подошелъ лакей, въ синей ливреѣ, двора герцога Шлезвигъ-голштинскаго, и передалъ мнѣ его приглашеніе „Его Высочество отправляется также въ „Новый Дворецъ“,и проситъ ваше сіятельство въ свое купэ“.

Когда я вошла туда,, то застала герцога Гунтера и гоф маршала его двора, г-на фонъ Бруденброка, разговаривавающими по поводу вечернихъ, газетныхъ извѣстій.

— „Дорогая графиня, сказалъ герцогъ, поднимаясь мнѣ на встрѣчу, я очень радъ что буду имѣть удовольствіе ѣхать въ вашемъ обществѣ; у меня есть масса новостей для васъ, которыя, конечно, заимствованы не изъ нашихъ газетъ—въ нихъ, по обыкновенію, нѣтъ ничего интереснаго, и при при этихъ словахъ, онъ бросилъ на полъ, только что прочитанныя газеты.

Я поблагодарила его высочество за любезность.

„Напротивъ, это я долженъ быть вамъ признательнымъ графиня, возразилъ онъ, такъ какъ я собираюсь разсказать вамъ одну интересную исторійку, которую и попрошу, сейчасъ же, по пріѣздѣ во дворецъ, передать моей сестрѣ. Вы вѣдь можете е е увидѣть въ уборной, а я не могу. И мнѣ хотѣлось бы, чтобы Августа-Викторія узнала о ней еще до обѣда.

„И такъ, я начинаю, прибавилъ герцогъ: знаете ли вы, что случилось сегодня утромъ, когда императоръ посѣтилъ прекрасную графиню Z..?

Для того, чтобы не быть замѣченнымъ, мой зять одѣлъ

штатское платье, и чтобы сюрпризъ удался вполнѣ, сѣлъ въ обыкновенный извощичій экипажъ.

Пріѣхавъ въ квартиру графини Z... къ своему великому изумленію, его величество увидѣлъ, какъ слуги натягивали коверъ передъ подъѣздомъ, а сама графиня уже ожидала его въ вестибюлѣ, съ букетомъ въ рукахъ, въ парадномъ, декольтированномъ туалетѣ, и вся залитая бриллiантами.

Опять „анонимъ своимъ всегдашнимъ путемъ предупредилъ заранѣе графиню о предстоящемъ посѣщеніи императора, которое тотъ обставилъ такой таинственностью".

Въ одинъ прекрасный день, при дворѣ разнесся слухъ, что авторъ „анонимовъ" былъ никто иной, какъ одинъ очень благовоспитанный и симпатичный джентльменъ, который до сихъ поръ считался олицетвореніемъ прямодушія и неподкупной честности. Это церемоніймейстеръ ея величества императрицы г-нъ фонъ Котцъ.

Онъ былъ какъ разъ тотъ типъ человѣка, который такъ нравится Вильгельму.

Фонъ Котцъ сочеталъ въ себѣ податливость фонъ Ганке, съ преданностью фонъ Плессена и добродушіемъ фонъ Шолля. Онъ готовъ былъ рисковать жизнью для счастья своего вѣнценоснаго хозяина всецѣло отдаваясь своимъ обязанностямъ царедворца.

Я помню, какъ однажды, гуляя по Унтеръ денъ Линденъ [1]), въ обществѣ его кузена—графа Гэслера, я встрѣтилась съ Котцемъ.

— Мой дорогой Либрехтъ, спросилъ его графъ, за какимъ чортомъ, на тебѣ сегодня надѣтъ такой ярко-зеленый галстухъ?

— А ты, забылъ, милый кузенъ, что зеленый цвѣтъ сегодня вполнѣ умѣстенъ, такъ какъ его величество съ утра на охотѣ.

Во всякомъ случаѣ, въ присутствіи ихъ величествъ еще никто не рѣшился обвинить фонъ Котца. Хотя какъ я, впослѣдствіи узнала, что эти позорящіе его слухи, возникли,

---

[1]) Одна изъ главныхъ улицъ Берлина.

именно въ интимномъ кружкѣ императора. Впрочемъ, лично Вильгельмъ II сохранилъ свое расположеніе къ обвиняемому.

И, когда, моя августѣйшая хозяйка настаивала въ необходимости отказаться отъ услугъ Либрехта, то его величество прервалъ ее на полусловѣ:

— Мнѣ невозможно его разжаловать. Я только что зачислилъ Котца въ армію и вы знаете, что я люблю окружать себя преимущественно военными. Къ тому же, онъ въ родствѣ съ лучшими дворянскими фамиліями Пруссіи. Подумайте о скандалѣ, какой можетъ возникнуть.

А четыре недѣли спустя, послѣ этого разговора, когда весь дворъ собрался въ „мраморномъ залѣ", ожидая выхода ихъ величествъ, которыхъ мы должны были сопровождать на закладку новаго кафедральнаго собора, вдругъ появился генералъ фонъ Ганке и обращаясь къ церемоніймейстеру императрицы Августы-Викторіи, пригласилъ его слѣдовать за собою.

Предполагая, что это знакъ о выходѣ ихъ величествъ мы, всѣ придворныя дамы, подвинулись впередъ къ главной лѣстницѣ; на верхней площадкѣ, мы увидѣли Котца, оживленно бесѣдующаго съ военнымъ министромъ.

— Развѣ вы съ нами нейдете? спросила я проходя мимо нашего церемоніймейстера.

— Нѣтъ. отвѣчалъ онъ мнѣ, съ дрожью въ голосѣ. Будьте добры передать мои извиненія графинѣ Брокдорфъ. Я очень занятъ.

Черезъ десять минутъ всѣмъ уже стало извѣстно, что его величество, узнавъ изъ донесенія полиціи о предательствѣ фонъ Котца, отдалъ приказаніе немедленно арестовать виновнаго.

Рапортъ былъ поданъ императору во время его переѣзда изъ Берлина въ Потсдамъ, а приказъ объ арестѣ подписанъ имъ въ вагонѣ. Затѣмъ уже Вильгельмъ послалъ фонъ Ганке, предупредить фонъ Котца, чтобы тотъ не присутствовалъ на церемоніи закладки собора.

Вскорѣ. какъ того и слѣдовало ожидать, въ придворныхъ

кругахъ и въ берлинскомъ обществѣ всѣ возстали противъ бывшаго любимца императора.

Бѣдная г-жа фонъ Котцъ на колѣняхъ умоляла императора за своего невинно осужденнаго мужа. Пока эта сцена происходила въ билліардной комнатѣ Новаго дворца—„Августа-Викторія и дѣти находились рядомъ, въ саду, и оттуда наблюдали за происходившимъ.

— Это не приведетъ ни къ чему, сказалъ Вильгельмъ съ непреклоннымъ и гордымъ видомъ. Того требуетъ справедливость. И Котцъ будетъ осужденъ, какъ обыкновенный преступникъ.

Послѣ этихъ словъ императора послѣдовалъ раздирающій крикъ, затѣмъ, паденіе чего то тяжелаго, и раздались дѣтскіе возгласы:

— Что папа сдѣлалъ съ тетей Котцъ?

— У васъ нѣтъ больше тети Котцъ, строго замѣтила имъ августѣйшая мать и она быстро вышла увлекая за собою перепуганныхъ дѣтей.

Вскорѣ, послѣ ареста Либрехта фонъ-Котцъ, опять цѣлая серія анонимныхъ писемъ была доставлена въ Новый дворецъ. На этотъ разъ, всѣ эти посланія, начиная съ ихъ величествъ, и кончая ихъ превосходительствами, расточали тысячи проклятій на голову тѣхъ, кто засадилъ невиннаго въ тюрьму.

Слѣдствіе по дѣлу Котца велось съ большой поспѣшностью.

Однажды, господинъ фонъ Шрадеръ намъ сообщилъ что, „анонимы“ часто упоминали о дѣлахъ, и поступкахъ извѣстныхъ не только одному, бывшему церемоніймейстеру, но и другимъ важнымъ сановникамъ, а также и самимъ ихъ величествамъ.

— Если все это приводится какъ доказательство, виновности Котца приговорила мнѣ тихо принцесса Шарлотта, сидѣвшая рядомъ со мною, тогда я не понимаю, почему Вильгельмъ и моя „чувствительная“, невѣстка не арестуютъ сами себя? Затѣмъ, обращаясь къ императору она добавила:

— Если, освѣдомленность, о какомъ нибудь фактѣ, можетъ считаться поводомъ къ обвиненію—тогда почему же не осудятъ тѣхъ, кто также о немъ освѣдомленъ?

Напримѣръ, если господинъ „такой то говоритъ“ Либрехту о какомъ нибудь событіи которымъ потомъ воспользовался „анонимъ“, то почему же виновенъ именно Котцъ, а не тотъ другой?

На эту защитительную рѣчь принцессы Шарлотты императоръ отвѣтилъ съ большимъ сарказмомъ:

— Вашъ господинъ „такой то“ не оставлялъ никакихъ слѣдовъ своего вѣроломства, тогда какъ фонъ Коцтъ это сдѣлалъ!

При этихъ словахъ его величество показалъ намъ два листка пропускной бумаги, что были найдены на одномъ изъ столовъ, дворянскаго клуба—сейчасъ же, какъ только Котцъ покинулъ, свое мѣсто.

— Обратите вниманіе на этотъ отпечатокъ воскликнулъ Вильгельмъ торжественнымъ тономъ, конечно, вы узнаете оттискъ слово „Лёлоки“, написанное латинскими буквами, которыя увы, намъ всѣмъ такъ хорошо знакомы! Что же теперь вы скажете, ваше королевское высочество, по поводу этихъ уликъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, то о чемъ вы говорите имѣетъ значеніе, отвѣтила принцесса Шарлотта, затѣмъ, она поспѣшно добавила:

— Конечно, въ томъ случаѣ, если доказано, что фонъ Котцъ бралъ именно этотъ бюваръ.

И такъ, благодаря этимъ листкамъ пропускной бумаги и всевозможнымъ сплетнямъ и толкамъ Котцъ былъ преданъ военному суду. Но, вскорѣ эти улики были отставлены, такъ какъ послѣ экспертизы, произведенной надъ этой пропускной бумагой, было заявлено, что сдѣланные на ней оттиски сфабрикованы нарочно.

Судебная палата отказалась отъ обвиненія, но военный судъ постановилъ иначе, и хотя тоже рѣшилъ оставить обвиненіе построенное на уликахъ, предъявленныхъ бюваромъ, все же счелъ Котца виновнымъ на основаніи подозрѣній.

Когда извѣстіе объ этомъ странномъ вердиктѣ дошло до императора, то съ его стороны, немедленно послѣдовалъ приказъ объ освобожденіи Котца изъ тюрьмы.

И вотъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ подписанія этого декрета, его превосходительство, церемоніймейстеръ двора его величества, покинулъ тюрьму сѣвъ въ придворный экипажъ, въ сопровожденіи его высочества принца Мейнингенскаго, и его превосходительства министра двора—генерала фонъ-Ведель. Это событіе произошло утромъ пятаго іюля.

А въ тотъ же вечеръ уже всѣ во дворцѣ знали, что императоръ не утвердилъ вердикта военнаго суда, и поэтому случаю громко произнесъ слѣдующія, многозначительныя слова: „что священное преимущество короля это направлять правосудіе, не прибѣгая къ помощи адвокатовъ и профессіональныхъ судей“. Разбирательство дѣла Котца все же не пріостановило полицейскихъ розысковъ. Такимъ образомъ, полиціи удалось открыть, что авторъ анонимныхъ писемъ былъ герцогъ Гунтеръ. Узнавъ объ этомъ Августа-Викторія предложила отправить своего брата въ далекое путешествіе, при условіи что „анонимы“ будутъ ей отданы—что и было исполнено. Но предварительно все же ихъ сфотографировали.

А по возвращеніи герцога Гунтера опять возобновились „письменныя извѣщенія“ о малѣйшихъ деталяхъ интимной жизни ихъ величествъ.

Я уже не разъ упоминала, что Вильгельмъ II отличается большой болтливостью, а также любитъ слушать всевозможныя сплетни своихъ „любимцевъ“ и адъютантовъ. Кромѣ того онъ имѣетъ привычку разсказывать своей августѣйшей супругѣ о всѣхъ, только что услышанныхъ скандалахъ, прибавляя конечно, къ нимъ еще значительную долю своей фантазіи, а также его величество дѣлится съ нею и своими личными впечатлѣніями и проектами. Въ свою очередь, императрица передавала объ этихъ разговорахъ Гунтеру, и тотъ, чтобъ не остаться въ долгу, сообщалъ своей сестрицѣ о всѣхъ любовныхъ приключеніяхъ, ея увлекающагося супруга.

Изъ всего этого можно заключить, что хранитель секре-

товъ ихъ величествъ воспользовался ими, чтобы отомстить соперницамъ своей сестры, а къ тому же еще причинить непріятность и самому Вильгельму.

Возможно, даже предположить что первое изъ этихъ анонимныхъ писемъ, было навѣяно Гунтеру инциндентомъ послѣ вечера въ Грюнвальдѣ и казалось ему просто милой шуткой—затѣмъ, увидѣвъ, что эта шутка попала въ цѣль, герцогъ сталъ продолжать въ томъ же духѣ—предполагая даже что онъ такъ поступаетъ въ интересахъ своей сестры.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти „анонимы“ повлекли за собою массу подражателей, число которыхъ все увеличивалось и увеличивалось.

Однажды во время, новогодняго пріема 1894 года императрица Викторія Фредерика такъ охарактеризовала это явленіе: что большинство придворныхъ занято только тѣмъ, что пишетъ другъ другу анонимныя письма „вотъ оттого то добавила высокочтимая монархиня; „она не хочетъ больше жить въ Берлинѣ“ Увы! Это была горькая истина; потому что вѣдь и сама императрица-мать была неоднократно задѣта низкими клеветниками.

Что же касается герцога Гунтера, то ему объявили о нежелательности его пребыванія въ Берлинѣ и Потсдамѣ, а также, что его посѣщенія должны быть рѣдкими и ограниченными, срокомъ не болѣе недѣли. Въ томъ же случаѣ, если герцогъ не послушается этого оффиціальнаго распоряженія императора, тогда его высочество лишается матеріальной поддержки своего вѣнценоснаго зятя.

Въ сущности говоря, анонимная тайна никогда не была разъяснена вполнѣ, ни относительно, писемъ, графинѣ Z... выдающихъ герцога Гунтера, ни также по поводу поддѣлки латинскихъ буквъ пропускной бумаги, обвиняющихъ фонъ Котца. Впрочемъ, многіе утверждали, что это дѣло рукъ самой полиціи, которая не смѣла непосредственно извѣстить императора о грязныхъ поступкахъ его деверя, а потому и прибѣгла къ похищенію писемъ, находящихся у графини Z... Въ этомъ, по всей вѣроятности и кроется одна изъ главныхъ причинъ интриги.

XVIII.

Въ сущности говоря, Вильгельмъ II не обладалъ семейными наклонностями; даже по отношенію къ своей матери, императрицѣ Фредерикѣ-Викторіи, онъ проявлялъ всегда самыя непріязненныя чувства.

Частыя ссоры императора съ его братомъ, принцемъ Генрихомъ, и въ особенности съ сестрой Шарлоттою, ни для кого не были тайной.

Вообще его величество относительно членовъ своей семьи выказываетъ полное равнодушіе. Что же касается его тещи, герцогини Аделаиды и ея дочери, принцессы Фэо, то къ нимъ императоръ обнаруживаетъ явную антипатію.

Вотъ почему герцогиня Шлезвигъ-Гольштинская вмѣстѣ съ дочерью, постоянно живутъ въ Дрезденѣ, вдали отъ берлинскаго двора. При ней находятся: гофмаршалъ полковникъ фонъ Шлаубергъ и фрейлина Г-жа фонъ Рӧдеръ.

Одной изъ главныхъ обязанностей полковника является: контролировать и отсылать обратно покупки, сдѣланныя ея высочествомъ.

Такъ, однажды, онъ нашелъ весь домъ, переполненнымъ слугами, одѣтыми въ разноцвѣтныя ливреи,—всего было двадцать пять лакеевъ—въ передней и на лѣстницѣ.

— Что значитъ этотъ маскарадъ? спросилъ фонъ Шлаубергъ.

— На это ему отвѣтили, что вчера ея высочество отдавала визитъ графинѣ Х. . . и передъ этимъ ей какъ то удалось выйти изъ дома никѣмъ не замѣченной, нанять извозчика и, объѣхавъ всѣ конторы для найма прислуги, законтрактовать тамъ самыхъ красивыхъ выѣздныхъ лакеевъ, какихъ только можно было найти.

— Но зачѣмъ же эти люди стоятъ на лѣстницѣ?

— По приказанію ея высочества: она собирается одѣть придворный туалетъ со шлейфомъ, какъ у императрицы, и желаетъ слѣдовать изъ своихъ аппартаментовъ внизъ по лѣстницѣ съ великой пышностью.

Подобная милая фантазія стоила двору герцогини нѣ-

сколько тысячъ марокъ, такъ какъ эти лакеи были законтрактованы на цѣлый годъ, а чтобы отпустить ихъ, всѣмъ имъ пришлось заплатить неустойку.

Одна изъ главныхъ маній ея высочества—это безпрестанное мытье и обтираніе всѣхъ частей своего тѣла.

— Видите ли, я распредѣлила въ строгомъ порядкѣ всѣ свои обмыванія, однажды сообщила она мнѣ,—для этой цѣли я раздѣлила свое тѣло на двадцать одно полушаріе. (Я предполагаю, что она хотѣла сказать „частей").

— Такъ вотъ каждое изъ этихъ „полушарій",—продолжала свои поясненія, герцогиня требуетъ полнаго прибора: тазовъ, кувшиновъ, мыльницъ, полотенецъ и т. п.

Эта странная манія ея высочества служитъ одной изъ причинъ, почему ея посѣщенія берлинскаго двора бываютъ такъ нежелательны. Впрочемъ, онѣ допускались въ очень рѣдкихъ случаяхъ, и большей частью, въ отсутствіе императора.

Я уже не разъ упоминала о недостаткѣ комфорта при нашемъ дворѣ, а потому можно себѣ представить, какой тамъ переполохъ производитъ извѣщеніе о пріѣздѣ герцогини Аделаиды. Это положительно является вопросомъ государственной важности, когда въ Новомъ дворцѣ для одной персоны требуется приготовить столько вещей; еще бы: больше дюжины гарнитуръ однѣхъ только туалетныхъ принадлежностей.

Всѣ, начиная съ гофмаршала двора и кончая прислугой, буквально приходятъ въ ужасъ и теряютъ голову ожидая прибытія тещи императора.

Эти разнообразные туалетные приборы, необходимые ея высочеству, обыкновенно ставятся на безконечный рядъ столиковъ, покрытыхъ бѣлыми салфеточками.

На полу передъ этой батареей импровизированныхъ умывальниковъ, постилается толстая клеенка; но, несмотря на принятыя мѣры предосторожности, „неутомимая купальщица" испортила много старинныхъ паркетовъ изъ драгоцѣннаго дерева.

Какъ только герцогиня входитъ въ приготовленные для нея аппартаменты—сейчасъ же начинаетъ обозрѣвать все ли на мѣстѣ?

Осмотрѣвъ каждую вещицу, предназначенную для своего туалета, ея высочество справляется по нѣкоему инвентарю, который она, какъ сокровище хранитъ у себя на груди.

Напримѣръ, гарнитуръ, носящій номеръ 1, предозначается для ея правой ноги, номеръ 4—для лѣвой ноги, а номеръ 6—для ея лѣваго бока.

У герцогини даже выработалась цѣлая система, гдѣ приборы съ четными цифрами, употребляются для лѣвой половины тѣла, а тѣ что съ нечетными,— для правой стороны.

Не дай Богъ камеристкѣ нечаянно переставить какую нибудь вещицу изъ всей этой коллекціи; тогда гнѣву ея высочества не бываетъ границъ!

Однажды, Августа-Викторія приказала поставить только четырнадцать туалетныхъ гарнитуръ въ аппартаменты своей матери, такъ какъ „кто то" увѣрилъ императрицу, что излечить герцогиню отъ ея странной маніи можно только тѣмъ, если, хотя одинъ всего разъ попробовать уменьшить количество ея всегдяшнихъ приспособленій.

Войдя въ предназначенное ей помѣщеніе ея высочество сказала своимъ горничнымъ:

— Сосчитайтѣ—все ли на мѣстѣ.

Сосчитали и, о, ужасъ! герцогиня замѣтила, что нѣтъ нужнаго числа изъ ея приборовъ.

— Кто могъ это сдѣлать?

Напустилась на прислугу несчастная женщина.

— Вѣдь должно быть: ровно двадцать одинъ кувшинъ съ водой и столько же тазовъ! Ужъ, конечно, не моя дочь это устроила, потому что она хорошо знаетъ, какъ я дорожу такимъ комфортомъ? кто же могъ такъ поступить и лишить меня моихъ вещей?

Положительно, ея высочество была внѣ себя и съ яростью набросилась на своихъ ни въ чемъ неповинныхъ горничныхъ. Къ счастію, ея придворную даму осѣнила блестящая мысль.

— Вѣдь, въ настоящее время дворецъ переполненъ высокопоставленными гостями.—сказала она, впрочемъ, вашему высочеству объ этомъ извѣстно.

И, очень, можетъ быть, что гофмаршалу понадобились лиш-

нія туалетныя принадлежности и вотъ онъ воспользовался вашими.

Къ общему удивленію, „герцогиня мать“ довольно благосклонно приняла это объясненіе.

Но успокоилась только тогда, когда принцесса Фэо, фрейлина Рöдеръ и ея четыре горничныхъ отдали ей всѣ свои приборы.

А на другой день, утромъ, ея высочество приказала запречь два ландо и, водворивъ туда свою статсъ-даму и камеристку, отправила ихъ въ городъ за покупками нужныхъ для нея туалетныхъ вещей.

— Вѣроятно, мой зять,—объявила она,—слишкомъ бѣденъ, а потому и не можетъ снабдить своихъ гостей необходимыми удобствами.

И это еще называется—императоръ!

Обыкновенно герцогиня производитъ свои „омовенія“ два раза въ день: передъ завтракомъ и послѣ ужина. Иногда, она даже встаетъ около пяти часовъ утра, чтобы поскорѣе начать свои манипуляціи.

Когда ея высочество жила съ нами въ Новомъ дворцѣ, въ 1893 году, она, вдругъ, возымѣла желаніе купаться—это случилось именно часовъ въ пять утра.

Она вскочила съ кровати въ одной сорочкѣ и, даже, не успѣвъ набросить на себя юбку, бросилась въ корридоръ и стала требовать, дикимъ голосомъ, „воды.“

Принцесса Фэо и фрейлейнъ фонъ Рöдеръ, разбуженныя этимъ крикомъ, стали уговаривать герцогиню успокоиться и лечь снова спать.

А когда, спустя нѣсколько минутъ дежурный корридорный, привлеченный шумомъ и громкимъ разговоромъ, подошелъ ближе, то онъ засталъ трехъ женщинъ, чуть ли не дерущимися между собой.

Дочь герцогини и ея фрейлина дѣлали всевозможныя усилія, чтобы втолкнуть разсвирѣпѣвшую женщину въ ея комнату; но ничто не помогало и она продолжала вопить:

— Воды! воды! воды!—ради самого Создателя, дайте же мнѣ воды! у меня, вѣдь, только девять кувшиновъ наполнены водой, а мнѣ надо цѣлыхъ двѣнадцать!

А вотъ еще одинъ изъ забавныхъ разговоровъ, происходившихъ на половинѣ императрицы Августы-Викторіи—относительно цвѣта лица.

— А какъ вы думаете,—спросила, ни съ того, ни съ сего, герцогиня мать,—отчего у Фэо такой землистый цвѣтъ лица?

Услышавъ подобный вопросъ, мы всѣ сдѣлали видъ, что не слыхали его и, не отрывая глазъ отъ своей работы, продолжали вышивать.

Тогда ея высочество снова повторила его; опять молчаніе съ нашей стороны.

Наконецъ, понявъ, что мы не хотѣли отвѣчать на такой скабрезный вопросъ, герцогиня продолжала:

— Моя Фэо говоритъ, что у нея скверный цвѣтъ лица оттого, что я не даю ей спать ночью, а утромъ опять я бужу её слишкомъ рано.

Удивительно, почему это я не могу имѣть около себя, мою дочь пока я дѣлаю свой туалетъ?

Да я даже этимъ и не пользуюсь! И, когда фрейленъ Рöдеръ и мои горничныя присутствуютъ при моемъ умываніи, то я позволяю Фэо ложиться спать. Только иногда я захожу посмотрѣть какъ она спитъ.

И, представьте себѣ, это неблагодарное дитя еще смѣетъ увѣрять, что именно благодаря мнѣ портится ея цвѣтъ лица.

По мнѣнію докторовъ, у герцогини Шлезвигъ-Гольштинской нѣкоторые нервные центры подвержены поріодическому разстройству. И, будто бы, холодныя обтиранія ее успокаиваютъ. Но бываетъ, что и онѣ ей не помогаютъ и тогда она, въ періодѣ такого разстройства, ломаетъ мебель, бьетъ посуду, однимъ словомъ, съ ней начинается форменный припадокъ: затѣмъ измучившись въ конецъ, она падаетъ на руки своихъ горничныхъ.

Единственный человѣкъ, который оказываетъ нѣкоторое вліяніе на ея высочество—это ея статсъ-дама г-жа Рöдеръ, очень энергичная женщина, вдобавокъ, отличающаяся еще невозмутимымъ хладнокровіемъ.

Въ одинъ прекрасный день герцогиня Аделаида захотѣла во что бы то ни стало привести своего грума въ гостиную

Фрейлейнъ Рӧдеръ запретила ей это категорически.

— Но, если я желаю пригласить Джона въ мою гостиную,—сказала ея высочество,—мнѣ кажется, я имѣю на это право? Развѣ я не герцогиня Шлезвигъ-Гольштинская?

— Вотъ потому то, что вы герцогиня, я вамъ и не позволю посадить грума въ вашу гостиную.

— Вы не смѣете говорить мнѣ дерзости!—воскликнула герцогиня,—вы, вѣроятно, воображаете, что можете такъ отвѣчать мнѣ, потому, что васъ къ тому поощряетъ мой зять?

И, при этихъ словахъ, теща императора, быстро подошла къ окну, и раскрыла его. Затѣмъ, поставивъ ногу на подоконникъ, она поспѣшила добавить:

— Ну, а теперь, надѣюсь, вы мнѣ позволите принять Джона въ моей гостиной?

— Почему именно „теперь"? спросила невиннымъ тономъ фрейлинъ Рӧдеръ.

— Потому что, если вы сейчасъ же не позовете Джона, то я моментально выскочу изъ окна.

Статсъ-дама нисколько не испугалась этой угрозы и отвѣтила ей, стараясь выразить свое полное равнодушіе:

— Пожалуйста, ваше высочество, выскакивайте! Я могу быть за это только благодарной вамъ, такъ какъ тогда обрѣту душевное спокойствіе и вдобавокъ еще до конца моихъ дней буду получать гарантированное мнѣ жалованье и кромѣ него еще пенсію.

Моментально ея высочество соскочила—но только. . . въ комнату!

Большею частью, когда герцогиня Аделаида гоститъ у своей дочери, императрицы Августы-Викторіи, то она не приглашается къ обѣду во избѣжаніе ея несуразныхъ выходокъ, а только изрѣдка къ завтраку или ужину, когда не бываетъ никого изъ постороннихъ.

Не смотря на то, что дѣлается все возможное, чтобы ея высочество ничѣмъ не раздражалась, все же случается, что вдругъ во время какого нибудь завтрака герцогиня начнетъ стучать кулакомъ по столу такъ, что невольно опасаешься за цѣлость посуды и хрусталя, или же ни съ того ни съ сего станетъ ругаться, какъ фельдфебель.

Впрочемъ, ея цвѣтистая ругань давно уже извѣстна всему берлинскому обществу.

Она, не стѣсняясь, называетъ „папу“, „императора“, а также и „гофмаршала“ „проклятыми собаками“ или „грязными свиньями“!

А, если ей не понравится, какая нибудь изъ придворныхъ дамъ, то ея высочество во всеуслышаніе бранитъ ее «старой клячей». Но иногда бываетъ и наоборотъ: вдругъ герцогинѣ приходитъ фантазія выказывать своимъ служащимъ необыкновенную вѣжливость.

Такъ было, однажды, въ берлинскомъ замкѣ: къ ней пришла куаферша г-жа Мюллеръ; тогда герцогиня, вставъ ей на встрѣчу и цѣлуя ея въ обѣ щеки, воскликнула:

— Ахъ, моя дорогая, я очень рада васъ видѣть! Вѣдь „когда то“ я имѣла честь встрѣчаться съ вами у императрицы Евгеніи.—Впрочемъ, это было еще въ тѣ блаженныя времена, когда проклятые пруссаки не лишили ея трона такъ же, какъ и моего мужа, который, по ихъ милости, лишился своего!

Бѣдная Августа-Викторія, присутствовавшая при этой сценѣ—не знала, что ей дѣлать!

— Матушка, наконецъ рѣшилась она сказать,—вѣдь вы разговариваете съ моей камеристкой, а вовсе не съ той принцессой, за которую вы ее принимаете. Положимъ, что сходство съ ней поразительное!

Но, герцогиня—мать ничего не слушала и продолжала изливать куафершѣ свою душу.

Въ концѣ концовъ, ея величеству удалось, насильно, усадить свою неугомонную мамашу въ кресло и г-жа Мюллеръ только тогда принялась ее причесывать.

XIX.

Недостойное поведеніе Вильгельма II по отношенію къ его матери—императрицѣ Фредерики-Викторіи, въ свое время возбудило въ Германіи много толковъ и пересудовъ; на

долю императора, по этому поводу выпало не мало упрековъ и обвиненій, впрочемъ вполнѣ заслуженныхъ.

Также Вильгельму приписываются и тѣ безчисленные пасквили направленные противъ императрицы — матери, вдохновителемъ, которыхъ былъ никто иной, какъ ея августѣйшій сынъ.

По крайней мѣрѣ, мнѣ пришлось слышать объ этихъ фактахъ отъ самихъ же членовъ императорской фамиліи.

Такъ напримѣръ, относительно вдовствующей императрицы, въ прессѣ подвластной Вильгельму II не было другого названія, какъ: „предательница“ „измѣнница“, которая выдаетъ государственныя тайны Германіи своей матери,—королевѣ Викторіи.

„Всѣ англійскія и американскія газеты, что высмѣиваютъ императора Вильгельма II, оплачиваются ею“.

„Она, хочетъ, установить празднованіе воскресенія въ Берлинѣ, по образцу англійскаго“.

„Она находится въ заговорѣ со своимъ братомъ принцемъ Уэльскимъ и въ постоянной перепискѣ съ датской королевой—Луизой“.

Многіе, также, обвиняли императрицу Фредерику-Викторію въ ея чрезмѣрной любви ко всему англійскому и это, будто бы, служило одной изъ главныхъ причинъ ея натянутыхъ отношеній съ императоромъ и его супругой.

Могу отъ себя прибавить, что это — была злѣйшая клевета.

Я знала вдовствующую императрицу въ продолженіи двадцати лѣтъ, и никогда не слыхала отъ нея ни одного слова по англійски; даже въ своей корреспонденціи ея величество всегда предпочитала нѣмецкій языкъ, а также покровительствовала нѣмецкому производству, любила нѣмецкое искусство и окружала себя преимущественно нѣмцами.

Въ этомъ отношеніи, прямой противоположностью своей матери является Вильгельмъ II; онъ напротивъ во всемъ подчеркиваетъ свой вкусъ ко всему англійскому.

При каждомъ удобномъ случаѣ, императоръ старается говорить и писать по англійски, а всѣхъ своихъ адъютантовъ и приближенныхъ къ нему лицъ, заставляетъ изучать англій-

скій языкъ несмотря, даже, на преклонный возрастъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Что же касается императрицы Августы-Викторіи, то она еще болѣе нежели ея супругъ, увлекается всѣмъ англійскимъ, даже акушерки, бонны и няни были у нея исключительно англичанки.

Тоже самое можно сказать и объ августѣйшихъ дѣтяхъ; первоначальный языкъ, который они изучаютъ—это англійскій, и только послѣ пяти-лѣтняго возраста они начинаютъ говорить по нѣмецки.

Обыкновенно, всѣ дѣтскіе костюмы и платьеца выписываются изъ Лондона, и оттуда же, доставляются ихъ любимые пони съ полной упряжкой и подходящимъ къ нимъ, небольшимъ плетенымъ кэбомъ.

Очевидно, недостатокъ симпатіи между двумя императрицами, какой всегда существовалъ и прежде, былъ другого происхожденія нежели тотъ, что приписывался людской молвою, то есть, что онѣ не могли сблизиться изъ за любви императрицы-матери ко всему англійскому.

Послѣ смерти фридриха III въ іюнѣ 1888 года, когда новый императоръ, по совѣту генерала Нордмана, заперъ плѣнницами, въ ихъ же собственномъ дворцѣ, свою мать и сестеръ, подъ предлогомъ отыскиванія какого то воображаемаго завѣщанія.

Въ эти тяжелые дни, которые съ такимъ достоинствомъ переносила вдовствующая императрица,—Августа-Викторія не смогла или просто не захотѣла, ничѣмъ облегчить участь своихъ родственницъ.

Она ограничилась только тѣмъ, что вмѣстѣ со своими соболѣзнованіями, по поводу смерти императора Фридриха, ея величество заявила, что пріѣдетъ въ Фридрихскронъ навѣстить свою свекровь, какъ только у нея будетъ готовъ трауръ.

А въ это время, Вильгельмъ II пользовался случаемъ, и рылся въ посьменномъ столѣ, въ бюро и въ шкафахъ покойнаго отца, а также и въ вещахъ принадлежащихъ его матери и сестрамъ.

Но, наконецъ, молодая императрица прибыла въ

парадномъ экипажѣ, запряженномъ à la Domont, четверкой чудныхъ лошадей.

Едва только, Августа-Викторія начала выражать свои банальныя сожалѣнія императрицѣ--матери, какъ та поспѣшила прервать её, сказавъ:

— Отошлите графиню Брокдорфъ.

Оставшись, наконецъ, вдвоемъ со своей невѣсткой, почтенная монархиня, съ горячностью, такъ ей несвойственной, стала убѣждать Августу-Викторію сдѣлать все возможное, чтобы удержать Вильгельма отъ его безумствъ.

— Умоляю васъ, всѣмъ, что только есть для васъ святаго сказала она,—не допускайте вашего мужа слѣдовать по столь опасному пути. Я уже пробовала просить Вильгельма во имя сыновней любви, даже во имя хотя только чувства порядочности... Теперь, ваша очередь испытать на немъ силу своего вліянія. Поговорите съ нимъ, — опираясь на вашъ долгъ жены и матери. И я увѣрена, онъ послушаетъ васъ, за что я буду вамъ безконечно благодарна. Дай Богъ, чтобъ вамъ никогда не пришлось переносить столько горя отъ своихъ сыновей, какъ я переношу отъ своего—единственнаго!

Выслушавъ это горячее признаніе свекрови, Августа-Викторія прошла въ библіотеку, гдѣ находился ея мужъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась обратно, сказавъ слѣдующее:

— Къ сожалѣнію, я ничего не могла сдѣлать. Вильгельмъ—императоръ, и онъ мнѣ не позволяетъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла.

— Въ такомъ случаѣ, будьте любезны, вернуться съ вашими дѣтьми въ „Мраморный дворецъ“, отвѣтила на это императрица мать.

Съ этихъ самыхъ поръ, послѣдовала уже открытая вражда между сыномъ и матерью.

Вильгельмъ поспѣшилъ объявить всѣмъ придворнымъ чиновникамъ и слугамъ, находящимся во дворцѣ, что теперь онъ ихъ единственный хозяинъ, и они должны слушаться только его приказаній.

Императрица Фредерика дала своему гофмаршалу списокъ

тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть допущены проститься съ прахомъ покойнаго императора.

Узнавъ объ этомъ спискѣ—куда входили только личные друзья, а также политическіе дѣятели, симпатизирующіе Фридриху,—Вильгельмъ уничтожилъ его, приказавъ пропускать, исключительно, лишь офицеровъ арміи.

Въ концѣ этого же 1888 года, между обѣими императрицами произошло второе свиданіе, еще болѣе обострившее ихъ отношенія. Оно состоялось, вслѣдствіи начавшихся переговоровъ, по поводу предполагавшагося выѣзда вдовствующей императрицы изъ Фридрихскрона.

Августа-Викторія также, какъ и ея мужъ, желала поселиться въ этомъ дворцѣ.

И вотъ, спустя три мѣсяца послѣ смерти императора Фридриха, его вдова должна была оставить Фридрихскронъ.

Многіе изъ присутствующихъ не могли сдержать своихъ слезъ при видѣ горя монархини, когда она, въ послѣдній разъ, обходила свой бывшій дворецъ, прощаясь съ каждымъ уголкомъ такъ любимаго ею Фридрихскрона.

— Здѣсь, сказала она, я провела самые свѣтлые дни моей жизни, и тутъ же—увы!.. я пережила самые горькіе часы, какіе только могла испытать женщина.

Затѣмъ, давъ руку каждому изъ своихъ придворныхъ и каждому изъ своихъ слугъ,—она сказала имъ на прощанье:

— Если, когда либо, вы захотите повидать вашу старую хозяйку, то пріѣзжайте ко мнѣ въ Берлинъ и вы всегда найдете радушный пріемъ. А, что касается моего пріѣзда сюда, то скорѣе у меня отнимутся ноги, нежели я рѣшусь снова переступить этотъ порогъ!

И благородная женщина сдержала свое слово.

Впослѣдствіи, она встрѣчалась съ Вильгельмомъ всегда на нейтральной почвѣ, то принимая его у себя въ Барнштадтѣ, или же отдавая ему визитъ въ его Берлинскомъ замкѣ.

Императорская чета вступила во владѣніе Фридрихскрономъ въ маѣ 1889 года. А черезъ нѣкоторое время это названіе, которое далъ ему покойный императоръ по указу Вильгельма II, было переименовано въ „Новый дворецъ“.

Послѣдняя ссора, между императрицей Фредерикой и ея невѣсткой, разыгралась лѣтомъ 1894 года, когда Августа-Викторія рѣшила поѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми и свитой, въ пятьдесятъ человѣкъ въ Фелинстовэ, а для того чтобы съэкономить побольше денегъ на эту поѣздку, она поручила гофмаршалу двора графу Эйленбургу, лишить слугъ ихъ обычной порціи масла за завтракомъ и ужиномъ.

Тѣ слуги, что перешли изъ Фридрихскрона, двора Фридриха III ко двору Вильгельма II, разумѣется, были первыми, выразившими свое неудовольствіе относительно этой новой перемѣны режима.

Вотъ тогда то мнѣ и пришлось слышать, какъ враги вдовствующей императрицы, заявили во всеуслышаніе:

— Англичане бунтуютъ!

— Я положительно ничего не знала объ этихъ домашнихъ дрязгахъ—сообщила потомъ ея величество одной изъ своихъ приближенныхъ дамъ; но я думаю, что подобная несправедливость — является лишнимъ доказательствомъ людской пошлости и мелочности: лишить слугу его пищи, хотя бы только кусочка масла—такой же неблаговидный поступокъ, какъ продать зубы покойника!

Послѣднее замѣчаніе, разумѣется, дошло до слуха Августы-Викторіи, чѣмъ она была страшно возмущена и чего потомъ никогда не могла простить своей свекрови.

Но, въ сущности говоря, какая же все таки была настоящая причина враждебныхъ отношеній между матерью и сыномъ,—свекровью и невѣсткой?

Насколько возможно я попробую ее разъяснить:

Десятаго апрѣля 1888 года ровно черезъ мѣсяцъ послѣ начала царствованія императора Фридриха, продолжавшагося всего 89 дней—состоялось историческое свиданіе между императрицей Викторіей [1]) и Бисмаркомъ.

Въ этотъ памятный для нея день, монархиня сообщила канцлеру о рѣшеніи императора Фридриха, въ случаѣ его смерти, заблаговременно позаботиться о ея судьбѣ, чтобы не быть въ зависимости отъ своего нѣжнаго сынка.

---

[1]) Оффиціальное присужденіе имени Фредерика было пожаловано ея величеству уже послѣ восшествія на престолъ Вильгельма II.

Мой мужъ уже давно не дѣлаетъ никакихъ иллюзій, на счетъ чувства сыновней любви ко мнѣ Вильгельма,—добавила съ глубокимъ вздохомъ ея величество; вотъ потому то императоръ и желаетъ, чтобы я еще при его жизни получила изъ государственной казны тѣ семьдесятъ процентовъ, причитывающихся мнѣ, въ которые входятъ и ассигнованныя суммы на приданое моихъ дочерей, а также предназначенные имъ выдѣлы изъ нашихъ владѣній. А то что останется поступитъ въ нашу неприкосновенную собственность и наше полное усмотрѣніе, по смерти мужа; пока еще новый императоръ не будетъ имѣть возможности проконтролировать капиталъ и доходы.

Подобное сообщеніе буквально ошеломило князя Бисмарка.

Но императрица этимъ не смутилась и продолжала:

— Вотъ вамъ приказъ императора, за его подписью и печатью. Его величество просилъ сохранить это въ строжайшей тайнѣ, какъ васъ, ваше сіятельство, такъ и тѣхъ лицъ, которыя должны быть освѣдомлены объ этомъ документѣ:

И такъ, ваше слово, князь!

— Я даю вамъ его, ваше величество, отвѣчалъ престарѣлый канцлеръ.

Вильгельмъ II не подозрѣвалъ о состоявшемся соглашеніи, вплоть до утра пятнадцатаго іюня 1888 года.

Но всѣ кто слѣдилъ за текущими событіями, предшествующими паденію Бисмарка, припомнятъ, что желѣзный канцлеръ, передъ тѣмъ какъ ему подписать прошеніе объ отставкѣ, такъ настойчиво требуемой Вильгельмомъ, посѣтилъ императрицу Фредерику. Князь просилъ великодушную монархиню похлопотать за него передъ ея сыномъ, напомнивъ ей, что два года тому назадъ, онъ самъ оказалъ ея величеству большую услугу.

Выслушавъ Бисмарка, вдовствующая императрица только грустно покачала головой и со вздохомъ прибавила:

— Увы! дорогой князь, я слишкомъ хорошо помню объ этомъ, такъ какъ, то что было нашимъ секретомъ съ вами, теперь встало навсегда непреодолимой преградой—между мною и моимъ сыномъ!

XX.

Вильгельмъ II не прощаетъ малѣйшаго знака непочтенія къ своей августѣйшей персонѣ.

Всякій разъ, когда мнѣ приходится разговаривать съ императоромъ, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что его любовь къ себѣ прогрессируетъ и Вильгельмомъ все больше и больше овладѣваетъ манія величія. Примѣромъ тому могутъ служить слѣдующіе факты:

Однажды, императоръ посадилъ подъ арестъ на три дня графа Гэслера, придравшись только къ тому, что его шпоры были чуть длиннѣе установленной формы.

— Графа Гэслера! воскликнула императрица, Гэслера моего Кирассирскаго полка?

— Да, да его самого, отвѣтилъ съ раздраженіемъ его величество,—и возможно, что я не былъ бы такъ строгъ, если-бы прошлый разъ, когда я ѣхалъ въ своемъ dog - cart, онъ не прошелъ мимо меня, не отдавъ мнѣ чести.

— Вѣроятно, графъ просто не узналъ новую ливрею вашего грума?

— Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ былъ узнать своего императора! добавилъ гнѣвно Вильгельмъ.

Во время зимы 1895 года, полковникъ фонъ Натцмеръ рисковалъ потерять командованіе полкомъ, по глупости одного изъ своихъ солдатъ, принявшаго императора за простого пѣхотинца—капитана Конъ. А, чтобы не повторялось больше подобныхъ исторій, полковникъ Натцмеръ приказалъ раздать каждому изъ солдатъ своего полка, фотографіи императора во всевозможныхъ мундирахъ.

Но, въ особенности въ чемъ проявляется себялюбіе Вильгельма II самымъ опаснымъ и необычайнымъ образомъ—это въ его преслѣдованіяхъ и наказаніяхъ касающихся преступленій противъ оскорбленія величества.

Въ общемъ, насчитываютъ во всей Германіи, что за эти преступленія присуждаютъ ежегодно столько лѣтъ тюрьмы—сколько имѣется дней въ году. Такъ напримѣръ, съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ вступилъ на престолъ девять тысячъ

его подданныхъ потеряли три тысячи пятьсотъ лѣтъ ихъ свободы.

По какому же поводу столько людей было осуждено?

Я думаю, что изъ девяносто случаевъ на сто—если вѣрить людскимъ слухамъ—это происходитъ изъ за недовѣрія къ способностямъ императора, какъ композитора, поэта, дипломата, архитектора, или еще и это самое главное, какъ непобѣдимаго полководца, капельмейстера, спортсмена, художника, романиста, режиссера, а такъ же непогрѣшимаго монарха; или же наконецъ, какъ охотника, галантнаго кавалера, семьянина и т. д.

Однимъ словомъ, поводовъ для обвиненія болѣе чѣмъ достаточно!

Кто нибудь изъ прислуги, какой нибудь вѣроломный другъ имѣютъ право преслѣдовать васъ, начиная, напримѣръ, съ января 1898 года, вслѣдствіе вашего замѣчанія, которое вы сдѣлали еще въ декабрѣ 1893 года.

Такимъ образомъ, въ продолженіе этого пятилѣтняго періода, вашъ обвинитель по закону, имѣетъ право держать васъ подъ угрозой доноса прокурору, что очень часто и практикуется въ Германіи

Вотъ нѣсколько случаевъ такихъ преступленій объ оскорбленіи величества:

Жена одного помѣщика въ Помероніи была приговорена къ шести мѣсяцамъ тюрьмы за выраженное ею желаніе: „Что не мѣшало бы самому императору поцѣловать ея ногу“!

А въ сентябрѣ 1897 года, одна бѣдная учительница музыки, фрейлейнъ Гедвига Штейнъ, высидѣла цѣлыхъ три мѣсяца заключенія, за то что еще въ 1893 году говоря о „Гимнѣ Эгиру“ назвала это великое произведеніе „чистѣйшей дрянью“:

Послѣ мѣсяца ареста бѣдная дѣвушка послала прошеніе на имя императрицы, прося ея заступничества.

Но моя августѣйшая повелительница не рѣшилась сама передать петицію императору и поручила это г-ну фонъ Леветцовъ, бывшему предсѣдателю рейхстага.

Вотъ пересказъ г-на фонъ Леветцовъ, который онъ сообщилъ императрицѣ послѣ разговора съ Вильгельмомъ:

— Я еще не кончилъ объяснять его величеству содержанія моей просьбы, какъ императоръ прервалъ меня:

„Вы находите, сказалъ онъ, что законы объ оскорбленіи величества слишкомъ суровы! Вы меня этимъ очень удивляете! Напротивъ того, вѣдь многократно повторяемыя преслѣдованія, показываютъ, что степень наказанія черезчуръ легка!

Еслибъ, то было иначе, тогда эти господа смѣющіе посягать на помазанника Божія, давно устрашились и замолчали бы!

Вѣрьте, какъ только я найду человѣка вполнѣ пригоднаго для замѣщенія должности канцлера, я немедленно заставлю его представить проектъ новаго закона, усугубляющаго наказанія за преступленія противъ оскорбленія величества.“

Но, самой главной причиной къ безчисленнымъ арестамъ за оскорбленіе величества—служитъ: „Гимнъ Эгиру“. Одного изъ моихъ друзей, причисленнаго къ министерству юстиціи, очень забавляло отыскивать именно подобныя преступленія.

Напримѣръ, за 1894, 1895 и 1896 года, онъ насчиталъ однихъ только штрафовъ до девяти тысячъ марокъ, тѣмъ лицамъ, кто осмѣлился сомнѣваться въ музыкальныхъ способностяхъ Вильгельма II.

Императрица желая смягчить суровость закона объ оскорбленіи величества, часто говоритъ въ защиту своего супруга:

— Это сознаніе своего божественнаго призванія, дѣлаетъ императора такимъ строгимъ по отношенію преступниковъ этого рода.

Однажды, во время, пребыванія ихъ величествъ въ Новомъ дворцѣ, въ октябрѣ 1897 года, весь Дворъ восторгался, поступкомъ императорскаго милосердія къ одной деревенской дѣвушкѣ, прислуживающей во дворцѣ, приговоренной къ девяти дневному тюремному заключенію, за то, что она сказала: „что ей бы хотѣлось уснуть рядомъ съ императоромъ!“.

Мнѣ потомъ пришлось слышать съ какимъ восторгомъ Августа-Викторія, повторяла слова своего вѣнценоснаго супруга по этому поводу:

— Вѣроятно, потому что эта молодая крестьянка видѣла меня на рейнскихъ маневрахъ. И чортъ, возьми, неужели за

это я стану осуждать глупую дѣвчонку! Вѣдь она простая деревенщина, такъ что иначе она и не могла выразить своего восхищенія!“

Но за то, когда не льстятъ самолюбію Вильгельма, хотя бы даже въ такой грубой формѣ, а критикуютъ и задѣваютъ его, какъ императора, тогда онъ бываетъ далеко не такъ милостивъ и выражается нѣсколько рѣшительнѣе:

— Я соглашусь скорѣе помиловать убійцу, но никогда не прощу того, кто оскорбляетъ священную особу монарха! И въ моихъ глазахъ, такой человѣкъ въ десять разъ виновнѣе, нежели убійца!“

Впрочемъ, въ Германіи существуетъ одно маленькое княжество, гдѣ всѣ жители имѣютъ право говорить открыто, что они думаютъ о своемъ императорѣ. Княжество это носитъ названіе: Рейсъ—Грейтцъ—Шлейтцъ—Лобенштейнъ—Эберсвольде—владѣлецъ его Генрихъ XXII, двоюродный братъ Генриха XX, который женился на бывшей наѣздницѣ изъ цирка. Разсказываютъ по этому поводу слѣдующій забавный анекдотъ. Въ ночь послѣ свадьбы, когда новобрачные удалились въ свою спальню, принцъ сказалъ своей супругѣ:

— О! Клотильда, о! моя единственная!

На что бывшая наѣздница отвѣтила:

О! Генрихъ! о! мой двадцатый!

Какъ всѣ жертвы болѣзненнаго темперамента, и всегда повышенныхъ настроеній—Вильгельмъ II находится внѣ условій времени и пространства.

Онъ воображаетъ, что для того чтобы исполнить его волю ему нужно только отдать приказаніе и все будетъ моментально сдѣлано. Значитъ можно себѣ представить до чего трудно служить такому лицу!

По дворцовому постановленію никто изъ прислуги не имѣетъ права находиться въ аппартаментахъ императора во время его пребыванія тамъ, за исключеніемъ только тѣхъ часовъ когда его величество изволитъ почивать. Но, часто случается, что Вильгельмъ встаетъ въ пять часовъ утра, вмѣсто восьми, какъ объ этомъ было объявлено наканунѣ. Какъ

же въ такомъ случаѣ должны поступать слуги?—внезапно предупрежденные о присутствіи императора?

Одна горничная, прежде служившая во дворцѣ, разсказывала мнѣ какое это было забавное зрѣлище смотрѣть, какъ всѣ эти корридорные, печники, полотеры, однимъ словомъ, весь тотъ людъ, что исполняетъ черную работу—бѣжалъ сломя голову, спотыкаясь одинъ на другого, что бы только не попасться на глаза свирѣпому хозяину.

Такъ, однажды моя камеристка, должна была почти цѣлый часъ просидѣть въ печкѣ,—единственное пристанище, которое она могла найти, видя что императоръ вышелъ изъ своей комнаты и направляется въ ея сторону.

Съ тѣхъ самыхъ поръ это стало излюбленнымъ мѣстомъ для укрыванія всѣхъ дворцовыхъ служанокъ, застигнутыхъ врасплохъ; несмотря даже на то, что онѣ рисковали своимъ платьемъ, особенно тѣ изъ нихъ, что были одѣты по формѣ въ свѣтлую холстинку и бѣлыя бумажныя манжеты и воротнички.

Воображаю, какую красивую картину онѣ изъ себя представляли, вылѣзая изъ печки—всѣ перепачканныя сажей!

Мнѣ самой приходилось слышать не разъ, какъ Вильгельмъ выговаривалъ оберъ-гофмейстеру относительно прислуги.

— Послушайте, Эйленбургъ, опять эта проклятая челядь шныряетъ по всему дворцу. Пожалуйста понаблюдайте, чтобы она не вылѣзала изъ своихъ подваловъ и чердаковъ!

Но ваше величество, отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ графъ Эйленбургъ, вѣдь эти люди приходятъ только по утрамъ, когда надо убирать комнаты.

— Эти подробности меня не касаются. Я вамъ сказалъ, и опять таки повторяю, что видъ лакеевъ меня приводитъ въ ужасъ, и это теперь ваша обязанность избавить меня отъ ихъ присутствія!

А вотъ еще одинъ изъ инцидентовъ, показывающій до какой степени ненависть Вильгельма II къ прислугѣ носитъ чисто болѣзненный характеръ.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, во дворцѣ прислуживала (носила дрова) одна дряхлая старушка—по прозванію „ба-

бушка Анна“. Въ одно Зимное утро въ 1889 году эта бабушка Анна, положивъ свою вязку дровъ въ императорскую переднюю замѣтила, что дверь изъ рабочаго кабинета его величества была полуоткрыта—она рискнула посмотрѣть туда въ щелку, и увидала императора сидящаго за письменнымъ столомъ.

— Богъ мой, разсказывала она спустя нѣсколько минутъ своимъ сотоваркамъ; я думаю себѣ: вотъ онъ помазанникъ Божій сидитъ въ своемъ халатѣ! Кто бы могъ повѣрить, что мои бѣдные, старые глаза сподобятся такого радостнаго видѣнія! И, вотъ, я стояла, прижавшись въ уголочкѣ, притаившись какъ мышка, да какъ маленькая, несчастная мышка и я глядѣла, глядѣла и не могла вдосталь наглядѣться!..

Долго бы еще бабушка Анна продолжала разсказывать свое необыкновенное приключеніе, какъ вдругъ явился секретарь гофмаршала двора и спросилъ кто сегодня утромъ былъ на дежурствѣ и убиралъ въ императорскихъ аппартаментахъ.

— Да, я вотъ тоже убирала—проговорила ничего не подозрѣвавшая бабушка Анна.

— Въ такомъ случаѣ, получите ваше жалованье и поскорѣе собирайте ваши пожитки. Императоръ не желаетъ имѣть у себя шпіоновъ.

Впослѣдствіи, императрица Фредерика позаботилась о бѣдной старушкѣ пристроивъ ее на одну изъ своихъ фермъ, а то бы несчастная „бабушка Анна“ умерла съ голоду!

Вильгельмъ II находитъ, что все одинаково должно быть подчинено его августѣйшей персонѣ—будь то—даже театръ!

Вскорѣ послѣ того времени, когда при дворѣ сняли двойной трауръ по дѣдушкѣ, и отцѣ молодого императора—онъ дѣятельно занялся нововведеніями въ королевскихъ театрахъ. Самъ читалъ пьесы, или же присутствовалъ на чтеніи, и тутъ же распредѣлялъ роли своимъ эксъ-фавориткамъ, которыя, кстати сказать, къ нимъ совершенно не подходили.

Въ нашихъ придворныхъ кругахъ надолго останется въ

памяти зимній сезонъ 1896—1897 года, когда Вильгельмъ II въ сотрудничествѣ съ Вильденбрухомъ написалъ пьесу въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія Вильгельма I-го. Положительно не было ни одного человѣка во дворцѣ, кто бы не зналъ наизусть, хотя нѣсколько строкъ изъ этой поэмы, что буквально засѣла въ нашихъ ушахъ.

„Mein Herr grossvater, Wilhelm der grosse“ [1]. Упоминаніе объ этомъ „дѣдушкѣ“ служило единственной темой разговора между ихъ величествами. Императоръ безъ конца услаждалъ нашъ слухъ громадными монологами, или же не менѣе громоздкими отрывками діалоговъ изъ этой надоѣвшей намъ пьесы.

Всю послѣднюю недѣлю, что предшествовала празднику, Вильгельмъ посвятилъ сценѣ и актерамъ; онъ самъ режиссировалъ репетиціями и давалъ указанія исполнителямъ главныхъ ролей. За эти дни онъ рѣдко видѣлся со своей супругой, но каждый разъ какъ только встрѣчался съ нею, сейчасъ же говорилъ ей о своемъ великомъ произведеніи и о той трудности, которую оно представляетъ для работы актеровъ и что не всѣ изъ нихъ вполнѣ понимаютъ свои роли. Напримѣръ—Фрейлейнъ Линдеръ, изображающая „Душу Германіи“ почему то иногда улыбается произнося свой монологъ.

— Это положительно выводитъ изъ себя Вильгельма, сказала Августа-Викторія, передавая мнѣ свою бесѣду съ императоромъ.

— Фрейлейнъ Линдеръ, замѣтилъ его величество обращаясь къ артисткѣ,—съ вашимъ выраженіемъ лица—вы способны испортить все представленіе. Поймите же хорошенько, что „Душа Германіи“ должна носить въ себѣ печать торжественности, почти трагедіи. Вглядитесь только въ мое лицо, тогда вамъ будетъ легко найти нужное выраженіе. А что же, касается до вашего костюма, то онъ собой долженъ олицетворять вереницу мыслей, а потому ему слѣдуетъ казаться длинной, безпрерывной линіей—значитъ вамъ не надо одѣвать корсета, ни вообще какого нибудь пояса стягивающаго талію.

---

[1]) „Мой дѣдушка Вильгельмъ Великій“.

Услыхавъ объ этихъ странныхъ режиссерскихъ совѣтахъ его величества, принцесса [1]) Феодора Мейнингенская, унаслѣдовавшая злой языкъ своей матери, воскликнула смѣясь!

— О, бѣдная „германская душа!“ въ такомъ видѣ она скорѣе напоминаетъ душу мельничихи, запутавшуюся въ мѣшкѣ отъ муки!

Наконецъ, представленіе состоялось и семьсотъ пятьдесятъ приглашенныхъ самимъ императоромъ гостей—убѣжали, не дослушавъ окончанія этой скучной и бездарной галиматьи.

„Къ черту его Herr grossvater'а, вскорѣ послѣ этого представленія писалъ одинъ дипломатъ своему правительству: развѣ не ясно, какъ самъ Вильгельмъ II домогается что бы его признали за полубога!“

Безспорно иностранный атташе выразилъ въ этихъ нѣсколькихъ словахъ то, что въ сущности чувствовали и сознавали мы всѣ присутствовавшіе на этомъ спектаклѣ; то есть, восхваленіе и желаніе императора поставить своего Grossvater'а Вильгельма I-го на вершину славы—было ничто иное, какъ свое собственное возвеличиваніе и прославленіе!

Прежде чѣмъ закончить эти страницы, спеціально посвященныя Вильгельму II, я хочу упомянуть о его послѣднихъ странностяхъ, которыя съ каждымъ годомъ все увеличиваются; а именно:

О томъ необычайномъ экстазѣ, что охватываетъ его при видѣ красивыхъ женскихъ ручекъ. Положимъ, и прежде у его величества замѣчалось страстное поклоненіе прекраснымъ рукамъ женщины!

Такъ напримѣръ, всѣ его фаворитки отличались удивительной красотою рукъ! Эта маленькая слабость — вначалѣ казавшаяся просто капризомъ—съ годами превратилась во что то ненормальное!

За послѣдніе два-три года Вильгельмъ выказываетъ пол-

[1]) Принцесса Феодора—младшая дочь герцогини Шлезвигъ-Гольштинской.

ное равнодушіе по отношенію къ женщинамъ; впрочемъ дѣлая исключеніе только тѣмъ изъ нихъ, кто обладаетъ красивыми руками. Въ данномъ случаѣ онъ не обращаетъ вниманія на внѣшность—и будь у этой дамы носъ, какъ у калмычки, или горбъ за спиною—для Вильгельма это безразлично—онъ всетаки подойдетъ къ ней—наговоритъ комплиментовъ, а прощаясь поцѣлуетъ ея ручку,—только одинъ разъ, если за нимъ наблюдаютъ, и множество разъ, если на него не смотрятъ.

Многихъ удивляетъ, что его величество носитъ столько колецъ на пальцахъ; мы же—придворные, конечно, хорошо освѣдомлены объ этомъ пристрастіи императора къ драгоцѣннымъ украшеніямъ—большая часть, которыхъ точная копія тѣхъ колецъ, что когда то красовались на прелестныхъ пальчикахъ его возлюбленныхъ.

Этикетъ двора требуетъ, чтобы дамы даже днемъ во дворцѣ были въ перчаткахъ, а такъ какъ Августа-Викторія сама не отличается красивыми руками, то она строго придерживается этого обычая.

Но зато, во время обѣда, послѣ бала, за ужиномъ или же еще послѣ концерта—императоръ всегда настаиваетъ, что бы нѣкоторыя придворныя, а также и городскія дамы сняли перчатки.

Въ сущности говоря, вѣдь Вильгельмъ II совсѣмъ не изъ щедрыхъ, но когда онъ выбираетъ подарки для обладательницъ красивыхъ ручекъ, то онъ становится необычайно расточительнымъ.

Вотъ что по этому случаю, разсказала мнѣ одна изъ представительницъ прекраснаго пола удостоившаяся этой чести.

— Однажды, его величество попросилъ меня быть у него въ назначенный имъ день—ровно въ два часа. Я, конечно, надѣла густой вуаль, что бы не быть узнанной. Когда я вошла, императоръ стоялъ посрединѣ комнаты — сверхъ обыкновенія, лицо его не было такъ блѣдно, какъ всегда. „Снимайте скорѣе вашу вуаль и ваше манто“, приказалъ онъ мнѣ, видимо, выражая даже нѣкоторое нетерпѣніе,— вѣроятно, находя, что я не достаточно быстро все это продѣлывала.

Наконецъ, я сбросила свое манто:—на мнѣ былъ одѣтъ корсажъ съ полуоткрытыми, рукавами, отдѣланными кружевами.

— О! Это восхитительно! воскликнулъ императоръ, когда я сняла перчатки.

Затѣмъ, Вильгельмъ II выбралъ между другими футлярами—одинъ самый большой и вынувъ оттуда браслетъ, изображавшій змѣю и растянувъ его, онъ обвилъ имъ мою руку по самый локоть. Я горячо поблагодарила его величество за богатый подарокъ, а онъ въ это время сталъ цѣловать мою руку—между золотыми обручами браслета...“

Бѣдная, тщеславная женщина! Она вѣрила, и вѣритъ, конечно еще и до сихъ поръ, что была единственнымъ дѣйствующимъ лицемъ во всей той комедіи! А вѣдь на самомъ дѣлѣ, и въ Берлинѣ, и Потсдамѣ, и Килѣ и Бреслау и въ Кенигсбергѣ находятся дюжины подобныхъ женщинъ, которыя имѣютъ такіе же точно трофеи,—но только всѣ разумѣется не такъ болтливы, какъ она!

Впрочемъ, у императора всегда остается въ памяти хорошенькая ручка, хотя бы онъ и видѣлъ ее всего только разъ; что приводитъ императрицу въ безумную ярость!

За послѣднее время Вильгельмъ II предался хиромантіи. На его письменномъ столѣ можно найти всѣ наиболѣе извѣстныя работы изъ этой науки „отгадыванія“, но—Августа-Викторія, несмотря, на старанія своего августѣйшаго супруга заинтересовать ее разсказами изъ этой области—совсѣмъ не поддается его вліянію.

Впрочемъ, стоитъ императору только напомнить ей, что Людовикъ XIV также любилъ красивыя руки, какъ и онъ, то это изреченіе вполнѣ удовлетворяетъ императрицу, такъ какъ все что дѣлалъ французскій монархъ возбуждаетъ въ ней величайшее восхищеніе!

Еслибъ ея величество захотѣла немного болѣе вникнуть въ разсказъ своего вѣнценоснаго супруга по этому поводу, то, конечно, она бы поняла, что императоръ слегка искажаетъ истину; ибо извѣстно что: „страсть Людовика къ женскимъ ручкамъ проявилась только потому что Богъ бросилъ орѣхи на его пути, когда онъ уже не имѣлъ зубовъ, что бы ихъ разгрызть!“.

Ко всему вышесказанному я считаю не лишнимъ добавить, что Вильгельмъ II, разумѣется, не вѣритъ ни въ какую хиромантію; она ему служитъ лишь удобнымъ предлогомъ, чтобы на свободѣ, и безъ стѣсненія разсматривать и ласкать красивыя руки женщинъ.

XXI.

Послѣ долгихъ лѣтъ жизни при дворѣ, встрѣчаясь съ императоромъ изо дня въ день—я пришла къ тому заключенію, что морально онъ не отвѣтственъ за многіе свои несправедливые и безтактные поступки.

Начиная съ того, что Вильгельмъ II положительно не умѣетъ владѣть собой, управлять своими порывами, желаніями и страстями. Онъ всегда поддается первому впечатлѣнію—будь оно хорошее или дурное. А кромѣ того, интересуясь только собственной персоной, и смотря на окружающихъ его людей, хотя они были бы самымп выдающимися, лишь какъ на пустое мѣсто, онъ, какъ бы даже не предполагаетъ, что вблизи его находятся живыя существа—живущія съ нимъ одинаковой жизнью—печалящіяся его печалью и радующіяся его радостью.

Смотря на свою миссію „властелина міра", какъ на откровеніе и милость посланныя ему свыше—этотъ коронованный „посредникъ Божій" идетъ по пути предначертанному ему судьбою, которая управляетъ всѣми подобными жертвами маніи величія.

Относительно этого „самовлюбленія" императора я припоминаю одинъ разговоръ съ моей пріятельницей бывшей статсъ-дамой покойной королевы Баварской—баронессой X...

Однажды я поѣхала навѣстить ее въ Отель Бристоль, и я еще не успѣла войти къ ней въ комнату, какъ вдругъ оглушительное „урра"! и „хохъ"! привлекли наше вниманіе и мы обѣ направились къ окну.

Это былъ императоръ Онъ подъѣхалъ въ великолѣпной коляскѣ; на немъ былъ наброшенъ сѣрый плащъ поверхъ

генеральскаго мундира, а благодаря своей остроконечной каскѣ, Вильгельмъ II казался выше ростомъ, чѣмъ обыкновенно.

— Посмотрите, пожалуйста, какъ онъ важничаетъ и до чего заискиваетъ передъ толпою, сказала баронесса, онъ мнѣ ужасно напоминаетъ.... При этихъ словахъ, я схватила за руку мою пріятельницу и быстро прошептала ей:

— Ради Бога, тише, вѣдь въ этомъ отелѣ—также стѣны имѣютъ уши, какъ и у насъ во дворцѣ! Замѣтивъ, что баронесса на меня разсердилась за мой невольный порывъ— я все же уговорила ее продолжать начатый разговоръ, хотя она и увѣряла меня, что ея разсказъ „можетъ возмутить мои патріотическія чувства“, но тѣмъ не менѣе, она рѣшилась продолжать:

— Видите ли, я еще никогда не была такъ поражена сходствомъ вашего императора съ покойнымъ королемъ Людвигомъ Баварскимъ, какъ сейчасъ: тѣ же позы, когда онъ выходилъ изъ экипажа, та же „величественная“ походка и жесты, тотъ же заученный поворотъ головы, тоже выраженіе лица и глазъ; разумѣется, все это прекрасно разыграно, что бы произвести наибольшій эффектъ на толпу. И вотъ, это то сходство такое разительное невольно навело меня на грустныя предположенія.

— Положимъ, я вовсе не стану отрицать, возразила я, что нашъ императоръ немного утрируетъ въ театральности своихъ манеръ; но, что бы сравнивать его съ сумасшедшимъ—до этого еще далеко!

— Вы меня не такъ поняли, графиня, продолжала моя пріятельница, я и не думаю судить вашего императора, исключительно по его внѣшнимъ признакамъ; но я такъ же отмѣчаю и всѣ малѣйшіе поступки его интимной жизни, напримѣръ, его отношенія къ матери, къ его близкимъ, къ его чиновникамъ, наконецъ его пристрастіе къ искусствамъ и литературѣ. И такъ, разсматривая его съ этихъ точекъ зрѣнія, я и повторяю вамъ что: Вильгельмъ II мнѣ во многомъ напоминаетъ своего кузена Людвига Баварскаго.

Какое счастье, что моя августѣйшая повелительница, не дожила до того времени, что бы увидѣть своего внучатнаго

племянника! Хотя, она и стала настоящей баваркой, но тѣмъ не менѣе все же съ увлеченіемъ стояла за величіе и славу рода Гогенцоллерновъ.

Затѣмъ, баронесса показала мнѣ, то мѣсто въ своемъ дневникѣ, который она старательно вела нѣсколько лѣтъ подрядъ—текстъ той молитвы, что подъ конецъ своей жизни несчастная королева Марія—повторяла каждый день.

„Если это правда Всемогущій Творецъ, что я стала невольнымъ орудіемъ твоего гнѣва противъ рода Виттельсбаховъ — передавая ему зародышъ безумія моихъ предковъ, то смилуйся надо мною, рабою твоею.

„Въ лицѣ Фридриха—Вильгельма IV, ты вѣдь уже показалъ Гогенцоллернамъ до чего не прочно царство земное. А также, печальная участь моихъ собственныхъ сыновей будетъ всегда примѣромъ всему королевскому дому Баваріи, какъ наказаніе за ихъ непомѣрную гордость!

„Пусть же благочестивыя жизни, наслѣдниковъ Фридриха—Вильгельма и преемниковъ моихъ сыновей будутъ, какъ бы искупляющими прежніе грѣхи; и пусть въ будущемъ Виттельсбахи и Гогенцоллерны станутъ честными, смиренными, добрыми и да боятся они Бога!“

— Значитъ, спросила я баронессу, королева Марія была того же мнѣнія, что и доктора и тоже увѣрена, что именно она передала своимъ сыновьямъ безуміе Гогенцоллерновъ?

— О, да, разумѣется! вполнѣ.! Вѣдь ея величество, отвѣчала мнѣ баронесса, хорошо знала, что отецъ и дѣдушка Людвига II были совершенно здоровы—а кромѣ того, король Максимиліанъ имѣлъ по крайней мѣрѣ съ полдюжины незаконныхъ дѣтей, обладающихъ выдающимися способностями—тогда, какъ два сына его отъ жены—прусской принцессы— Людвигъ и Оттонъ—оба сошли съ ума. Такимъ образомъ, вы не можете сомнѣваться, дорогая графиня, что несчастіе укоренилось, у Виттельсбаховъ благодаря Гогенцоллернамъ!

Затѣмъ, приблизившись ко мнѣ, какъ бы боясь на самомъ дѣлѣ, что ея слова будутъ услышаны, баронесса прошептала мнѣ на ухо:

Единственнымъ утѣшеніемъ во всей этой трагедіи служитъ то, что Людвигъ уже умеръ, а принцъ Оттонъ умретъ бездѣтнымъ. Значитъ, молитва моей дорогой королевы—по крайней мѣрѣ въ этомъ ея желаніи—исполнилась,

Королева Марія была дочь принца Вильгельма прусскаго—сына Фридриха—Вильгельма, дяди Фридриха—Вильгельма IV, того что сошелъ съ ума. Мать его была принцесса Гомбургская, которая тоже послѣдніе годы своей жизни страдала нервнымъ растройствомъ.

Время отъ времени Дворъ невольно содрогается при мысли, что какой то Бебель, Либкнехтъ или Рихтеръ можетъ подняться на трибуну и провозгласить въ рейхстагѣ о сумашествіи императора Вильгельма II. А такъ какъ рѣчи произносимыя въ парламентѣ отличаются большимъ единодушіемъ и полной свободой, то само собой понятно, какъ приверженцы императора, а также и нѣкоторые изъ министровъ находятся постоянно на сторожѣ, что бы не допустить подобнаго скандала.

И, въ самомъ дѣлѣ, если только предположеніе о безуміи Вильгельма II, которое увы! теперь у многихъ на умѣ—распространится въ народѣ,—то, разумѣется, правительство будетъ поставлено въ ужасное затрудненіе. Безспорно, отъ этого факта серьезно пострадаетъ престижъ Имперіи, и кто знаетъ, не ускорится ли тѣмъ самымъ финальная катастрофа?...

Каждый германецъ знаетъ, что двое родственниковъ императора Вильгельма, при одномъ только упоминаніи что они лишаются своей короны, сдѣлались безумными; одинъ изъ нихъ впалъ въ безпросвѣтную меланхолію, а другой въ такое отчаяніе, что въ припадкѣ его, лишилъ себя жизни.

Бѣдная Августа—Викторія, ничего не подозрѣваетъ объ этихъ мрачныхъ предзнаменованіяхъ. Для нея, для ея влюбленныхъ глазъ, всѣ эти эксцентричности обожаемаго супруга, имѣютъ только значеніе, какъ проблески генія, того самого генія, о которомъ императоръ такъ часто и такъ краснорѣчиво говоритъ ей.

Впрочемъ, я совсѣмъ не задалась цѣлью доказывать безуміе Вильгельма II. Во первыхъ, слишкомъ смѣлымъ, а во вторыхъ, и преждевременнымъ было бы подобное посягательство съ моей стороны; но все же я считаю не лишнимъ обрисовать кое какіе факты изъ его жизни, дающіе нѣкоторое право это предполагать.

Однимъ изъ тревожныхъ симптомовъ тому служитъ—эта кровожадная ярость, проявляемая на охотѣ Вильгельмомъ II, Это двѣ совершенно различныя вещи упражнять свою силу и ловкость охотясь за дикими звѣрями, или же только предаваясь искусству палача, какъ въ стрѣльбѣ дѣлаетъ императоръ. Недавно его величество похвастался тѣмъ, что убилъ пятидесяти тысячную голову звѣря, сказавъ при этомъ:

— Когда я только думаю о числѣ звѣрей въ моихъ лѣсахъ, то я чувствую себя, какъ Фридрихъ Великій въ Кельнѣ, когда онъ кричалъ своимъ эскадрономъ: „собаки, неужели вы все еще живы“? Я, надѣюсь, къ будущему десятилѣтію удвоить, даже утроить мой рекордъ въ стрѣльбѣ! Если король не въ состояніи вести войну, то въ такомъ случаѣ, онъ долженъ быть счастливъ, хотя тѣмъ, что можетъ примѣнять ее въ своихъ собственныхъ лѣсахъ. Это его тренируетъ!

Однажды, мнѣ именно пришлось говорить относительно этого непомѣрнаго влеченія Вильгельма къ охотѣ, съ однимъ извѣстнымъ докторомъ, лечившимъ несчастнаго Людвига баварскаго, кузена нашего императора.

— Право, я и не подозрѣвалъ, что его величество такой фанатикъ охоты, сказалъ мнѣ докторъ. Впрочемъ, судя по его рѣчамъ, я долженъ былъ самъ объ этомъ догадаться,— до того онѣ всегда пропитаны жаждой крови; а эти его постоянныя намеки на войну—его неумолкаемыя возванія къ арміи;—объявляющія, что должны умереть за него, наконецъ, эти ужасныя и такъ часто повторяемыя обращенія къ солдатамъ, подтверждающія его приказы, что нужно быть всегда готовыми—по первому его слову убивать отца, мать, братьевъ, сестеръ—будь то ружьемъ, саблей или штыкомъ; на мой взглядъ подобные приказы равносильны тѣмъ, жестоко-

стямъ, которыя время отъ времени срывались съ устъ Людвига II. Мой бѣдный больной просиживалъ буквально по цѣлымъ днямъ придумывая новыя пытки для своихъ воображаемыхъ преступниковъ; подписываніе же приговоровъ о смертной казни—большею частью, конечно, фиктавныхъ,—доставляло ему несказанное удовольствіе!

А каковы чувства Вильгельма II, когда онъ подписываетъ смертный приговоръ? На это трудно отвѣтить. Впрочемъ, я знаю только то, что онъ подписываетъ всѣ безъ исключенія положенные ему для подписи, и что въ каждомъ актѣ приговора, со дня смерти императора Фридриха введена слѣдующая фраза: „его величество отказываетъ въ просьбѣ о помилованіи. Преступникъ долженъ быть казненъ холоднымъ оружіемъ и т. д.“ Обычно Вильгельмъ II оказываетъ снисхожденіе только дуэлистамъ, или же офицерамъ—обвиненнымъ въ перевышеніи власти.

Незадолго до устройства праздника въ честь столѣтія со дня рожденія Вильгельма I, тысячи петицій получались на высочайшее имя; но императоръ очень занятный приготовленіями къ предстоящему юбилею, даже не счелъ нужнымъ просмотрѣть тѣ изъ нихъ, что которыя ему предложилъ къ подписи министръ юстиціи.

— У меня нѣтъ времени заниматься этими убійцами— отвѣтилъ Вильгельмъ Г-ну Луканусу. Выберите сами нѣсколько осужденныхъ тѣхъ, что защищая свою честь прибѣгли къ оружію—и я имъ дамъ свободу; ну, а что касается остальныхъ, то пусть они глотають прописанное имъ лекарство!.

Но, несмотря, на свою чрезвычайную и болѣзненную нервность—Вильгельмъ II все же человѣкъ очень храбрый.

Во время безпорядковъ въ Берлинѣ, въ 1891 году, императоръ выказалъ большое мужество и смѣлость. Впрочемъ, когда онъ неожиданно находится вблизи угрожающей ему опасности, то онъ тогда не всегда можетъ справляться со своими нервами.

Разсказываютъ, напримѣръ такой случай, бывшій съ нимъ въ Прокельвитцѣ, въ 1892 году. Его величество приказалъ своему другу-графу Дона̀ пріѣхать за нимъ на

станцію на своей знаменитой четверкѣ вороныхъ, которой такъ любовался Вильгельмъ въ свое послѣднее посѣщеніе замка Прокельвитцъ. Графъ Донà, конечно исполнилъ желаніе императора и выходя, съ вокзала, его величество сѣлъ въ экипажъ вмѣстѣ съ графомъ, который взялъ въ руки возжи.

Все шло благополучно, вплоть до деревни; но тутъ двѣ переднія лошади, запряженныя въ первой парѣ испугались услыхавъ патріотическій хоръ крестьянъ, привѣтствующій своего императора—бросились въ сторону и понесли.

Но графъ Донà не растерялся—онъ опустилъ возжи переднихъ лошадей [1]) и изо всей силы сдержалъ вторую пару. Эта тактика удалась вполнѣ; такимъ образомъ, лошади были усмирены и успокоены еще до въѣзда въ замокъ Прокельвитцъ. Когда всякая опасность миновала Вильгельмъ молча сжалъ руку своего друга. Но нервное потрясеніе было до того сильно, что ему пришлось помочь выдти изъ экипажа. Императоръ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ; не говоря ни слова и не обращая вниманія на встрѣтившихъ его дамъ, Вильгельмъ быстро прошелъ въ приготовленное для него помѣщеніе—сопровождаемый своими адъютантами. А вечеромъ того же дня, какъ мнѣ потомъ передавали—съ императоромъ былъ припадокъ.

То же самое повторилось лѣтомъ 1891 года, мѣсяца за два до путешествія ихъ величества въ Англію. Войдя въ уборную императора, его увидали распростертымъ на полу—около кресла, которое онъ уронилъ при паденіи. А затѣмъ, вскорѣ опять былъ съ нимъ обморокъ; но онъ уже къ счастью случился въ берлинскомъ замкѣ въ спальнѣ его величества; и на этотъ разъ камердинеръ императора былъ съ нимъ.

Объясненіе данное по этому поводу графомъ Эйленбургомъ дворцовой прислугѣ—заслуживаетъ быть отмѣченнымъ до того оно забавно:

Его величество, заявилъ его превосходительство, имѣетъ

[1]) Лошади были запряжены цугомъ.

такую своеобразную привычку бросаться сразу въ кресло, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если иногда кресло и ломается подъ нимъ!

Съ нѣкоторыхъ поръ, болѣзнь Вильгельма II приняла болѣе острую форму; теперь припадки не сопровождаются, какъ раньше признаками, по которымъ можно было догадаться о наступленіи кризиса, а приходятъ внезапно.

По этому случаю, изъ предосторожности, въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ находится императоръ не ставятъ больше хрустальныхъ или фарфоровыхъ вазъ съ живыми цвѣтами; даже изгнали изъ его кабинета и тѣ двѣ массивныя, серебряныя вазы, что подарила императрица своему супругу въ день его рожденія, которыя прежде всегда стояли у него на письменномъ столѣ украшенныя его любимыми цвѣтами.

Относительно здоровья императора мнѣ не приходится много добавлять—кромѣ того, что я уже упоминала на предъидущихъ страницахъ; могу сказать впрочемъ, что я узнала, какъ за послѣднее время ухудшилось болѣзненное состояніе его уха. Слухъ о томъ, что это заболѣваніе носитъ всѣ признаки раковиднаго—еще болѣе подтверждается тѣмъ фактомъ, что великій герцогъ Баденскій страдаетъ этой ужасной болѣзнью. А также извѣстно и то, что этотъ великій герцогъ женатъ на прусской принцессѣ, внучкѣ королевы Луизы, родной сестры покойнаго Фридриха III. А. такъ какъ, королева Луиза и ея братъ императоръ Фридрихъ оба умерли отъ рака, то доктора увѣряютъ, что великая герцогиня Баденская передала эту наслѣдственную болѣзнь своему мужу.

Около девяти лѣтъ прошло съ того дня, когда я поселилась въ этомъ громадномъ дворцѣ на берегахъ Шпрее. И вотъ, теперь кончая свои мемуары о Вильгельмѣ II и о берлинскомъ дворѣ; мнѣ невольно вспоминаются слова одного высокопоставленнаго лица, по поводу того, что въ сущности представляетъ изъ себя придворная дама.

„Быть придворной дамой—это оживлять смолкающій разговоръ въ королевской ложѣ; присутствовать на спек-

такляхъ, слушать концерты не открывая своего портмонэ, пользоваться безплатно совѣтами придворнаго доктора и не платить счетовъ въ аптеку".

Прежде всего я должна упомянуть, что за всѣ эти девять лѣтъ, ко мнѣ относились высокіе особы, мои августѣйшіе хозяева, которыхъ Провидѣніе еще при рожденіи своемъ наградило всѣми благами, ни лучше, и не хуже, чѣмъ къ другимъ лицамъ моего круга. Слѣдовательно у меня нѣтъ никакихъ особыхъ причинъ жаловаться на свою судьбу.

Я не писала эти страницы, что бы повредить тѣмъ, про кого говорю въ этой книгѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, я описывала только одну правду, и какія бы не вышли изъ за этого непріятныя послѣдствія— я все же не могла поступить иначе!

Я только хотѣла дать точный портретъ монарха, какъ съ физической, такъ и съ моральной стороны; собирая факты и наблюденія, которые я имѣла преимущество, а можетъ быть, и несчастіе видѣть и сознавать. А затѣмъ, уже право вывести заключеніе о всемъ написанномъ предоставляю самому читателю.

Я не имѣю никакого личнаго интереса издавая эти „мемуары", я разсказала въ нихъ придворную жизнь, такой, какой я ее видѣла. И если мой разсказъ пошатнетъ нѣсколько уже установленныхъ истинъ и покажетъ нѣкоторыя вещи въ новомъ освѣщеніи; то пусть читатель вспомнитъ, что дѣйствительность, часто бываетъ болѣе необыкновенной, чѣмъ самъ вымыселъ, и что признанная исторія,— большею частью только завѣдомая—ложь.

Первая Женская Типографія. Петроградъ, Коломенская, 39.

